

Анатолий Матвиенко

АЭРОПЛАНЫ над МУКДЕНОМ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

В 1883 году Александр Федорович Можайский провел наземные испытания «воздухолетательного снаряда» — первого в мире прототипа аэроплана. России выпал уникальный шанс стать колыбелью авиации на двадцать лет раньше полетов братьев Райт в США.

Предположим на миг, что у Можайского появились единомышленники и последователи, которые смогли преодолеть не только огромные инженерно-технические трудности на пути в небо, но и чисто российские препятствия: отсталость, чиновничий произвол, национальную нетерпимость, желание сделать на «авось» там, где нужен математический расчет. С первыми победами над воздушной стихией у авиаторов тут же появляются завистники, начинаются интриги, судебные тяжбы и прочие конфликты. Активизируются зарубежные конкуренты, в ход идут шпионаж, провокации и диверсии. Совсем некстати размахивают бомбами народники-революционеры. Первых русских самолетостроителей ждут абсурдные обвинения и тюремные застенки, непонимание властей и ненужная инициативность дилетантов, постоянные аварии и гибель летчиков-испытателей. Но настоящая любовь к небу и преданность своему делу способны на чудеса. Поэтому к началу русско-японской войны Российская императорская армия располагает военно-воздушными силами, способными противостоять коварному и безжалостному врагу.

Анатолий Матвиенко

АЭРОПЛАНЫ НАД МУКДЕНОМ

*Очевидно заранее: так не было!..
Согласимся: так не было.
Все случилось иначе,
и люди, мною оживленные,
не таковы были, какими описаны.*

Лев Вершинин

Дорогие читатели! Соблюдая каноны жанра альтернативной истории, я наполнил роман действующими лицами, которые имеют исторических прототипов. Их биографии в силу авторского замысла существенно изменены, поэтому прошу не отождествлять реальных людей с моими героями. Полностью вымышлены лишь братья Самохваловы и пара второстепенных персонажей.

Для простоты прогресс в воздушной технике показан схематично и кратко, а самолеты не соответствуют реальным моделям первого десятилетия авиации. Специфические авиационные термины разъяснены в глоссарии в конце романа.

Книга посвящается изобретателям, самолетостроителям, летному и наземному составу военно-воздушных сил и гражданской авиации Российской империи, Советского Союза и стран СНГ, а также памяти штурмана авиации дальнего действия Евгения Александровича Матвиенко, моего отца, и памяти военного инженера стратегической бомбардировочной авиации Вениамина Александровича Матвиенко, моего дяди. Низкий поклон вам за чистое небо Родины!

Глава 1

26 марта 1889 года. Санкт-Петербург

Штабс-капитан, изрядно утомившись оглашением громоздкого бюрократического опуса, зачитал его заключительную часть:

— На основании вышеизложенного, комиссией Военно-ученого комитета воздухоплавательный снаряд контр-адмирала Можайского в действительном виде либо с должествующими усовершенствованиями признается для военного воздухоплавания неудобоприменимым.

Отставной моряк десятки раз слышал подобную военно-канцелярскую казуистику. Отличались резоны, вывод оставался прежним — денег не будет. Жалкие несколько тысяч рублей, выделенные на постройку прибора в начале восьмидесятых, давно кончились, имение перезаложено, из знакомых и родственников вытянуты все суммы, которые они смогли ссудить упорному изобретателю. Пенсия, каждый рубль из которой расписан на месяцы вперед, не позволяет закончить машину. Сыновья Александр и Дмитрий, уважающие отца, но уставшие от его многолетних бесплодных попыток поднять в воздух нелепую коптящую конструкцию, отказались участвовать в его деле и живут по-своему.

Флот умирает, но не сдается. Александр Федорович, давно разменявший седьмой десяток, с неизменным тщанием обходил чиновные коридоры Военного министерства. Кряжистая фигура моряка в черном контр-адмиральском мундире резко контрастировала с обликом сухопутных офицеров в зеленой форме, а его раскачивающаяся походка, словно на палубе фрегата, ничем не напоминала строевую выправку кабинетных шаркунов или кривоногую кавалерийскую статью. С петровских времен армия и флот были поделены на две непересекающиеся касты, внутри каждой из которых насаживалось презрение к иным. В угоду этой вражде часто забывалась главная задача вооруженных сил — военная защита интересов империи.

Нет, контр-адмирала здесь никто не оскорблял. Он получал положенное по уставу количество офицерской вежливости, его принимали, выслушивали. Но дальше дело не шло. В «родном» Морском министерстве дела обстояли еще хуже: коллеги-адмиралы интересовались только постройкой новых кораблей и сопутствующими изобретениями — системами управления огнем, навигации, снабжения, обслуживания и т.д. Морская авиация, в самом оптимистичном случае, представлялась им как привязные аэростаты для наблюдения за акваторией. Да и то, в эпоху паровых двигателей угольный дым из топок распространялся на многие мили, демаскируя эскадры. Посему разведывательное значение воздухоплавательный аппарат мог бы получить только при реальном радиусе действия во многие десятки миль. Как ни парадоксально, сухопутное ведомство, занимавшееся всеми военными вопросами, кроме морских, по определению исповедовало более широкий подход к техническим новшествам. Поэтому Можайский как на службу регулярно приходил в величественное здание на Дворцовой площади, просил, убеждал, доказывал, умолял, получал очередной отказ и снова добивался аудиенции у генералов.

В сухих словах официальной переписки изобретатель не мог выразить свой главный аргумент: без покорения неба человек — лишь эмбрион высшего разумного существа. Обретя воздушное пространство, он получит невероятные возможности. Пусть Россия первой преодолет нелепое ограничение, привязывающее нас к земле с рождения и до

смерти.

Сегодняшний отрицательный ответ его обескуражил. Впервые за много месяцев Можайский получил не бюрократическую отписку, а развернутый анализ положений своего проекта. Утратив часть присущей ему в молодости гибкости мышления и заострив в своих воззрениях, он не мог не признать убедительности отдельных доводов, которые излагал штабс-капитан. Александр Федорович ощутил двойной удар. Отказ от казенного финансирования дополнился леденящим душу сомнением — может быть, действительно в его расчетах есть роковые ошибки, и снаряд не полетит даже с мощными двигателями Обуховского завода.

— Георгий Дмитриевич, вы доложили Петру Семеновичу о выводах комиссии? — спросил у штабс-капитана хозяин просторного кабинета, генерал от инфантерии Обручев. Как начальник Главного штаба, он по должности являлся председателем Военно-ученого комитета. Сей комитет не распределял министерских фондов и лишь готовил предложения военному министру генералу Ванновскому.

— Никак нет, Николай Николаевич. После вашего утверждения и доклада господину министру решение о закрытии проекта Можайского станет свершившимся. В письме на высочайшее имя контр-адмирал особо подчеркивал, что участники предыдущих комиссий не прислушались к его аргументам.

Начальник штаба одобрительно глянул на своего помощника. Штабс-капитан правильно уловил диспозицию и подготовил процедуру, после которой у назойливого изобретателя не будет оснований вновь беспокоить его императорское величество жалобами на бюрократизм Военного министерства.

— Спасибо, Георгий Дмитриевич. Распорядитесь, подать нам чаю. А мы послушаем уважаемого Александра Федоровича, какие он может привести возражения, — Обручев специально смягчил официозно-казенный тон, заданный канцелярским языком заключения комиссии. Да и сидевший перед ним отставной контр-адмирал, пусть и доросший по военному делу до четвертого класса в табели о рангах, никакого отношения к сухопутной армии никогда не имел, по возрасту был окончательным нонкомбатантом и представлялся генералу практически партикулярным лицом.

Можайский не притронулся к чаю и бросил хмурый взгляд из-под седых кустистых бровей на вертевшегося у окна молодежавшего штатского, представленного как «господин Самохвалов, воздухоплаватель».

— Простите, сударь. Далее речь пойдет о секретных делах военного воздухоплавания.

Штатский улыбнулся, но за него ответил генерал:

— Полноте, Александр Федорович! В ближайшие годы военное применение вашего детища едва ли состоится. А бесценный опыт полетов Петра Андреича поможет сделать правильные выводы.

— К вашим услугам, — еще раз осклабился тот.

Можайский вздохнул и решил не перечить по мелочам. Лишь бы доделать аппарат, а потом он покажет и генералам, и самоуверенным штафиркам, насколько грозен будет его снаряд в воздухе.

— Милостивые государи! Я благодарю вас за внимательное ознакомление с моими документами. Признаю, в таком новом деле невозможно все проблемы решить уже при постройке первого снаряда. Посему неизбежны неисправности, аварии и переделки конструкции. Однако я полагаю, что для нашей армии и флота, а также первенства России в

постройке воздушных кораблей тяжелее воздуха мы должны двигаться вперед. Первопроходцам всегда трудно.

— Извините, Александр Федорович. Мне кажется, у господина Самохвалова есть свои соображения по поводу новизны вашего проекта, — перебил Обручев. — Петр Андреевич, будьте любезны.

Воздухоплаватель, игнорируя выделенное для него кресло, начал расхаживать вдоль окон, вещая и размахивая руками. Его метания выходили за всякие рамки учтивости, но юродивые энтузиасты безумных дел всегда пользовались некими привилегиями наравне с артистами, писателями и прочими творческими индивидуумами, коих вредно загонять в предустановленные рамки. Несмотря на тридцать — тридцать пять лет возраста, которые Можайский ему дал по первому впечатлению, по имени-отчеству звать сей персонаж было неловко. Скорее — Петя, в близком кругу таких называют Петюнчик или еще как игриво. И такое существо участвует в решении судьбы русского воздухоплавания? Куда катится Россия!

— Идея полета на аппарате тяжелее воздуха не нова. На воздушном змее многие поднимались и до вас, Александр Федорович. Китайцы уже лет восемьсот так делают. Но это — не полет. Стоит перерезать веревку, змей отвесно падает на хвост. Он не умеет парить в воздухе без привязи. Безмоторные парящие аппараты — также не новость. Французы их называют «планеры», англичане — «глайдеры». Во Франции я летал на аппарате Жан-Мари Ле Бри. Вы не поверите, в эти несколько секунд над землей чувствуешь себя настоящей птицей. — Петр даже закрыл глаза, мысленно вернувшись в мгновения свободного полета. — Лет десять назад я видел один из экспериментов Луи Пьера Муйяра. Николай Андреевич Арендт, наш соотечественник, также совершил, по слухам, несколько удачных полетов, но с ним, к сожалению, я лично не знаком, — из щегольского кожаного саквояжа на свет появился зачитанный журнал «Знание» за 1873 год со статьей Арендта «К вопросу о воздухоплавании». — Не обижайтесь, сударь, но их аппараты гораздо уверенней держались в воздухе, нежели ваше изобретение.

— Вы забываете, господин воздухоплаватель, что на моем снаряде стоят паровые двигатели, — Можайский смотрел на выскочку с явной неприязнью. Одна фамилия «Самохвалов» чего стоит, удивительно подходящая к самодовольному штатскому. — Я запатентовал свое изобретение.

Холеная рука извлекла из портфеля еще одно печатное издание, на этот раз — английское.

— Джон Стригфеллоу и Уильям Хенсон в 1842 году зарегистрировали устройство «Воздушного парового экипажа», по-английски Aerial Steam Carriage, патент Британии № 9478. Их «Эриэль» с размахом крыльев сорок шесть метров, по-нашему это двадцать две сажени, был рассчитан на паровой двигатель мощностью пятьдесят индикативных, или, как их называют в Англии, лошадиных сил. Ваша пятилетняя привилегия Департамента торговли и мануфактур, во-первых, давно истекла, во-вторых, имела оговорку «чтобы изобретение сие, по 97-й статье того же Устава, было приведено в полное действие». Как мы знаем, ваш воздухоплавательный снаряд так никуда и не поплыл. Обождите! — Самохвалов жестом остановил готовое сорваться у контр-адмирала возражение. — Паровой аэроплан, прошу милостиво извинить за еще одно английское слово, не удался ни у кого. За столетия удалось построить ряд малых летающих моделей на паровом или пружинном двигателе, а также несколько моделей в натуральную величину, которые катались по рампе или по земле, потешно пытались подпрыгнуть и быстро ломались, — он хохотнул, но никто

не поддержал Петино веселье. — В портфеле у меня целый архив вырезок. Простите великодушно, судари, но я не дерзну назвать нелетающее изделие аэропланом. Его можно наречь разве что моделью в натуральную величину или опытным образцом.

— Александр Федорович, если у вас есть что возразить — я весь внимание, — генерал изобразил объективность. Он от души радовался, что говорить неприятные вещи в лицо заслуженному моряку приходится не ему, а залетному штатскому, с которого взятки гладки.

— Мой снаряд взлетел, — угрюмо парировал Можайский. — Для длительного устойчивого полета необходима установка двигателей Обуховского завода, на монтаж которых нет денег. Нужно всего шестьсот рублей. Слово дворянина.

Затем контр-адмирал снова глянул на воздухоплателя. За годы на море он привык общаться с простым людом и не чураться его. Но выскочку надобно было поставить на место. Такие вещи, как офицерская или дворянская честь, приказчикову сыну неведомы, зато понятны штабистам. Несмотря на безукоризненный английский костюм и грамотную речь Самохвалова, его простецкое или, как говаривали в старину, «подлое» происхождение лезло изо всех щелей: неуважение к старшим, отсутствие чувства собственного достоинства, манера бегать и махать руками в разговоре.

Штабс-капитан открыл папку и достал несколько листков. К прискорбию, папка Главного штаба хранила не меньше разрушительных для Можайского документов, чем лакированный саквояж.

— В записке Главного инженерного управления Военного министерства, составленной по результатам испытаний в 1883 году, отмечено, что аппарат Можайского был, приводим в действие, но взлететь не мог. Повторная попытка в присутствии представителей Министерства датирована 1885 годом. Снаряд разогнался под уклон на деревянном настиле, завалился набок и поломал крыло.

— Но перед этим он оторвался от досок всеми четырьмя колесами! — выцветшие глаза моряка вспыхнули фанатичным огнем. Не важно, что колеса снаряда крутились в воздухе, словно на бричке, перевернутой пьяным извозчиком, а подлета не зафиксировал никто из присутствующих. Изобретения, на десятилетия опередившие свое время, могут быть воплощены лишь подвижниками, для которых слово «нельзя» ничего не значит.

— Не будем спорить по этому поводу, — примирительно вставил начальник штаба. — Я даже готов допустить, что снаряд пролетел десять или двадцать шагов. Что это меняет? Вы только что дали слово о достаточности Обуховских моторов в пятьдесят индикаторных сил. В 1885 году у вас стояли машины в тридцать индикативных сил, а комиссия под председательством капитан-лейтенанта Рыкачева настаивает минимум на семидесяти пяти. Но при этом и вес увеличится, не так ли? Уже сейчас ваш аппарат весит больше шестидесяти пудов. Значит, снова надо наращивать котлы, цилиндры, запас воды и топлива. Пусть ваш аппарат взлетит, он не сможет преодолевать большие расстояния с полезным грузом. Пока сие лишь спорт — полетит или нет. До регулярной работы еще годы и годы труда.

— Машины готовы. Говорить можно о чем угодно. Наверняка можно узнать лишь одним способом — установить их на мой снаряд и взлететь.

— Недостаточность мощности движителя — не единственная нерешенная проблема, — снова заговорил штабс-капитан. — В заключении комиссии генерал-лейтенанта Паукера говорится: «При правильном устройстве снаряд может двигаться по воздуху по определенному направлению только при совершенно спокойном воздухе, или при весьма ровном ветре, направление которого сохраняет неизменное наклонение к горизонту. В

противном случае снаряд быстро меняет движение, как в горизонтальном, так и в вертикальном направлении». Иными словами, имеющиеся приборы — вертикальный руль направления, подобный морскому, и руль глубины — не обеспечивают устойчивости аппарата в воздухе. Нет никаких приспособлений регулировать боковой крен. Комиссия Паукера рекомендовала опробовать изменение геометрии крыла, но это предложение не опробовано. Стало быть, при любом порыве ветра у воздухоплатателя нет возможности убрать крен или уберечь аппарат от переворота. На испытаниях так и произошло — при попытке полета снаряд тотчас перевернулся на крыло. Слава богу, человек внутри машины не пострадал существенно.

— Полностью поддерживаю Георгия Дмитриевича, — снова встрял штатский. — Отправлять кого-либо на большую высоту в неустойчивом аппарате есть чистое душегубство. Недаром китайцы подымали на змеях лишь бандитов, приговоренных к казни, да пленных. Не берите грех на душу, любезный Александр Федорович. И так, сколько людей погибло в воздушных опытах — Летур, де Груф, Малони, ломаных ног не счесть.

— Я сам полечу.

— А это уже совсем несерьезно, — развел руками генерал. — Нам с вами головой работать пристало, молодежь пусть дерзает. Однако риск должен быть оправданным.

— Есть куча других просчетов, очевидных и без дальнейших экспериментов, — продолжал Самохвалов. — Конструкция переутяжелена. Скажите, зачем два мотора разной мощности и целых три винта? Почему пропеллеры стоят в прорези крыла, усложняя и без того громоздкую раму? Почему в центре установлена длинная водонепроницаемая лодка, а не легкая гондола — о взлете-посадке на воде даже речь не идет?

— Пропеллеров потребно не менее двух, так как они вращаются в разные стороны и тем компенсируют вращательный момент. Второй двигатель даст надежду на управляемую посадку при отказе в воздухе первого. Прорези в крыле заимствованы из самой удачной летающей модели — «Летуны». На воду садиться мягче, чем на поле, коли в воздухе что-то испортится.

Оппоненты Можайского переглянулись. На все вопросы у контр-адмирала был готов ответ. Правильный или неправильный — не важно. На его обветренном лице не читалось никаких сомнений в своем изобретении. Что творится внутри — чужая душа всегда потемки. Последнюю попытку достучаться до нее предпринял тот же Петр Андреевич.

— У меня собрано более десяти публикаций, где доказывается, что вытянутое крыло лучше создает подъемную силу, нежели короткое и широкое. Главная часть крыла — передняя кромка. Вот рисунки на примере глайдеров и крупных парящих птиц. У вас крыло из двух квадратов. Врезанные пропеллеры высасывают воздух с передней части плоскостей, кромка не работает.

Недовольство в адмиральских глазах сменилось усталым презрением.

— Прикажете переделывать весь снаряд, господин... воздухоплататель? На новый не хватит остатка моей жизни. Вы предлагаете остановить весь проект.

— Александр Федорович, может, вернемся к варианту с воздушным змеем? Не стоит рисковать новыми моторами и жизнью механика, вычислите центр приложения усилия, полагаю, он недалеко от центра тяжести, зацепим за шестерку.. нет, за восьмерку или сколько нужно лошадей, чтобы разогнать снаряд верст до двадцати пяти в час, и проверим его в полете. Ежели удастся, я сам буду ходатайствовать за вас перед Николаем Николаевичем и военным ведомством.

— Я пробовал на шестиаршинной модели. Она перевернулась и сломалась. Но с моторами — другое дело, — стихший было голос авиационного первопроходца окреп. — Ручаюсь, динамическая остойчивость, регулируемая хвостовыми рулями, будет стократ лучше!

Пауза оказалась тягостной. Можайский тщетно искал понимания и поддержки в глазах присутствующих.

— Довольно, — прогудел Обручев. — Нам известно не менее шести попыток построить паровой аэроплан. Военное министерство не может себе позволить тратить выделяемые на науку средства, чтобы доказать невозможность такого аэроплана в седьмой раз. Георгий Дмитриевич, я подписал заключение комиссии, отправьте его господину министру. Вам же, дорогой Александр Федорович, я скажу следующее. Даже если ваш воздухолетательный снаряд состоится, пройдут многие годы, пока он станет достаточно надежным для принятия армией на вооружение. Научный бюджет Министерства направляется на поддержку работ, полезных армии уже через три-пять лет, а то и ранее. Так что — увы. Ищите единомышленников, последователей, меценатов, сыновей привлекайте. Дай Бог, удастся воздушный корабль во славу России. И еще, это моя личная просьба, господин контр-адмирал, больше не беспокойте Государя и великого князя. Время, сами понимаете, тяжелое, не след отвлекать их от державных дум.

— Честь имею, — сухо попросился Можайский, и его массивный силуэт скрылся за дверью кабинета.

Обручев облегченно откинулся на спинку и отхлебнул остывший чай.

— Георгий, у меня на столе осталось два заявления — на вечный двигатель и самодвижущуюся бронированную повозку с пушкой. С ними разберись сам.

— Слушаюсь.

— Сколько у нас осталось нераспределенных средств?

— Сто рублей, Николай Николаевич.

— Есть что-нибудь толковое?

— Так точно. Проект руководства по конно-саперному делу.

— Замечательно. Петр Андреевич, спасибо, что уважили, — генерал с чувством пожал гладкую руку воздухоплателя. — Без вас мне было бы трудно убедить несговорчивого изобретателя.

— Всегда рад помочь, ваше высокопревосходительство. Кстати, брат приобрел двух породистых рысаков. Не желаете глянуть в манеже?

— Всенепременно! И еще раз благодарствую.

Освободив десницу из генеральских лап, тезка первого российского императора кинулся догонять Можайского.

Отставной контр-адмирал неподвижно взирал на ледяную поверхность Невы. Река не вскрылась, но уже потемнела местами, предвещая скорый ледоход, а за ним весну и теплые дни. Вот только в душе моряка поселилась настоящая зима, не глядя на март. Денег больше взять негде. Достроить снаряд не на что. Долги отдавать нечем. Пенсии хватает только на съем крохотной квартирki за Обводным каналом и полуголодное существование. Отставные адмиралы и генералы жили за счет наследственных имений или за время службы прикупали землицы в личный пенсионный фонд. Все активы семьи Можайских безвозвратно вытянул аэроплан. Даже табак в трубке — последний. Жена умерла, у сыновей своя жизнь, внуков

Бог пока не послал. К чему постылое существование?

В такие критические дни, растягивающиеся в критические годы, когда ощущение тупика и безысходности заполняет все вокруг, нет сил сражаться и двигаться дальше, на горизонте вдруг появляется добрый фей или злой дьявол, который предлагает помощь и неожиданный выход из ситуации. Точнее сказать, явление потустороннего существа случается в романах и сказках, в жизни чаще всего вообще никто не приходит, а человек сам выбирается из ямы или тонет в ней навечно.

Рядом с Можайским нарисовался Петя Самохвалов, вполне плотская и земная особь, которую контр-адмирал меньше всего хотел видеть в сей момент и в недолгую оставшуюся жизнь.

— Фу-ф, насилу вас догнал, Александр Федорович. Горазды вы шагать.

Щуплая его фигура в сером английском пальто с английской же клетчатой кепкой на голове казалась нелепой на пронзительном мартовском ветру, сдобриваемом зарядами мокрого снега, рядом с монументальным контр-адмиралом в черной флотской форме, недобро разглядывающем воздухоплатателя сверху вниз через щелки пятнистых старческих век.

— Вы изволили торопиться за мной, чтобы еще раз объяснить непригодность моего снаряда и бесцельность потраченных последних тринадцати лет моей жизни? Зря поспешали, сударь. Мне не интересно ваше мнение.

— Нет! Да! То бишь — про ваш проект все сказано, незачем повторяться. А годы, право же, потрачены не зря. Вы накопили такой опыт, что не у каждого из европейцев имеется. Но у вас денег нет, у меня — есть. И летал я не раз, на глайдерах и аэростатах. Посему предложение имеется. Обсудим?

Можайский пыхнул трубкой.

— Предложение? От вас — мне? Это настолько невероятно, что я, пожалуй, выслушаю.

— Объединяем усилия и строим аэроплан! — Петр даже руки в стороны расставил наподобие крыльев, сжимая в правой саквояж с обидными для контр-адмирала доказательствами его неправоты.

— Мой?

— Нет же. Проще новый создать, чем ваш переделывать. В нем неправильно решительно все.

Проглотив очередную обиду, Можайский отрезал:

— Тогда нам не по пути. — Но тут инженерное любопытство взяло верх, и он спросил: — У вас, очевидно, и чертежи есть, лучше моих?

— Помилуйте, Александр Федорыч, откуда? В мире нет человека, который знает, как правильно устроить такой аппарат. Начинать придется с азов, собирать все публикации о чужих опытах, делать модели, строить планер, учиться летать на нем, подбирать двигатель.

— Все равно, без меня. Моей жизни не хватит, чтобы начать заново и закончить. Так я и свой проект заброшу, и новый не осилю.

— А как вы хотите остаться в памяти ваших будущих внуков, господин адмирал? Единоличным хозяином провального прожекта или соавтором первого в мире аэроплана? Держите, ознакомьтесь и завтра дадите мне свой окончательный вердикт, — Петр сунул саквояж в руку Можайскому. — Ну, по крайней мере, найдете ответы на многие из вопросов, что возникали при постройке вашего изделия. Теперь, эскюземуа, позвольте откланяться. Холодно не по-весеннему, дома меня ждет горячий грог.

Самохвалов порскнул по мостовой, размахивая тощей рукой в своем непривычном глазу английском пальто и вскрикивая «извозчик! извозчик!», а отставной изобретатель уставился на записку с адресом. Обреченно вздохнув, контр-адмирал выбил трубку и двинулся по набережной и далее по Невскому в сторону Обводного канала, уворачиваясь от брызг из-под колес проезжающих экипажей. У него не нашлось лишних денег даже на конку.

Глава 2

27-30 марта 1889 года. Санкт-Петербург, Красное Село

Следующий день оказался на удивление солнечным и безветренным. Впрочем, отставного контр-адмирала, прожившего здесь много лет и привыкшего к переменчивости питерской погоды, кажущееся ее улучшение не могло ввести в заблуждение. Он прекрасно знал, что назавтра, а то и к вечеру, хляби небесные способны преподнести очередной мокрый сюрприз.

Оставленный Самохваловым адрес принадлежал крепкому особняку на Васильевском острове. Каждый раз, перебираясь через Дворцовый мост, старый моряк наслаждался контрастом с левобережьем Невы. Там — гулкие колодцы дворов, зажатые домами прямые улицы со сплошной мостовой от стены до стены, безжизненное царство камня, кое-где перерезанное рукавами речной дельты. Люди и лошади казались чужеродным слоем, беспорядочно намазанным на гранитный остов великого града Петрова. На васильевских линиях зелени чуть больше, ближе к Финскому заливу чуеться запах моря, на горизонте возвышаются корабельные мачты, а землю занимает упорядоченный припортовый хаос. На седьмом десятке трудно менять привычки, сформированные в зрелые годы. Можайский помнил качающийся настил четвердека, брызги на стекле нактоуза, хлопанье серых парусиновых полотнищ, угольную копоть машины, а потом — зеленые бескрайние поля северной Малороссии и Вологодчины, где он провел столько лет и где вплотную подошел к идее снаряда тяжелее воздуха. Здесь, на северо-западе России, он гораздо лучше себя чувствовал не в городе, а в Красном Селе. Там на глазах выросло его детище, которому он отдал гораздо больше сил, энергии, времени, да и, пожалуй, любви, нежели сыновьям.

Присутствие зелени у самохваловского дома обозначал палисадник, содержащий ряд куцых кустиков и, очевидно, газон. Без листвы и травы полоска живой природы выглядела по-мартовски мрачно, что никак не смущало воздухоплателя, который с невероятно серьезным видом восседал на крыльце, делово черкал на листиках бумаги и раз в секунд тридцать с силой кидал мелкий камушек в толпу голубей. Когда сизари всполошенно взлетали ввысь, экспериментатор бросал на место прежнего птичьего выпаса энное количество хлебных крошек из растерзанной булки и продолжал наблюдать.

— Доброго здоровья, Александр Федорович! Пристраивайтесь рядом.

Контр-адмирал молча пожал Петину руку. Голуби, успокоившиеся после каменного гостинца, снова начали слетаться к дармовому угощению. Самые активные пикировали к кормушке, при приземлении выворачивали крылья, тормозя ими в воздухе, и садились точно к еде. Опоздавшие особи делали планирующий круг, выбирая наиболее хлебное место из оставшихся.

Петр слез с перил, вооружился Т-образной штуковиной с блестящим верхом, снял крышку с деревянного ящика, украшенного гордой надписью Kodak, и стал дожидаться наиболее выразительного голубиного виража. Можайский, прежде не видевший фотосъемки с магниевой вспышкой, на минуту ослеп. Он тер глаза и слушал Петюнин треп.

— ...С воронами лучше было. Размах крыльев, почитай, раза в полтора больше-с. Но дворник, ирод окаянный, утром собаку уволок. Где, скажите на милость, я найду еще одного дохлого пса?

— Тухлую говядину они также откушают, — заметил моряк, которого начала забавлять

непосредственность молодого (по сравнению с ним) естествоиспытателя. — Если не изволите брезговать, что под окнами вашего дома падалью несет.

Петр Андреевич тем временем презентовал голубям остатки булки, сгреб фотокамеру и пригласил Можайского в дом.

— А вы побрезговали генеральским чаем. От моего не откажетесь? Распоряжусь подать его в кабинет.

Если зал, который скромно именовался кабинетом, и уступал площадью обители начальника главного штаба, то не намного. Зато обстановка отличалась разительно. Здесь не было императорского портрета, да и места ему не нашлось бы. Все стены, потолок, столики и даже часть пола занимали фотографии птиц, летательных аппаратов, чучела и их фрагменты, воздушные змеи, макеты, чертежи, книги. Зайдя в Петино святилище, контр-адмирал догадался, что уборщица под страхом смерти не допускается в сей храм воздуха.

Увидев знакомые очертания, Можайский приблизился к модели собственного снаряда. Вот и военная тайна — любой интересующийся штатский может узнать практически все про будущий армейский аппарат.

Сдвинув на столе кучку барахла, отставной моряк водрузил туда саквояж.

— Благодарствую. Среди французских публикаций я нашел замечательно остроумные идеи.

— А как у вас с английским, Александр Федорович?

— Хуже. В британских портах мог изъясниться, не более.

— Это поправимо. Могу перевести самые интересные заметки. А по-немецки, увы, и я — ни хт ферштейн. Но, судя по картинкам, германцы не додумались, ни до чего оригинального. Прошу осмотреться, я на минуту — проявить фотопластинку.

К моменту, как Петр вынырнул из глубин своего царства, вытирая руки пятнистой от реактивов ветошью, прошло гораздо больше минуты, чай давно остыл, однако контр-адмирал потерял счет времени и продолжал разглядывать собранные здесь богатства. Чтение вырезок из саквояжа и коллекция новоявленного коллеги убедили его — он отстал от жизни. За долгие годы работы над снарядом он лишь вскользь просматривал сообщения о попытках других конструкторов, вычленяя главное — на моторном аппарате тяжелее воздуха покуда никто не полетел. Самохвалов начал с того, чему Можайский посвятил несколько месяцев в середине далеких семидесятых — с изучения и обобщения достижений и ошибок предшественников. Что же, и ему возвращаться назад, к исходной точке? Поздно.

Усевшись за обширный письменный стол и сложив руки на стопке кожаных папок — свободного пространства на столешнице не наблюдалось, — хозяин кабинета продолжил, будто прервался секунду назад:

— Французы и англичане наэкспериментировались вплоть до доказательства следующих фактов. Во-первых, пилотируемый полет на аппарате тяжелее воздуха возможен. Во-вторых, аппарат должен иметь неподвижное крыло или несколько друг над другом для создания подъемной силы — всякие махолеты или, по-французски, орнитоперы слишком сложны для передачи усилия от двигателя. В-третьих, механический двигатель с малыми крылышками на валу наподобие архимедова винта дает достаточное горизонтальное усилие для движения аппарата и набора скорости, при котором подъемная сила крыла оторвет его от земли.

— Так точно. Это было известно еще к 1880 году, когда я проектировал снаряд.

— С тех пор испытатели продвинулись в изучении полета птиц. Я тоже, как видите,

усердствовал немало, о своих выводах расскажу позднее.

— Петр Андреич, поверьте, в наблюдении за птицами, особенно морскими, я также провел немало часов. Человек взлетел на воздушном шаре — такого не было в природе, оснастил корабли паровыми машинами: все его успехи от придумки нового, чего Бог до нас не сотворил.

— Искренне согласен, коллега. Иначе я бы тоже ломал голову над машущей конструкцией. Но парящая птица подчиняется тем, же воздушным законам, что и рукотворный аппарат с неподвижным крылом. Птицы да летучие мыши — пока наши единственные учителя. Кстати, о мышах. Они летают гораздо хуже и не способны к планирующему полету. Насекомые и птичья мелочь — тоже. Почему? Крупные пернатые хранят секрет, который нам с вами предстоит раскрыть. Итак, Александр Федорович, вы со мной?

— Не знаю, молодой человек. Полагаю, мы и дальше сможем обмениваться идеями, но каждый будет строить свой аппарат.

— Кстати, давайте проведем ваш снаряд. Если можно, конечно. Он по-прежнему в Красном Селе?

— Так точно.

— Скажем, завтра, часов в девять я приготовлю экипаж.

На этом контр-адмирал отклонялся. Он был готов еще и еще рассматривать Петины фотографии, подшивки и альбомы, но чувствовал себя нахлебником, не способным дать что-то взамен водопада информации. Суровая, справедливая и гордая натура старого военного несовместима с иждивенчеством. Таков один из парадоксов знаменитой и непостижимой русской души. Выпрашивая и растрачивая казенные средства безо всякого позитивного результата для Отечества, Можайский не считал себя паразитом. А что-нибудь безвозмездно забрать у частного лица не позволительно с позиций дворянской чести. Хотя дворянин — лицо служивое именно по отношению к государю и казне. *These mysterious Russians...*

Всю долгую дорогу до приюта воздухолетательного снаряда Петр, запахнувшись полостью, спасавшей путников от холода в открытом ветрам кабриолете, разглагольствовал на тему птичьего полета.

— Птичье крыло создает удивительную подъемную силу даже при малой скорости набегающего потока. И, кстати, небольшом сопротивлении потоку, иначе она не могла бы столь успешно двигать вперед. Этот секрет я хочу вырвать путем длительных экспериментов над разными профилями крыльев. Меня другое волнует, как они умудряются лихо управлять парением? Тут — просто ума не приложу.

— Хвостом управляют, какой уж секрет.

— Я и раньше так думал, и многие европейские авторы статей — тоже. Но не вяжется это со снимками голубей.

— Петр Андреевич, у вас голубиные снимки мазаные.

— Так-то оно так. Перьев на крыле не видно. Но положение отчетливо понятно. И вот что я выяснил. Когда голубь в вираж входит, линия хвоста остается примерно параллельной линии крыльев. И вправо-влево сизарь хвостом не машет. Понимаете? Перья хвоста работают у него только как руль высоты. Если, конечно, нечеткие фото я правильно истолковал.

— Пожалуй. Птица им наклон вперед и назад регулирует. У нас на флоте это называется

дифферент корпуса судна.

— Для летательных аппаратов французы слово специальное придумали — тангаж. Но меня больше поворот и бортовой крен волнуют. Тут с флотом вообще все по-разному. Кораблю пристало на ровном киле стоять, любой крен во вред.

— Почему же? Парусник всегда на подветренную сторону кренится. Лишь бы угол оставался в пределах допуска.

— Но вы же на флоте с креном боретесь. Балласт увеличиваете, целую теорию о метацентрической высоте выдумали. Никакой капитан в здравом уме специально корпус не накрентит. Разве что от ракушек очистить. И рыбы в пруду так же плавают, я сам наблюдал. Поворот проходит только в горизонтальной плоскости, взмахом хвоста, а у корабля — поворотом руля, он точь-в-точь как рыбий плавник, но огромный. Отвлёкся, простите, сейчас к птицам вернусь. Так вот, они поворачивают с закладкой виража, кренятся внутрь поворота и летят как по внутренней поверхности огромной воронки. И, знаете, что самое поразительное? Они входят в крен с легким движением крыльев. Не взмахом, а так — чуть шевельнул сизарь рукой, она уже выше, вторая ниже, и давай круги нарезать. А вот что именно он делает — подымает, нагибает или перекручивает крыло, не могу понять, сколько бы хлеба и фотопластинок не извел. Понятно, что нашему аппарату вертикальный руль направления не понадобится, максимум — аналог спинного плавника рыб для курсовой устойчивости. Достаточно руля высоты и руля крена. Хочешь повернуть налево — наклони аэроплан влево и подними хвостовое оперение, потом выровняй машину. Вы у птиц вертикальный хвост видели?

— Нет, только у рыб.

— Сиречь, водная и воздушная среда свои условия диктуют, разные.

Петр ненадолго замолк и задумался.

Контр-адмирал окинул взглядом неторопливо проплывающие пригороды Питера и спросил:

— Как вы себе представляете программу работ по строительству аэроплана? — Можайский, отдавая должное эрудиции и энергии своего спутника, воспринимал его по-прежнему как анархически неорганизованного богатого купеческого сына, не способного к планомерному труду. Но Самохвалов снова его удивил.

— Весь путь разбивается на несколько последовательных этапов. Возможно, когда мы продвинемся вперед и вместо чиста поля увидим новые проблемы, добавятся следующие этапы. Пока могу рассказать, что очевидно ныне. Во-первых, необходим близкий к идеальному глайдер с правильной формой крыла, способный нести человека и мотор. Здесь потребуется серия экспериментов на моделях, математические расчеты результатов и новые эксперименты. Для этого вы и нужны, Александр Федорович, опытный инженер и математик. Мое образование широко, но, к сожалению, не основательно. Во-вторых, требуется система управления креном и тангажем. С рулем высоты понятно, а как контролировать крен, пока никто не знает. Не делать же все крыло подвижным, как советовал ваш друг Паукер, — при упоминании немца, создавшего проблемы по открытию финансирования в начале проекта, Можайский недовольно поджал губы. Петя продолжал трещать:

— Допустим, мы построили аппарат, который совершает управляемый планирующий полет с человеком на борту, англичане называют воздушного кучера pilot, и грузом вместо мотора. Неважно, как его запускать — с обрыва, с конного буксира, с аэростата. Лишь бы

аппарат преодолел по горизонтали в разы большее расстояние, чем потерял начальной высоты, хорошо управлялся и не разбился на приземлении. Вот тогда мы дойдем до места, где вы забуксовали, — поиск подходящего аэропланного двигателя, достаточно легкого и тяговитого.

— Как же вам видится третий этап?

— Понятия не имею, — Самохвалов пожал плечами.

— ?!

— Первые паровые машины на судах и мануфактурах давали мощность от трех до восьми лошадиных сил, а весили десятки пудов. Сколько весит современный судовый 600-сильный двигатель? Да и локомотивные моторы скоро подберутся к тысяче лошадей. Но не уверен, что мы взлетим на паровике. Каждый год из Европы и Америки приходят сообщения об экспериментах с продуктами разгонки нефти. За пару-тройку лет, затраченных на подготовку планера, что-нибудь изобретут. По прикидкам, без расчетов, нужен мотор мощностью не менее пятидесяти лошадиных сил и массой до полутора-двухсот килограмм с пропеллером и запасом топлива. Или ракета.

— Ракета?

— Конечно. Если пороховой заряд, как в потешных патронах для фейерверков, разгонит глайдер ввысь, а пилот совершит управляемое парение, мы с вами, дорогой адмирал, войдем в историю как авторы первого аэроплана. Понятно, что для нашей мечты о долгом полете порох не подойдет. О, я вижу по вашим глазам, вы уже мысленно примерили пиропатроны к воздухолетательному снаряду Можайского? Не трудитесь, уважаемый. Аппарат не имеет приспособы для поддержания устойчивости по крену. Его запуск в небо — верная смерть пилота. Зря я вам сказал про порох. На ракетной тяге можно набрать высоту, не более. Все равно, что на конной, как на большом воздушном змее. Уверен, что вертикальный руль и ракетный мотор в воздухе никогда не понадобятся.

— Это одни рассуждения, — отмахнулся Можайский. — Скоро вы увидите практически готовый аппарат и перемените свое мнение.

— И даже увековечу, — Самохвалов погладил большой кофр с камерой Kodak.

— Петр Андреевич, потрудитесь не употреблять выражений вроде «мы построим» и «мы войдем в историю». Я признателен за свежие мысли, но у меня своя дорога и одна цель — закончить мой снаряд.

— Как скажете, любезный Александр Федорович, — отвечив тот и продолжил монолог о птичьем полете.

Аэроплан издали казался рукотворной птицей, выглядывающей поверх остатков поваленного забора. Огромные прямоугольные крылья, казалось, в любую минуту готовы унести в небо. Но вблизи картина оказалась столь удручающей, что Петя, критически склонив голову, заявил, что не станет фотографировать ЭТО.

— Вообще говоря, ваше превосходительство, когда вы сюда наведывались в последний раз?

— В прошлом году, — ответил конструктор и, развернувшись корпусом, раздраженно добавил: — У меня нет лишних денег на поездки.

— Понятно, — не стал комментировать Самохвалов, который заметил ветхую лестницу и полез по ней в гондолу.

Из отчетов Главного штаба он знал, что последний запуск машин производился в 1885 году, почти четыре года назад. Но о содержании аппарата круглый год под открытым небом

на почти неохраняемой территории он и не догадывался.

Лодка, не просмоленная, как флотская шлюпка, за несколько лет и зим растрескалась и потекла. Может, и к лучшему — талая вода свободно стекала сквозь щели в днище. Паровых машин не было, как и котла с топкой, конденсатора и сепаратора. Тросы над пустыми станинами грубо оборваны — безвестные герои, снимавшие паровые машины, явно торопились. Без тросов фермы хвостового оперения вместе с задней частью конструкции повалились вниз.

С пилотского места крылья выглядели очень странно. Обтянутые из экономии только с нижней стороны каркаса, они обвисли под гнетом льда и растаявшего снега. Через многочисленные прорехи чернела земля.

Петр спустился вниз. Отряхнул деревянную труху с английского драпа, огорченно потер масляное пятно. Его черный спутник недвижимо стоял у переднего пропеллера, прижавшись лбом к потемневшей, покоробившейся лопасти. Деревянно-матерчатый урод с опущенным хвостом был подобен усталому мерину перед скотобойней, с которым хозяин ведет последний безмолвный диалог.

— Вы велели снять машины?

Можайский покачал головой. Ничего удивительного. Рядом воинская часть. Не крадут только в одной армии мира — из оловянных солдатиков. Здесь русская пехота. Вряд ли стоило ожидать другого.

Самохвалов с тоской оглядел почерневшие крыльевые балки с грубыми деревянными нащепками — следами ремонтов после ударов оземь. Интересно, подумал он, если от пробежек и попыток подскоков горе-аппарат лупил плоскостями по грунту, как на нем летать? Верно, сидящий в люльке механик не потянул рычаг подъема, дабы не улететь к Богу на этом корче. Нестреляющая Царь-пушка, незвонящий Царь-колокол и нелетающий Царь-аэроплан — многовато царей-бездельников на одну многострадальную Русь.

— Где же знаменитый наклонный деревянный настил, скатываясь по которому снаряд набирал взлетную скорость?

Порублен на дрова, — Можайский оторвался от лопасти и свирепо вперил взгляд в несостоявшегося компаньона. — И что прикажете предпринять? Отступить? Сдаться? Аппарат можно отремонтировать! Моторы украли — пусть, обязательно надо ставить новые, обуховские. И настил не беда — на новых моторах он и без наклона разгонится, с ровной земли. Что вы смеетесь?

— Над собой. Просто укатываюсь. Не поверите, у меня мелькнула мысль выделить шестьсот рублей на доведение эксперимента до логического конца. Представляете! Вложить шесть сотен в эту грудку ломья!

— Что же тут смешного, сударь? Извольте объясниться!

— Да я представил, как на ремонт крыла, замену пропеллеров и прочие дела вы заявите о следующей одной тысяче рублей. «Слово дворянина», как же.

Контр-адмирал грозно приблизился, ухватил Петю за лацканы, приподнял так, что пальто затрещало, и прошипел, плюясь старческими слюнями прямо в глаза.

— Вы забываетесь, сударь! Не вам, детям лавочников, судить о дворянской чести.

— Не буду спорить. Только я, сын лавочника и белошвейки, никому не должен ни гроша. Ни рубля не взял из казны и могу всем в лицо смотреть без стыда. Кстати, коллега, вы в курсе, куда ушли средства из фонда Военно-ученого комитета вместо прожекта Можайского? На выработку руководства по конно-саперному делу. И не смотрите на меня

так, я лишь краем уха в курсе. Это, в частности, как саперам переправы наводить, чтобы лошади ноги не ломали, очень полезная вещь, а не... — Петя мотнул головой в сторону останков мечты. — Теперь отпустите меня и отправляйтесь в церковь грех замаливать, что собирались живого человека в небо забросить верхом на куче гнилья.

Отставной моряк отшвырнул Самохвалова в грязь, окончательно загубив его щегольское пальто, выместил злость на неодушевленном предмете, с силой пнув футляр с камерой, выдал трехэтажный морской загиб и ушел восвояси. Сын пролетариев торгово-текстильного труда уселся в экипаж. Когда он вернулся в Питер, стояла глубокая ночь.

— Барин! Вас внизу господин военный ожидать изволют.

Опять Обручев подослал кого-то из своих новых клеветов, подумал Самохвалов, сменил халат на пиджак и спустился в холл. Забавно, если новая встреча обернется такой же испорченной одеждой. Придется ехать в Лондон или Париж обновлять гардероб. Впрочем, туда в любом случае пора.

Но среди просторного зала стоял отнюдь не клевет и не новый, а заметно изношенный. Угрюмой черной глыбой на надраенном паркете возвышался давешний спутник по красносельскому вояжу.

— Чем обязан?

Можайский несколько раз кашлянул. Непростые слова застряли в гортани угловатыми выступами и не пролезали наружу. Наконец они просыпались как галька и закрипели в пространстве особняка.

— Прошу простить... великодушно. Был несдержан, резок. Обидно слышать про ошибку дела моей жизни, особенно когда слова... правильные.

Петр не стал строить из себя гордую барышню, без церемоний подошел и пожал узловатую клешню старого моряка.

— Но, как вы понимаете, на помощь в постройке воздухолетательного снаряда с моей стороны рассчитывать не стоит. Не в силу личных обид, а от увиденного.

— Аппарата больше нет, — глухо отрезал его творец.

Обгорелые брови, ресницы, припаленные усы и мощный алкогольный перегар, не перебиваемый табачным выхлопом, давали четкую картину развития событий после Петинной ретирады. Спалив мертворожденного монстра, Можайский сжег мосты к своей прежней жизни.

— Я вашу камеру стукнул, — визитер продолжил исповедь. — Если там повредилось что, я возьму. С пенсии.

— Не стоит утруждаться, — Петя махнул рукой. — Одна линза разбилась. Я уже заказал новую, двадцать рублей.

По унылому виду старика, для которого означенная сумма перекликалась скорее с годовым, нежели месячным бюджетом, Самохвалов понял — двадцатка списана в невозвратные потери, и о ней можно не волноваться далее.

— Лучше не откажите в любезности, которая вам вполне по силам. Представьте меня академику Менделееву. Самому ломиться как-то не комильфо.

— Непременно, — заверил моряк.

— Как бы ни развивались события, вам, Александр Федорович, без аппарата пришлось вернуться в исходную точку. А я и не выдвигался из нее.

Глава 3

5 апреля 1889 года. Санкт-Петербург

Собрание в просторной квартире доходного дома на Фонтанке имело атмосферу кружка хорошо знакомых и потому раскованных людей.

— Вы знаете, какой анекдот я услышал нынче про нашего любезного хозяина? Как-то в Крыму во время войны Дмитрий Иванович остался не у дел и, не зная, куда направить кипучую жизненную силу, обучился чемоданному делу и с тех пор себе и друзьям увлеченно делает чемоданы. Давеча, когда наш академик забрел в Гостиный двор, кто-то из покупателей спросил у приказчика: «Кто сей почтенный господин?» — «Ну как же! Это известный чемоданных дел мастер Менделеев».

Рассказчик, плотный немолодой мужчина с седыми усами и бородой, а также заметным польским акцентом, первый заразительно рассмеялся. Его история повеселила остальных, потом еще один бородач подхватил эстафету:

— Я вам скажу, Стефан Карлович, у нас в Москве рассказывают быличку похлеще. После того, как Европа прочла статьи Дмитрия Ивановича о физико-химических свойствах реакции спирта с водой, в одной из парижских газет, знаете, таких, что описывают московские улицы сплошь в медведях и балалайках, написали: Менделеев — изобретатель напитка *Vodka Russe!*

— Чем же Россия упивалась за сотни лет до его рождения? — удивился Можайский.

— Исключительно коньяком-с! — заключил москвич и предложил выпить за здоровье хозяина, который покинул собравшуюся поодаль группу гостей и направился к энтузиастам воздухоплавания.

Менделеев мало походил на свой известный портрет кисти Крамского. Пышная борода и львиная грива опали, утратив значительную часть волос, в оставшихся обильно серебрились светлые нити. Лицо с возрастом стало мясистым, лоб отмечился морщинами, зато глаза как всегда светились умом и весельем. Справедливости ради надо сказать, окружение академика составляли люди умные, энергичные и незаурядные. Субъекты с потухшим взглядом волжского бурлака в его доме не появлялись.

— Простите великодушно, господа, сегодня у меня много новых лиц, не успеваю всем уделить внимание. Кстати, Николай Егорович, сорокаградусный стандарт русской водки утвержден, когда мне было всего девять лет.

— Замечательно, Дмитрий Иванович! Выходит, что вы уже в девятилетнем возрасте проявили химический талант и неумную тягу к спиртовому продукту.

— Господин Жуковский, вы изволите причислять меня к юным поклонникам Бахуса? Заявляю — вы не правы, я давно уже не юн. Зато в вашей компании вижу молодого человека.

— Позвольте представить, — откликнулся контр-адмирал. — Самохвалов Петр Андреевич, воздухоплаватель, планерист и естествоиспытатель.

— Для меня большая честь познакомиться с вами, Дмитрий Иванович. Но, пardon, я уже не слишком молод, с Николаем Егоровичем мы почти ровесники. Только к своему сорокалетнему рубежу пока ничего не достиг, стало быть, не изношен, по-английски выбрит и оттого кажусь юнцом в компании светил.

— Не расстраивайтесь, Петр Андреевич! Поверьте, в свои пятьдесят пять я отнюдь не чувствую себя кандидатом в покойники и еще многое готов сделать. Так что времени

достаточно, если распорядиться им с умом. Разрешите представить вам ваших соседей, они могли поскромничать и не рассказать о себе самое интересное. Жуковский Николай Егорович — профессор Московского университета по кафедре прикладной математики, изрядно полетами интересуется. Наш польский друг Джевецкий Стефан Карлович больше известен судостроительными проектами, но и воздухоплавание его зоркий глаз без внимания не оставил. Он основал седьмой воздухоплавательный отдел Русского технического общества, немало господину Можайскому поспособствовал в сборе средств на его аппарат. Кстати, Александр Федорович, как ваши успехи?

— Проект закончен, — кратко и хмуро ответил контр-адмирал.

Повисла неловкая пауза. Мрачное выражение лица изобретателя говорило о неуместности вопроса, когда же чудесный снаряд можно увидеть в воздухе. Напряженность рассеял Петр, жизнерадостно заявив:

— В науке и технике, господа, результат не обязан отвечать задуманному до начала проекта. Посему надобно собирать все характеристические детали испытанного — удачные и не очень — дабы вперед двигаться по верному пути.

— Из вашего возвышенного, но несколько непонятного заявления я вывел, что работы над снарядом Можайского завершены, а вы нацелились строить новый аппарат? — предположил Менделеев. — Позвольте полюбопытствовать, какой урок вы вынесли из опытов нашего уважаемого друга. Работаете над управляемым аэростатом?

— Нет! Воздухоплавание в чистом виде, когда аппарат держится в воздухе за счет архимедовой силы, меня не прельщает. Аэроплан — аппарат будущего. Он должен летать быстрее и выше птиц, а не быть игрушкой в руках воздушной стихии.

Академик неподдельно огорчился.

— Красивые слова, молодой человек, но не подкрепленные ни опытом, ни расчетами. Если не ошибаюсь — вы брат заводчика Василия Самохвалова? А теперь представьте, к вашему брату приходит изобретатель и вместо привычных прочных, устойчивых и мореходных кораблей предлагает для перевозки ваших товаров в Англию странный снаряд, скользящий по волнам только силой двигателя. Причем, если двигатель остановился — снаряд уйдет ко дну вместе с товаром. Наслышан о крутом нраве вашего родственника и представить боюсь, что Василий Андреевич изволит сказать изобретателю.

Жуковский и Джевецкий заулыбались, Можайский сохранил серьезность из солидарности к команде энтузиастов аппаратов тяжелее воздуха. Причем команда состояла из него и Самохвалова, а пополнение к ней трудно сыскать по всей России. Симпатии масс были на стороне воздушных шаров.

— Брат и на аэростате ничего не отправит, — не смутился Петя. — Господа, конструкции кораблей столетиями отрабатываются, и нет предела совершенству. А уж, сколько из них дно морское украшают, как вы говорите — вместе с товаром. Аэростатам лет сто, полеты на них — научные эксперименты, как тот подъем Дмитрия Ивановича для рассмотрения солнечного затмения. Плюс спорт и развлечение.

— Не спорю, — улыбнулся академик. — До коммерческого воздухоплавания пока длинен путь. Но главная идея — правильная. Двигатель аппарата легче воздуха сжигает топливо на создание поступательного движения, а подъемная сила газа дармовая. В ваших аэропланах львиная доля усилий мотора уйдет на придание подъемной силы крылу, на горизонтальный полет останутся крохи. Посему приветствую любые проекты снарядов легче воздуха.

— Даже такие? — Самохвалов извлек из неизменного саквояжа вырезку из Российского вестника опытной физики и элементарной математики, предъявив ее собеседникам и с выражением зачитав. Вполне солидное с виду периодическое издание содержало описание следующего «изобретения»:

Летательный снаряд Баттея имѣть форму сигары, сильно заостренной на концахъ. Остовъ сигары сдѣланъ изъ тонкихъ алюминіевыхъ обручей, на которые натянута плотная шелковая ткань. Впослѣдствіи Баттей думаетъ замѣнить ее цѣльнымъ сфероидомъ изъ алюминія. Наполняется снарядъ водородомъ. Съ боковъ на горизонтальной оси (полый алюминіевый стержень) насажены крылья — одинаковой съ аэростатомъ длины, для регулированія движенія при подъемѣ и спускѣ. Движеніемъ крыльевъ управляютъ воздухоплаватели, находящіеся въ особомъ кузовѣ, при помощи веревокъ. Двигательный снарядъ состоитъ изъ широкой конусообразной трубки, обращенной широкимъ отверстіемъ наружу, а узкій ея конецъ придѣланъ къ горизонтальному стержню, прикрѣпленному къ задней оконечности аэростата. На конической трубкѣ установлена вертикально длинная трубка, начиненная съ низа до верха разрывными пулями. Нижній ея конецъ, входящій въ конусъ, закрывается клапаномъ, который при помощи часового механизма періодически открывается и выпускаетъ по одной пулѣ въ конусъ. Послѣдняя падаетъ на находящуюся подъ ней металлическую ложечку, замыкаетъ токъ, подъ вліяніемъ котораго разрывается. Газы вылетаютъ черезъ широкое отверстіе конуса и силою отдачи толкаютъ летательный снарядъ впередъ, въ горизонтальной плоскости. Съ двигателемъ сообщается система зубчатыхъ колесъ, управляющая направленіемъ снаряда.

— Ну не прелесть? Весь полет — это стрельба разрывными пулями, дабы они падали на металлическую ложечку, замыкали ею контакт и выпускали огневую ракетную струю под взрывоопасным водородом. А воздухоплаватель в кузове аки звонарь на колокольне — за веревки дергает. Конгениально! — Петр с нескрываемым удовольствием поддел сторонников аэростатного покорения неба.

— Ну, изобретательство всегда влекло юродивых, — смутился Менделеев. — Оторвемся, господа, от науки, сейчас Любочка, душа моя, музицировать будет.

Очаровательное дитя душевно отыграло ноктюрн. Затем за рояль села Анна Ивановна Менделеева, кивнула дочке, и та закружилась в танцевальных па, трогательно пытаюсь встать на носки балетных туфель.

— Жаль, если академик попытается из этакого сокровища сделать ученую даму, — шепнул Петя Девецкому. Тот, хорошо знакомый с семьей Дмитрия Ивановича, возразил:

— Совершенно невозможное дело. Любочка с восьми лет озабочена только танцами, стихами и поэтами.

После обеда мужчины собрались закурить. Некурящие также терпеливо глотали дым, хотя по-весеннему открытые окна быстро освежали воздух. Именно о нем, неуловимой и манящей субстанции, продолжился разговор.

— Господа, давайте на минуту оставим спор на тему тяжелее-легче воздуха, — Петя окончательно освоился в компании маститых ученых мужей и привычно щебетал. — У любого управляемого аппарата без разрывных пуль присутствует воздушный архимедов винт, или пропеллер. Как и в морских судах, его технологичнее изготавливать не в виде сплошной спиральной поверхности, а с отдельными лопастями наподобие ветряных мельниц. Каждая лопасть — суть то же неподвижное крыло в струе встречного газа. Я долго мучаюсь над

вопросом, какая форма крыла даст наибольшую подъемную силу по отношению к силе сопротивления. Изучая птиц, уважаемые коллеги, уперся в одну загадку, которая не дает мне покоя многие месяцы.

Саквояж исторгнул на свет пачку фотопластинок.

— Прошу извинения за нехватку времени изготовить фото, но, надеюсь, и по негативам суть загадки станет очевидна.

Присутствующие получили стекляшки с приклеенными к ним белыми бирками, на которых небрежным Петиным почерком были выведены названия умерщвленных ради снимка живых существ: голубь, ворона, журавль, альбатрос, чайка, воробей, страус и даже летучая мышь.

— Мне не дает покоя одна закономерность: профиль крыла лучших летунов практически одинаков: скругленная и тупая передняя кромка, вогнутая нижняя поверхность, выпуклая верхняя сторона и острая задняя грань. У страуса такая форма меньше выражена, да он и не летает. У летучей мыши передняя кромка гораздо острее, чем у птиц — там тонкая кость, перепонка плоская. Но летучие мыши не способны к парению, только маховому полету, хотя многие птицы меньшего размера, чем кожистые летуны, могут планировать, пусть и не так красиво, как их крупные собратья.

Ученые передавали пластинки друг другу, переговаривались. Ребус Самохвалова лишь в какой-то степени смог разрешить один Жуковский.

— Не берусь точно судить без экспериментального подтверждения, но, похоже, мы столкнулись с проявлением закона Бернулли. Птичье крыло входит в воздушный поток, разделяя его на верхний и нижний слой, за крылом слои снова соединяются. Обратите внимание, на фотопластинках заметно, что кривизна нижней поверхности менее выражена, чем выпуклость верхней. По закону Бернулли, давление среды в тех областях, где скорость потока более высока, будет ниже, и наоборот. Выходит, на верхней выпуклой поверхности скорость потока выше, чем внизу. Создаваемая разница давлений и порождает подъемную силу.

— Не понимаю, — растерянно произнес Петя. — До сих пор считалось, что воздушную струю можно рассматривать как массу бесконечно малых частиц, которые, ударяясь в крыло под нужным углом атаки, отражаются вниз и назад относительно вектора полета и тем создают подъемную силу. Насколько я знаю, никто не пытался испытать подъемную силу выпуклого крыла с углом атаки ноль. А как же вогнутость нижней поверхности? Если ее сделать плоской, подъемная сила по Бернулли возрастет.

— Не знаю, — пожал плечами Жуковский. — Да и никто на свете не знает. Надобны долгие эксперименты по замеру подъемной силы крыльев различного профиля относительно воздушного сопротивления при разных углах атаки. Сотни, может даже — тысячи замеров. Нужна целая наука, которой пока нет.

— Может, предположения, какие есть? — взмолился Самохвалов.

— Пожалуйста. Вогнутая форма служит для оптимального отражения потока вниз. Птица использует оба способа создания подъемной силы — и за счет эффекта Бернулли, и с поворотом потока. А почему такая форма передней и задней кромки, гадать не буду. Явно неспроста.

— Причина может быть совсем другая, — добавил Джевецкий. — Не все птицы парят, зато маховым полетом владеют все, кроме страуса разве что. Не будем исключать, что видим компромисс меж потребностями планирующего и активного полета. Сиречь бездумное

копирование птицы неверно, коли строить снаряд с неподвижным крылом. Но вас, господа Самохвалов и Жуковский, можно поздравить. Вы первые обратили внимание на применимость закона Бернулли к динамике планирования. Bravo!

Говорили долго. Поляк объявил, что немедленно усовершенствует приспособления для экспериментов с судовыми гребными винтами и займется пропеллерами. Жуковский предложил создать аппарат для продувки моделей равномерным воздушным потоком, обещал помочь с составлением программы замеров и математическим обсчетом результатов. Менделеев тоже не хотел оставаться в стороне.

Только Можайский грустил больше и больше. Он отчетливо понимал, что его время безвозвратно уходит. Однажды он по памяти и по наитию из подручных средств построил шхуну, которая успешно дошла из Японии до российских берегов. Эпоха интуиции, озарений и безудержного бурления фантазии ушла в прошлое. Петр Андреевич не станет приделывать к лодке парус на деревянной раме, превращая его в крыло и надеясь на авось, что конструкция взлетит. Все прожекты будут подкреплены экспериментами и расчетами. Отставной контр-адмирал больше никому не нужен. Это также ясно, как и в момент, когда он раскуривал трубку после разгромной аудиенции у генерала Обручева. Он свел Петю с нужными людьми — на этом конец. Далее корабль российского воздухоплавания двинется без него.

На прощание академик посоветовал Самохвалову, ежели тот уповает на аппараты тяжелее воздуха, заняться плотнее практическим планеризмом, для чего лично познакомиться с Николаем Андреевичем Арендтом. Уездный врач, он не покидает Крым, поэтому для встречи с ним, надобно списаться и ехать на юг.

— Меня одно в Николае Андреевиче настораживает, — промолвил Самохвалов. — Очень уж категоричный господин. Помню, первое его сочинение, что попало мне, так и поименовано было — «Об одном нормальном аэроплане».

— А другие аэропланы — ненормальные? — догадался Менделеев.

— Именно. Но совет ваш ценю. Вот Можайский, например, мне больше интересен не своим забавным снарядом, а опытами на пути к постройке. Но он их почти не публиковал. Потому весь мир до сих пор считает подъемную силу по формуле Ньютона, хотя даже мне известно, что она не верна. Может, и у нашего врача есть неопубликованные алмазы мысли.

— Мы шапочно знакомы. От меня ему поклон, — после чего знаменитый химик заверил Самохвалова, что рад видеть одного в своем доме.

Петр Андреевич подвез на двуколке контр-адмирала поближе к Обводному и по пути завел такой разговор.

— Те машины, много раз вами упомянутые, что на Обуховском заводе, оплачены? Их можно забрать и использовать?

— Так точно. Желаете приобрести?

— Можно. Но не обязательно. У вас выбор, Александр Федорович. Вступайте в союз с мной и вносите эти машины. Та, что на двадцать лошадей, будет пропеллер крутить для экспериментов. Для, более мощной свое применение найдется, о ней потом.

— Я с радостью бы, да больно в деньгах нужда.

— Учтите, коллега, это мое последнее предложение. И ваша последняя возможность остаться в воздухоплавании. Ох, надоело мне это слово. Как у вас на флоте говорят? Корабли ходят, а не плавают.

— Точно так. Плавает г...но в проруби.

— Чудно. Посему пусть воздушные пузыри плавают. У нас будет, ну не знаю, по-французски это — aviation, — Петя попробовал слово на вкус. — Быть посему, как говаривал мой царственный тезка. Авиация! Сколько вы заплатили за машины?

— Полторы тысячи рублей.

— Даю двести. Если, конечно, они годные, а не как в Красном Селе.

Можайский возмущенно вскинулся от мизерности суммы, но потом удрученно кивнул. За время его трехсекундной пантомимы Самохвалов успел передумать.

— Нет, не дам. Назначаю вам пенсию в добавку к казенной. Двенадцать целковых в месяц. И десять процентов в проекте, хотя, конечно, столько вы не внесете. Работать придется много. И вкладывать тоже. Брат меня изругает.

Судя по согбенной конфигурации отставного моряка, большого выбора у того не было.

— Вот и отлично. Завтра едем на завод смотреть ваше приданое. Потом монтируем прямо у меня на Васильевском первый пропеллер.

— От моих старых опытов много сохранилось. Я модель на тележке катал, мерил изменение веса от скорости, угла атаки и размаха крыльев. Ньютон не прав, подъемная сила на плоском крыле раза в три больше, чем по его расчетам.

— Ну вот. Успех практически гарантирован. Осталось придумать подходящее название. Воздухолетательный снаряд — длинно и не музыкально. Предлагаю «Летательный аппарат Можайского и Самохвалова». Коротко — «МоСаЛет».

— Нет уж, Петр Андреевич, у вас главная доля, извольте быть первым.

— «СаМоЛет?» Тоже неплохо. До завтра, Александр Федорович.

Глава 4

25 апреля — 3 мая 1889 года. Крым

Арендт встретил Самохвалова в Симферополе.

Несмотря на теплую погоду, яркое солнце и душистые запахи крымского разнотравья, курортный сезон еще не начался. Но после питерской сырости Крым казался настоящим раем, среди которого в Ялту неспешно тащила повозка, в которой два единомышленника разговаривали обо всем на свете, если «все» хоть как-то касалось полетов.

Скромный домишко в окрестностях Ялты служил красноречивым свидетельством общности судьбы российских изобретателей. Что моряк, что врач — итог один. Нужда, деньги ухнули в прорву страсти, сжигающей изнутри почище алкоголизма, отвернувшиеся близкие, у коих лопнуло терпение. Одиночество и жизненный тупик.

Десятки птичьих чучел, модели планеров, кучи журналов и газет, несколько книжек, превративших обитель Арендта в храм небесного бога, содержались в куда большем порядке, нежели Петины ритуальные реликвии на Васильевском. Профессия врача вбивает аккуратность и привычку к чистоте куда-то в центр фюзеляжа, и извлечь ее без полной разборки организма никак немислимо.

К сожалению, уже в течение первых суток Петя выведал все, что первый русский планерист не успел опубликовать. Его суждения теперь не были столь категоричны, как ранее, но он по-прежнему оставался приверженцем безмоторного полета.

— Петр Андреевич, вам и никому другому не понять меня, пока не попробовали летать в Крыму.

— Что же здесь особенного? Нет, конечно, очень красиво — горы, море.

— Э-э, молодой человек, я вам не выдал самую главную тайну Крыма. — Весь внимание.

— Не торопитесь, — врач подлил чаю из щербатого чайника и хрустнул пряником. — Если не жаль потратить дня три-четыре и шесть рублей, я покажу вам нечто, коему нет ничего подобного в мире.

На следующее утро арендованный баркас с молчаливым татаринном, капитаном и командой в одном лице, принял на борт Самохвалова, Арендта, ящик с «Кодаком» и большой сверток, замотанный мешковиной. Утлое рыбацкое суденышко украсилось латаным-перелатаным косым парусом и лениво двинулось на северо-восток вдоль крымского берега.

В часы и дни, когда от него ничего не зависело, Петр пытался расслабиться. Шелестел ветер в грязном полотнище, поскрипывал корпус, шептала вода за подозрительно низким бортом, ругались чайки и что-то заунывное тянул сквозь зубы мореман. С коллегой уже не хотелось общаться, все переговорено. Арендт тоже молчал, но с ним произошла странная метаморфоза. Он распрямился, словно даже помолодел. Редкая косматая борода лихо развевалась на ветру. В глазах светилась уверенность о владении неким секретным знанием, которое наполняет его существование смыслом и даже приподымает над простыми смертными.

К вечеру татарский колумб высадил путников в небольшом заливишке, который с трех сторон опоясывали невысокие горы. Авиаторы подхватили сверток, весивший без малого два пуда, и, спотыкаясь на гальке, отправились в глинобитную хижину неподалеку от полосы

прибоя. В пределах прямой видимости манили к себе приличествующие статусу и состоянию гостя комфортные дачи, но Арендт, привыкший к крайней аскезе из-за вечного дефицита средств, решительно толкнул калитку в ветхом заборе.

Первую ночь в Коктебеле они провели у знакомых земского врача. Петя почти до утра не мог толком уснуть, поминутно просыпаясь из-за вездесущих насекомых. В шесть его уже поднял переполненный энергией планерист, изъял гривенник на нужды экспедиции, отошедший паре дюжих болгар-носильщиков, и четверка мужчин совершила короткое восхождение на гору Узун-Сырт.

На вершине любой горы красиво. Даже столь низкой, окруженной самым обычным пейзажем, без скал, утесов, ущелий, водопадов и прочих горских живописностей. Снизу, со стороны моря, дул непрекращающийся влажный ветер, быстро выстудивший остатки тепла из-под одежды.

Арендт пришел в неистовое возбуждение, подбросил картуз, поднятый ветром на приличную высоту, сбегал за ним, затем опомнился, наказал болгарам прибыть завтра к вечеру и принялся разматывать поклажу.

— Николай Андреевич, вы рассчитываете провести здесь все время до следующего вечера?

— Будьте покойны, Петр, вы даже не заметите, как пролетят полтора дня. О продуктах не извольте волноваться, я подсуетился.

Что уж беспокоиться о том, чего нет. Тощий сидор ни по размерам, ни по общему виду не напоминал филиал продовольственного магазина.

Между тем эскулап извлек из мешковины несколько длинных деревянных брусков, сверток плотной ткани, моток троса, нехитрый набор инструментов и начал упорно складывать непонятную до поры конструкцию.

— Помочь?

— Спасибо, справлюсь. Не впервой. Поможете только полотно натянуть. А пока любуйтесь видами и аппарат изучайте.

После того, как крыло, обтянутое тканью, приняло форму, заданную каркасом и множеством растяжек, Петю настигло легкое чувство дежавю. Крымский планер неуловимо напомнил снаряд Можайского. То же хвостовое оперение из вертикальных и горизонтальных элементов, вертикальная мачта с набором тросиков, натягивающих крыло. Хотя отличий, пожалуй, больше. Несущие плоскости не квадратной, как в адмиральском изделии, а птичьей формы, сильно загнутые кверху, подошли бы чайке-переростку. Шасси, мотора и лодки не было в помине. Вместо пилотского кресла в середине крыла болталась ременная сбруя на двух пилонах, чуть впереди Петя рассмотрел крепкий поперечный рычаг.

Ажурная и субтильная конструкция трепетала на ветру, норовя улететь, пока медлительные людишки чего-то там возятся. Наконец Арендт проверил последний крепеж, поднял аппарат за крыло и пристегнул себя к нему ременной арматурой.

— Вот, Петр Андреевич. Первый в мире устойчиво летающий планер и уникальное место где морские ветры, разгоняясь вверх по склону горы, всегда создают восходящий поток.

— Потрясающе! Почему же вы, Николай Андреевич, не опубликовали ничего про свои достижения?

— Зачем? Ладно, после обсудим. Оставьте пока камеру, пробный полет после перерыва не обещает быть красивым. Спускайтесь вниз, подсобите потом. В одиночку на гору его тащить зело затруднительно.

Петр помчался в сторону моря, остановившись в полусотне шагов от Арендта. Пилот меж тем перехватил аппарат за поперечную балку и приподнял. Бриз подхватил матерчатые крылья, и Николай не без труда удержал рвущийся к облакам снаряд. Затем планерист с усилием пробежал несколько шагов навстречу ветру. Конструкция рванулась вверх, он подтянулся и обхватил рычаг, опустил нос, заставив аппарат скользнуть вдоль склона, стремительно набирая скорость. Петя в испуге грохнулся ниц, опасаясь, что планер врежется в него на полном ходу. Но авиатор толкнул рычаг от себя, взмыл над питерским гостем, набрал высоту метров пятнадцать и плавно снизился к подбрюшью горы, умело спружинив ногами при приземлении. Самохвалов взял себя в руки, ругнулся, что пропустил часть полета и потопал к Арендту.

— Петр Андреевич, вы недисциплинированны для воздухоплавания. Я вам ясно сказал — идите вниз. А вы отошли саженой на тридцать и стали поперек взлета.

— Но простите, доктор, кто ж знал? Никто в мире не умеет летать так далеко как вы.

— Чепуха. Сейчас вернемся к вершине, и я покажу полет на дальность. То была лишь разминка.

— Вы не боитесь набирать такую высоту? С нее сверзиться — костей не соберешь.

— Петенька, я же врач. Сам поломаю и сам вылечу.

Пока солнце не склонилось к горам на западе, Самохвалов истратил все фотопластинки. Действительно, здесь было что снимать. Арендт удерживался в воздухе больше минуты, выписывал круги, ловил восходящие потоки и уносился на сотни метров от точки старта. Не исключено, он бы и ночью летал, но его остудила боль в подвернутой лодыжке.

Сидя у костра в неглубокой ложбине, планерист рассказывал Самохвалову подробности.

— Казна мне отказала в запрошенных двух тысячах рублей, и я начал мастерить аппараты из подручных материалов. «Орел» — третий и последний мой планер. Лучше для балансирного полета все равно ничего не сделаю. А построить настоящую машину, с управляемой подъемной силой крыла и хвостового оперения, я без привлеченных средств не мог. Теперь и с чужими деньгами вряд ли осилил бы — возраст не тот. Славы мне не нужно. Живу тихо, людей лечу. Раз-два в год наведываюсь в Коктебель душу отвести, мне достаточно.

— Чертежик презентуете?

— Помилуйте, нет у меня никаких чертежей. Были, конечно, когда начинал. Но потом столько переделывал, что проще наново обмерить.

Основные данные планера Петр уже узнал. Размах крыла — около двадцати аршин, это четырнадцать метров в привычных Самохвалову французских величинах. Угол соединения консолей у центральной балки порядка ста двадцати градусов, но последняя четверть каждой плоскости еще больше отклонена и стоит градусах в сорока пяти к горизонту. Пожертвовав частью подъемной силы, крымчанин добился устойчивости к крену. Как следовало из его рассказов, планер все равно кидало в воздухе, и он постоянно балансировал в полете, смещая тело то вправо, то влево.

— Завтра пробуешь сам. Запомни правило — в полете гораздо важнее скорость, нежели высота. Как только скорость теряешь, падает подъемная сила. Если ты у самой земли тянулся и вдруг скорость потерял, просто на ноги станешь. А коли такое на высоте стряется — быть беде. «Орел» падает на крыло, и никакой силой его не выправишь. Мне эта наука трех переломов стоила.

Петя торопливо черкал в записной книжке, будто в воздухе сможет свериться с

записями.

— Попервости лети вдоль земли, не выше четырех аршин. Давно заметил — у самой травы аппарат лучше держится, даже при потере скорости, и управляется легче. Вверх не уходи, даже оседлав восходящий поток — новичку наверху верная смерть.

Когда продрогший ученик наутро с трудом выкарабкался из мешковины, расправляя негнувшиеся конечности, Арендт продолжил учебу.

— На большой скорости не садись. Чрезмерная скорость — тоже враг. Чуть не рассчитал — размажет по земле, даже я тебя не соберу.

— А если надавить рычаг вперед и затормозить резко увеличившимся углом атаки? Как птицы делают.

— Не надо. Тебя сначала приподнимет аршин на семь, оттуда и грохнешься. Перед тобой длинный пологий склон. Дальше Черного моря не унесешься. Жди, пока скорость не спадет сама.

— А виражи — можно?

— Пока нет. В вираже запросто упасть на крыло. Поворачивай по чуть-чуть. Накреняешь машину и помалу рычаг от себя. Но для начала лучше дуй по прямой.

Сутулая спина Арендта удалялась и превращалась в едва заметный ориентир на фоне камней и травы. Неужто, он думает, что я первый же раз преодолею столько, нервничал Самохвалов, упираясь в землю хвостовым оперением глайдера и с трудом удерживая «Орла» на месте. Щуплый пилот килограмм на десять легче хозяина планера, наглый ветер уже ощутил разницу, гудит в растяжках, треплет крыло, забирается под суконную куртку. И без холодных воздушных струй неофит авиации ощутил, как у него внутри все замерзает. Предвкушение полета постепенно перемешалось с ледяным ужасом от осознания, что сейчас предстоит.

Из глубины воспоминаний выплыл такой же весенний день его раннего детства, когда он, захотев доказать старшему брату, что не уступает в мужестве и решительности, вылез из окна шестого этажа и отправился к балкону, ступая по карнизу шириной в локоть. Непослушные глаза против воли косили вниз, где гремела по рельсам конка, стучали колеса по мостовой, извозчики переругивались с дворниками — шумела обычная питерская суета. Он шел над ней, сжимаясь от мысли, что край карниза — это и край его жизни, упав за который он разобьется насмерть, ударившись о камни среди мирного городского пейзажа.

Пологий склон, достаточно ровный, начинался прямо под ногами. Заурядная дорога под уклон, рыжая земля с вкраплениями травы и гальки — с виду ничего угрожающего. Но Самохвалов уже хорошо усвоил, что мощный восходящий поток может зашвырнуть планер под облака. И отступить нет никакой возможности — он потеряет моральное право жить в авиации, отказавшись от испытания.

Арендт, различимый на самом пределе видимости, призывно махнул рукой. Самохвалов стоял на месте, балансируя вырывающимся крылом. Внезапно он понял — простояв еще секунду или две, уже никогда не решится, о чем пожалеет. Зажмурившись, он подтянул рычаг и побежал вниз навстречу тугим струям воздуха и собственному страху. Ощувив, что ноги теряют почву, чуть отдал ручку вперед и осторожно открыл глаза.

«Орел» скользил вдоль поверхности, быстро набирая скорость. Ветер бил по лицу ожесточеннее с каждой секундой. Усвоив от наставника, что избыточная скорость иногда может быть страшнее, чем высота, Петя задрал нос планера, наращивая угол атаки. Рост

скорости замедлился, зато земля провалилась вниз.

Аппарат начал раскачиваться. Тщетно пытаюсь его уравновесить перемещениями туловища, Петр молился, чтобы следующий порыв не перевернул планер на спину.

Под ногами бездна, падение — смерть. Казалось, душа скатилась вниз, в мошонку, сжалась в горошину и затаилась. Горло перехватило так, что заполнивший тело ужас не мог вырваться наружу облегчающим криком.

Когда внизу промелькнул крошечный Арендт и приблизилось подножие, Петр заметил, что скорость начала уменьшаться. Чувства могли подвести от волнения, а никаких приборов, позволяющих объективно оценить скорость, высоту и угол к горизонту, на аппарате не было в помине. Начинаящий планерист опустил нос машины и повел ее ближе к поверхности.

Склон заканчивался, под ногами показалась относительно ровная земля. Ощущение того, что «Орел» слушается команд и уверенно идет к месту посадки, неожиданно доставило острое наслаждение, тесно переплетенное с ужасом высоты, который никуда не делся. На короткие мгновения пришло невероятное чувство, что деревянные крылья — продолжение собственного организма, его ничто не связывает с планетой, он летит и свободен, как птица. Полет внедрился в каждую жилку, каждую клеточку тела.

Наконец аппарат снизился и совсем потерял скорость. У самой земли планерист резко отпихнул рукоять. «Орел» задрал нос, заполоскал обшивкой и свалился вниз. Самохвалов, наблюдавший за посадками крымчанина, попытался таким же образом мягко спружинить ногами, но ощутил сокрушительный удар о землю, напрочь выбивший дух, а сверху по голове приложила поперечина. Когда из глаз перестали сыпаться искры, содержимое живота начало принимать исходное положение, а подбежавший Арендт стал отстегивать сбрую подвеса и ругать за чрезмерную высоту подъема, Петя выдавил из себя лишь одно короткое слово: «Еще!»

Сравнить полет на «Орле» и аппарате Жана-Мари Ле Бри — как поставить на одну доску прыжок с аэростата в океан и купание в домашней ванной. С первой же попытки Самохвалов преодолел целую версту

Они затащили планер на вершину и успели сделать по одному полету каждый, когда питерец не справился с очередным порывом ветра, перетянул нос вверх и тяжело рухнул на крыло. К счастью, отделался вывихом лодыжки и ушибами. Доктор вправил ему ногу, затем осмотрел крыло и горестно качнул головой — на сегодня старты закончены. Петя сразу же вручил Арендту десятку, перекрыв себестоимость ремонта минимум вдвое, после чего они разобрали аппарат и стали ожидать носильщиков.

По дороге в Коктебель Самохвалов хромал, чихал, поглаживал, синяки и непрестанно тер красные как у кролика глаза — встречный ветер высушил и изрядно расцарапал их мелкими песчинками. Это — чепуха. Он был невероятно, жутко и безмерно счастлив. Ни секс, ни опиум, ни другие испытанные ранее наслаждения, не шли ни в какое сравнение с Полетом. Петя становился наркоманом неба.

Глава 5

10 мая — 2 сентября 1889 года. Санкт-Петербург.

Минская губерния

— Спасибо за приглашение, дорогой Петр Андреевич! — Жуковский решительно отклонил вежливое предложение откусать чаю с дороги и напрямик отправился к испытательной комнате. И действительно, здесь было на что посмотреть. Из подвала, где размещались топка и котел, наверх вела толстая медная труба с манометром, вентиляем и аварийным клапаном. Она оканчивалась у обуховской паровой машины, с ее вала протянулся ременный привод к большому, выше человеческого роста вентилятору, ради которого Петя приказал пожертвовать окном в торце особняка. Уходить рукотворный ветер, по замыслу авторов проекта «СаМоЛет», должен был в противоположное окно.

Николай Егорович оценил идеальный порядок в испытательной комнате. Все модели, заготовки и чертежи были аккуратно убраны в застекленные шкапы. Такая же метаморфоза произошла и в кабинете Самохвалова. Можайский поставил единственное условие хозяину особняка: настоящую морскую приборку в его берлоге и поддержание чистоты во всех помещениях, задействованных для нужд авиации.

Отставной контр-адмирал колдовал в продувочной с уверенностью опытного экспериментатора и гордо продемонстрировал профессору таблицы первых аэродинамических испытаний. Жуковский на некоторое время нырнул в расчеты, поковырялся в аэродинамических весах, занявших центр комнаты, потом спросил:

— Какова скорость потока?

— Не знаю, — беспечно ответил Самохвалов. — Мы ограничились обеспечением его равенства. Смотрите, перед машиной на паровой трубе вкручен манометр. Перед началом замеров мы устанавливаем одно и то же давление, посему частота вращения лопастей и скорость воздуха одинаковая.

— Запустите, посмотрим, — по лицу математика было очевидно, что его гложут сомнения. Но с комментариями он не спешил.

Можайский отвернул ventиль. Огромный вентилятор, по размерам схожий с пропеллером воздухолетного снаряда, начал вращаться быстрее и быстрее. Легкий бриз превратился в настоящий шквал. Пар с шипением вырывался из неплотных сочленений.

Закрепленная на весах модель крыла приподнялась и сдвинулась назад.

— Смотрите! — закричал Петя, перекрывая шум. — Мы записываем форму и размеры образца, определяем величину подъемной силы, сопротивления набегающему потоку, повторяем замер для углов атаки от нуля до двенадцати градусов.

— Вы позволите? — Жуковский взял в руки перо, которым Самохвалов выводил результаты, ножницы, разрезал его на четыре части и бросил в воздух перед лопастями. — Что и требовалось доказать.

Лишь один фрагмент испорченного пера описал сравнительно равномерную траекторию над весами. Остальные закрутились-завертелись, один из них занесло под шкаф, два долетели до выпускного окна с заметным опозданием. Затем раздался хлопок, на пол сверзилась убитая пропеллером галка, перья которой продолжали шевелиться на рукотворном ветру.

— Опять, — огорчился Можайский, закрутил паровой ventиль и смел в совок жертву

авиационного прогресса.

— Может, со стороны улицы сетку натянуть? Так со всего Васильевского острова птиц соберете. А главная проблема в другом. Вы знаете, я как математик привык обращаться с идеальными объектами. С равномерными и прямолинейными потоками, бесконечно тонкими плоскостями и прочими абстракциями. В комнате множество остроугольных предметов, создающих препятствия, завихрения и даже маленькие смерчи. Простите, господа, но ваши опыты нельзя назвать строго научными.

Жуковский провел на Васильевском острове неделю, самую счастливую для одной из питерских мастерских. В рекордно короткие сроки и за несусветные деньги в самохваловском особняке появилась настоящая аэродинамическая труба, одна из первых в России. Последний день трое энтузиастов посвятили настройке и градуировке измерительной системы. Улучшенный динамометр (аэродинамические весы) дополнился измерителями скорости потока и частоты вращения пропеллера.

После отъезда москвича Можайский засел за программу испытаний с обдувом в трубе множества вариантов крыла, скрупулезно ведя записи. А Самохвалов затосковал. Ему снова хотелось летать, испытывать мазохистский восторг, когда ужас старта сменяется эйфорией парения. Резкую смену направления он объяснил компаньону желанием застолбить приоритет в самолетостроении, запустив уже в текущем году балансирный планер, но типу крымского, взлетев с земли на реактивной тяге. Иными словами — ракетоплан.

Пока отставной мореплаватель скрупулезно мучил очередной аэродинамический профиль, а соседи по улице зазывали пожарных, принимая клубы пара за дым, Петр впервые занялся проектированием. Он пытался скрестить планер Арендта с аппаратом «Дельта» Николая Афанасьевича Телешова. Последний предложил к дельтовидному крылу с углом стреловидности сорок пять градусов приспособить цилиндрический фюзеляж и реактивный двигатель, пышно нареченный «теплородным духометом». Французский патент Телешова 1867 года предполагал постройку огромного летательного аппарата пассажироместимостью более ста человек. Задуманный на Васильевском острове крохотный дельта-ракетоплан походил на французское описание весьма отдаленно.

В итоге сверхмалое конструкторское бюро «СаМоЛет» стало расплываться на два направления. Можайский, главным образом, стремился выполнить задание московского математика, регулярно отсылая тому отчеты о продувках профилей в трубе и получая новые предложения, Петя разместил кучу заказов на материалы и вычерчивал хищные остроносые фигуры будущего ракетного дельтаплана. Периодически к ним наведывался Джевецкий, отвлекая самоделщиков на испытания воздушных винтов. Хотя поляк рассчитывал на их использование в дирижабле, стройку которого курировал Менделеев, компаньоны не возражали: пропеллеры Джевецкого или, по крайней мере, полученные при их замерах данные помогут при создании винтомоторной группы самолета.

Закончился май. Как-то, прогуливаясь по набережной, Можайский спросил у Самохвалова:

— Петр, вы знаете обо мне практически все. О себе отмалчиваетесь или отшучиваетесь. Я даже не знаю, откуда берутся огромные средства на наши опыты. Вряд ли ваш расчетливый брат финансирует нас как содержанку.

— А, вы опасаетесь, что мои капиталы от торговли живым товаром или просто награблены? Ладно, утолю ваше любопытство. Отец, царство ему небесное, старшего брата изначально прочил в преемники. Мне, младшему-любимому, решили изрядное воспитание

да образование обеспечить. А когда в университете учился, случился казус.

Петя замолчал. Александр Федорович выждал приличествующую паузу и предположил:

— Дуэль? Амурные дела с замужней дамой али соращение девицы?

— У вас хорошо с воображением, ваше превосходительство. Добавьте еще кружок народников-бомбистов. На самом деле, было совсем не так, но — какая разница. Я срочно покинул альма-матер, папенька быстренько спровадил меня в Париж. В ссылке я снова устроился в университет, на этот раз — Сорбонну, и все бы ничего, да угораздило жениться. В двадцать два года — недурственно, так? Учеба наскучила, я бросил школярство, и дома у меня начались Содом и Гоморра вперемешку с анафемой.

— Поясните, сударь. Содомитский грех?

— Шалун вы, адмирал. Хуже греха — это когда огонь с неба. Семья моей благоверной уж очень возжелала дворянства. Как известно, любой выпускник университета, подданный российского императора, на казенной службе имеет шанс получить дворянство личное, ненаследственное. В других европейских монархиях сие правило не столь строго. Так вот, они возмечтали, что после Сорбонны я вернусь в Питер на статскую службу, выправлю бумагу на дворянство, выйду в отставку и перееду в какую-нибудь Испанию, подданным запишусь. Там моя знатность получит признание, и детки наши станут идальгами. Хоть я из купеческого сословия. Замечательный прожект, зря меня в него сразу не посвятили. Мало того, что я не мог в Питер лет до тридцати вернуться, пока здесь о казусе не забыли, дворянство не сильно привлекало. Ответственности больше, нежели привилегий. Каждый сверчок повинен знать свой шесток. Вот тогда-то на меня, коварного, знатно обрушили Содом-Гоморру-анафему. Я потерпел месячишко да и разошелся с супругой, потом развод оформил.

— Дети остались?

— Дочь. Невеста уже. Красавица, вся в мать, также меня ненавидит. Я-то и бываю у нее не чаще чем раз в год, на день ангела, безо всякой радости для обоих.

— Нехорошо это.

— Бросьте, коллега. У вас у самого отношения с сыновьями... не очень. В каждой семье свои трудности. Не имея семейных обязанностей, я занялся купеческими и финансовыми гешефтами. Батенька умер, брат обрадовался, что стал я на путь истинный, начальный капиталец подкинул. Ну, я и соединил французские возможности, знания из Сорбонны и непредсказуемый русский характер. Местные меня не сразу раскусили. Есть закон такой, всеобщий: если у меня изрядно денег прибавилось, обязательно где-то столько же убавилось. А хозяину этого «где-то» обидно бывает. Французы меня посадить не смогли — они до моих финансовых маневров даже наказание за такие дела не придумали. Но лавочку прикрыть пришлось и на пару лет в Англию переехать, чтобы очи не мозолить. Там я тоже поработал по французской схеме, потом посчитал недурственные остатки от продажи активов и решил — хватит.

— А воздухоплавание?

— Во Франции больше на чужие потуги смотрел. В Англии первый раз на аэростате поднялся. Помню, папенька все меценатством себя увековечить пытался, художникам-поэтам и прочим проходимцам деньги давал. Двое из них в известные выбились, да только никто их с Самохваловыми не связывает. Ну, я и решил, чем ассигнации на сторону рассыпать, лучше свое большое дело финансами подкрепить. Воздушные шары давно изобрели, поставить мотор и принудить пузырь против ветра плыть — невелика заслуга. Вот

я и выбрал аэроплан.

Петя оперся о парашют.

— Возведите очи горе, Александр Федорыч. Что там? Облака и одинокая чайка. Не верю, что аэростаты воздух заполняют. Помните, Менделеев посмеивался, что аэроплан мощность мотора на подъемную силу растрчивает. Прав наш академик, да правота его узкая — на малых аппаратах и скоростях. Я верю, что наш «СаМоЛет» когда-нибудь покроет сто миль за час.

Можайский иронически приподнял бровь.

— Зря не верите. Выхода другого нет. Помните, что я вам про Коктебель рассказывал? Там только узнал, что наш главный враг — ветер, а не земная тяжесть. Меня на высоте трех десятков аршин так мотало бризом, что едва кости собрал. А в гондоле шара меня подняли на версту. В вышине шквал такой, что, будь он на море, вы бы, адмирал, паруса убрали, люки задраили и Бога молили о пощаде. Сей шторм на воде — редкость, а наверху — обыденность. Поэтому выход один — рукотворная струя должна в крылья бить куда сильнее. Тогда обычный ураган самолету не страшен. Теперь об аэростате. Какую полезную нагрузку вы своему снаряду планировали? Тридцать пудов? Так представьте шар, который сможет подобный груз поднять, еще моторы, пропеллеры, топливо — дополнительный объем оболочки страшно вообразить. Какая же мощь нужна, чтобы огромный пузырь мог скорость набрать и с ветром сражаться. Вот представьте себя на корабле, который на машине против сильного ветра на всех парусах идет, и нет никакой возможности паруса убрать или зарифить? Хорошо, если машина удержит от сноса на скалы.

— Точно подмечено. Даже голый рангоут с такелажем знатную парусность имеют, они против ветра идти серьезно мешают.

— Вот. Аппарат легче воздуха сделать проще, но будущего у него нет. Стало быть, аэроплан мы должны первыми построить. Чтобы слово *самолет* на всех языках звучало как название летательных приборов, а *airplane* забылось со временем.

Королевство Польское и Княжество Литовское, ненавязчиво проглоченные Россией в результате разделов Речи Посполитой, представляли собой заповедную зону дворянской вольности, невысказанной в других частях Империи. Несмотря на явное неприятие шляхтой российского главенства, открытую поддержку наполеоновской интервенции и многочисленные антирусские бунты, в Литовском генерал-губернаторстве дворянские привилегии местных «рыцарей», произрастающие еще из средневековых традиций, не ущемлялись до конца.

Трудно объяснить неисповедимые движения души Самохвалова, решившего разместить первый испытательный полигон в Логойском повете, но один резон просматривался бесспорно: здесь сохранялись уголки самовластия, где обо всем нужно было договариваться лишь с одним хозяином. Множественность начальников на каждом кусочке российской земли — вечный бич купцов и фабрикантов. Отъехав от Питера или Москвы на большое расстояние, попадаешь в лапы к губернскому и уездному начальству, будь добр подружиться с полицмейстером и главой жандармерии, не ссорься с местным прокурором и товарищем прокурора. Нельзя прогневить предводителя местного дворянства и земских авторитетов, ибо вся местечковая знать окажется настроенной против и начнет ставить палки в колеса. Не дай Бог, что покажутся недостаточными пожертвования на храм: из очередной проповеди прихожане узнают, что поджог антихристового завода есмь не грех.

Логойск, расположившийся примерно в тридцати верстах севернее губернского Минска, был частной собственностью графа Тышкевича, с которым Петя познакомился еще в годы парижско-студенческой легкомысленной молодости. Графской семье принадлежали и земли, окружавшие городок, а их население почитало ясновельможного пана похлеще, чем русские крепостные своих господ до освобождения, дарованного Александром Вторым. Посему авиатор рассудил: легче договориться с одним местным султаном, нежели с полновесным чиновным выводком.

Не доезжая верст семь до графского дворца, справа от Логойского тракта есть заметный пригорок в междуречье Гайны и Дубровинки. Удивительно, но среди Минщины, большей частью ровной как стол, на территории Логойского повета земля вздыбилась холмами и горками, образовав множество возвышенностей, впадин, озер и речушек. Эдакая минская Швейцария.

Безымянная складка местности возле деревни Силичи, арендованная вместе с подножием, получила от Самохвалова гордое название — Планерная гора. За смешные по питерским меркам деньги местные мужики удалили хилую кустарниковую растительность с северо-западного склона, сложили просторный деревянный сруб. Но больше ничем помочь не смогли — в летнюю страду сельский трудовой люд занят. Поэтому, когда целый караван подвод привез с минской железнодорожной станции в разобранном виде летательный аппарат, паровую машину и целый ворох всякого оборудования, Самохвалов ломал голову над кадровым вопросом. На монтаж паровой лебедки, помощь в сборке планера и прочие нехитрые операции он привлек трех механиков из Минска, но их суточные оказались разорительными даже на фоне питерских расценок. Решение вопроса пришло неожиданно.

— Ви думаете, таки оно полетит?

Петр, колдовавший над расчалками крыла, обернулся.

Немолодой и весьма потертый жизнью местечковый еврей в черной шляпе, черном лапсердаке, стоптанных сапогах и украшенный спиралевидными пейсами на висках, выглядел непрезентабельно и очень неприятно пах. От каждого его выдоха над Планерной горой проносилось облачко такого чесночного смрада, что можно было не волноваться о древоточцах в деревянных частях: сын богоизбранного народа все продезинфицировал на десять сажень.

— Чем обязан?

— Шолом, ясновельможный пан! Моя Сима слушала новость, что господин из Санкт-Петербурга спгашивает честных и умелых мастегов. А кто сумеет спгавиться лучше Хаима Менделя? Узнайте у любого в Логойске — Хаиму можно довегать, — еврей настолько картавил и искажал букву «р», что Самохвалов понимал его не без труда.

— Я полагаю, что Мендель именно вы и есть.

— Таки да! Пгиатно иметь дело с умным человеком.

Минские мастеровые недовольно оглядывались. Никто не упрекнет евреев, что они плохие работники, но никто на Руси работать с ними не хочет, даже минчане, с детства к иудеям привычные — и Минск, и Логойск входили в черту оседлости, где семитское население намного превышало число славян. Ругнув, себя, что не прихватил пару верных людей из Северной Пальмиры, Самохвалов ответил кандидату, что подумает.

На следующий день он заявился, к графу, который посмеялся над «жидами-авиаторами», но в летнее время также не мог помочь людьми, и к раввину, который подтвердил репутацию Менделя и рекомендовал еще Иосифа Каца, обувного мастера по

основной профессии и умельца широкого профиля в свободное от сапожного творчества время. Отставной солдат Прохор Семенов, по причине изрядной хромоты к работам негодный, вызвался сторожить барское имущество, прихватив курковое ружье и брехливого беспородного пса. Пестрая интернациональная мужская команда, изредка разбавляемая суровой женой Прохора, приносившей из Силичей продукты и прибиравшейся в избе, начала подготовку к стартам.

«СаМоЛет-1», странноватое деревянно-тканевое сооружение, затаив в ожидании на деревянном помосте у верхушки горы. Его слегка заостренное крыло напоминало скорее букву V, нежели греческую дельту. Не собираясь гнаться за продолжительностью безмоторного полета, Самохвалов уменьшил размах крыла по сравнению с крымским планером. Зато все двенадцать метров поверхности располагались на одном уровне, без концевых загибов вверх. Для управления креном компаньоны приделали пару крыльев из фанеры площадью около пятнадцати квадратных футов каждое, закрепленных на подкосах и растяжках под несущими плоскостями основного крыла. Простейшее хвостовое оперение из двух стабилизаторов, отклоняющихся вверх-вниз от ручки управления, выполняло функцию руля высоты. Вся конструкция была расчалена тонкими тросиками, протянувшимися поверх крыла к короткой мачте, снизу — к стойкам шасси.

Фюзеляж в обычном понимании отсутствовал, как и пилотское кресло. По задумке Самохвалова он в момент разбега должен был удерживать планер за поперечную перекладину, как на «Орле», и катить конструкцию вперед по деревянному настилу на двух колесиках. В момент отрыва от поверхности он собирался прыгнуть вперед на подвес, подтянувшись за поперечину, расстопорить рукоятку управления и продолжить полет, возлежа животом в люльке подвеса, удерживая левой рукой рукоять, подобную стоявшей на «Орле», а правой управлять высотой и креном. Между колесами и авиатором оставалось достаточное пространство, чтобы со временем туда впихнуть сигару реактивного двигателя и зафиксировать первый моторный полет. На бумаге выглядело так гладко!

Для начала «СаМоЛет» никак не хотел взлетать в режиме воздушного змея, беспилотный, с сорокакилограммовым мешком песка вместо Пети. Несмотря на аэродинамический профиль крыла, обтянутого с двух сторон шелковой тканью, пропитанной лаком, планер разгонялся лебедкой против ветра, чуть приподнимался над деревянным настилом и тут же опускался, как только трос переставал натягиваться на барабан. Где среди Западно-Европейской равнины найти устойчивые ветры, которые держали бы аппарат как в Коктебеле?

Набегавшись в волнении вокруг верхушки горы, Самохвалов объявил перерыв до завтра. Его тут же облепили пейсатые мастера, объясняя, что гривенник за день работы — издевательство над бедными евреями, и нужно накинуть еще полстолько. Прохор посмеивался, а его супруга особенно сильно гремела чугунками с едой, в звуке давая выход антисемитским эмоциям.

Черноволосые и темноглазые подростки, полный день норовившие подержаться за планер, трос или лебедку, также заявили, что они работали, и вымогали по паре копеек. Со злости Самохвалов шуганул их всех, пригрозив нанять вместо Иосифа и Хаима таких же умельцев из Острошицкого городка. Не получив ни гроша свыше обещанного, евреи запричитали «ой вей!» (какое горе!), сели в повозки и укатили в Логойск, но назавтра появились как ни в чем не бывало. Из юной поросли притащился лишь сын Менделя — Мордка, который вызвался помогать исключительно из любви к авиации.

Расстроенный планерист приказал переделать помост. В отличие от опыта Можайского, чей снаряд катился под уклон, Самохвалов решил разгонять аппарат вверх по принципу трамплина. У переднего обреза настила помощники привернули блок. По замыслу трос, пропущенный через блок, разгонит планер, а в момент взлета Петр рукой отстегнет карабин и взмоет ввысь.

Просчитывая этот вариант в уютном питерском кабинете, компаньоны не учли, что планерист в момент отрыва от земли — весьма занятой персонаж. Ему нужно оттолкнуться ногами, прыгнуть вперед в люльку убегающего экипажа, устроиться в ней, освободить ручку управления. В итоге Самохвалов так и не смог отстегнуть трос. Планер перепрыгнул через лебедку и, удерживаемый на привязи, со всего маху влетел в землю метрах в двадцати за ней.

Технический персонал вытащил авиатора из-под обломков. Петя выглядел страшно. Он разбил голову о рукоять, от мгновенной перегрузки ремень подвеса сдавил ребра, и они треснули. Каждый вздох отдавался болью.

Аппарат тоже был серьезно ранен. Мало того, что пострадало крыло, вдобавок погнулись стойки шасси, сорвались расчалки и крылья для управления креном. Лопнула тяга к хвостовому оперению.

Когда горе-летчик убедился, что Планерная гора и обеспокоенные еврейские лица перестали кружиться перед глазами, он наказал Прохору свезти себя в минскую губернскую больницу, а мастерам ремонтировать аппарат, посулив денег. В Силичи Самохвалов вернулся дней через десять, похудевший, съезжившийся, с перемотанной головой, перетянутыми ребрами, но по-прежнему полный идиотской решимости заставить «СаМоЛет» летать. К его удивлению все оказалось на месте, почти трезвый солдат радостно замахал руками, шавка не менее радостно залаяла, а евреи выкатили нескромную сумму в виде счета за реанимацию птички. Зараженный всеобщим энтузиазмом, Петя выплатил мастерам половину запрошенного, чем их удивил, обрадовал и немного разочаровал — наследники одного из колен Авраамовых искренне уважали чужое умение торговаться.

Планер, идеально отремонтированный, стоял у дощатого помоста, нацелившись в небо острым углом буквы V. Самохвалов проверил крепления, пошевелил ручку управления, попробовал забраться в люльку и взвизгнул от боли. Туго бинтованные ребра напомнили о себе.

— Азохн вей! Вам, пан, таки не стоит самому пгобовать.

— А что мне делать, Хаим? Сидеть, как поц с мытой шеей? — наобщавшись с евреями, Петр невольно нахватался их выражений. — Сентябрь на носу. Скоро дожди, не до полетов будет.

— Господин Петр Андреевич, дозвоьте мне! — глаза юного Мордехая были столь просящими, будто он вымаливал что-то материальное, а не право сломать хребет, грохнувшись с высоты. — Смотрите, что я придумал. Видите, крепление троса теперь не замком, а простым крюком. Как только ваш самолет оторвется от досок, отец стопорит лебедку, я перелечу его, и трос соскользнет.

Самохвалов осмотрел крючок и удивился, как не додумался до столь очевидной мелочи. Можайскому, куда как более опытному конструктору, сие тоже не пришло в голову. Но как отпустить в полет подростка, когда во время первой попытки сам чуть не убился?

— Хаим, ты понимаешь, как это опасно! Неужели разрешишь сыну такой риск?

— Бить евгеем везде опасно, господин, особенно в этой стгане. Но мами умный, весь в меня — он спгавится. Поднимется на сажень к Богу — Бог поможет.

Еще раз проверив аппарат и снова убедившись в своей летной непригодности, Самохвалов решился. Он долго рассказывал парню про свои европейские и крымские полеты, объяснял про поддержание скорости, управление креном и т.д. Словом, повторил все, что ему внушал Арендт на пронизывающем крымском ветру.

С полным ощущением, что он делает глупость, Самохвалов сам развел огонь в топке паровой машины. Забулькало в котле, стрелка манометра поползла к рабочей зоне. Петр сходил в избу, взял «Кодак» и установил его на треногу. В этом полете он только зритель.

Мордка стащил шапку с головы и снял черную куртку. Споро залез на подвес, ухватился руками за перекладину и ручку управления. Иосиф подхватил его за ноги, плечом подпер балку хвостового оперения.

Солнце клонилось к закату. Безветрие. Петр сделал первый кадр — на исходной позиции. Руки дрожали. Если бы не авария при первой попытке, он бы так не нервничал. Наконец котел набрал давление, Хаим махнул рукой и повернул рычаг лебедки.

Иногда мгновения вмещают минуты, а то и часы. Свист пара, чуханье паровой машины, скрип блока и дробный стук башмаков Иосифа по деревянному настилу слились в какофонию запуска. Хаим торопливо остановил лебедку, поймал выпавший конец буксира, и три головы повернулись вслед за улетающим аппаратом.

Потрясающая картина. На фоне садящегося августовского солнца, далекого леса и зеленого пастбища скользит вдоль склона окрыленный человек.

Магия полета. Под ногами нет земли, к которой привязан с детства, по которой бродили тысячи поколений предков. Ветер в ушах и глазах. Небывалая скорость. Ощущение паразитической легкости, иллюзия могущества, ожидание подъема к самым облакам...

Мордка покачал крылом, выровнял планер, опустил хвост, вытянул ноги и плавно коснулся земли. Но вздох облегчения застрял в глотках, когда колеса зарылись в грунт, и аппарат, кувыркнувшись через нос, шлепнулся на спину.

Бежали все. Черным вороном с развевающимися пейсами и бородой несся Мендель, за ним шариком катился толстый Кац, трусил Самохвалов, придерживая руками ноющие ребра, и даже хромой Семенов попытался изобразить некий спринт. Но еще до прибытия спасательной команды юный планерист слез с крыла, оказавшегося под ним, выпрямился и станцевал нечто похожее на «Семь-сорок», своим видом показывая: происшедшее его полностью устраивает. Петр на радостях, что все обошлось, вручил испытателю рубль и тут же понял, как погорячился: в юных еврейских глазах загорелась уверенность, что установлена твердая ставка за каждый полет.

«Самолет-1» достойно выдержал повторное крушение, повредив лишь шасси; капотирование вообще не оставило последствий. Уже на следующий день brave помощники восстановили аппарат, приспособив на каждой из стоек шасси длинную лыжу, которые не мешали взлету, но исключали переворот через голову. Центровка уехала вперед, поэтому подвес пришлось перенести ближе к хвостовой балке, переместив и ручку управления.

Так, с мелкими переделками и незначительными происшествиями, но без серьезных аварий, авиаторы организовали два десятка полетов. Мордка, освоившись, совершал в воздухе небольшие эволюции, но поймать восходящий поток и взлететь как в Коктебеле не вышло ни разу, даже сняв для облегчения рули крена и управляя в балансирном режиме. Под конец в качестве имитатора реактивного двигателя меж стоек шасси положили пудовое бревно — в таком варианте аппарат протянул метров двадцать.

Заметные издали эксперименты начали привлекать внимание. Если старшее поколение селян трудилось в полях, то малые ребята и городская молодежь частенько подбирались к Планерной горе, наблюдая за странными экспериментами столичного господина. В Париже, верно, за такое зрелище пришлось бы выложить немалые деньги. Но Петра быстрый заработок мало волновал. Наоборот, он рассчитывал, что слухи о его полетах из белорусской глуши растекутся не так быстро, как из питерских пригородов.

Разобраный планер и паровую лебедку отвезли на хранение в графский дворец. Планерная гора опустела до следующих запусков.

На прощание Самохвалов посетил семью летчика-испытателя, где торжественно вручил пять рублей. Мама Мордохая, полная дама по имени Сима, обняла благодетеля, прослезилась и заявила: «Пан, вы — очень хороший человек. Жалко, что не еврей».

Глава 6

24 сентября 1889 года — 22 февраля 1890 года.

Санкт-Петербург. Минская губерния

— Петр абсолютно прав, не стоит это публиковать.

Отставной моряк слушал Джевецкого, расстраиваясь больше и больше, однако понимая, что Стефан Карлович прав. Можайскому весьма хотелось увидеть в прессе статью, описывающую удачный летательный аппарат, созданный с его участием.

— Планеры удавались и раньше. Арендт летал выше и дальше. Если вы не хотите ранней огласки, господа, не торопитесь. Кстати, на ваших фото, Петр Андреич, преобладают лица... определенной национальности. Прошу не счесть меня пристрастным, тем более что в Польше на это смотрят свободнее. Но мы в Санкт-Петербурге, милостивые государи. Нельзя не считаться с общественным мнением. «Летучие евреи» — подходящий газетный заголовок? Как будто их на земле не хватает.

— А на Западе меня обвинят, что сам не осмелился взлететь и отправил рисковать головой еврейского мальчишку, — согласился Самохвалов. — Но кое о чем я хочу заявить и запатентовать: поворотные плоскости для управления креном и лыжи против капотирования.

Можайский все больше хмурился, напоминая грозовую тучу. Еще чуть-чуть, и из него начнут бить молнии. В довершение к отказу в публикации, его имя будет красоваться под изобретением, которое сделали «эти».

— Александр Федорович, чему вы удивляетесь? Я платил им деньги за каждый отработанный день. Посему ими придуманное — наше по праву.

— Адмирал, перестаньте расстраиваться, — снова вступил в разговор поляк. — Лучше составьте компанию. Имею намерение в ближайшие выходные посмотреть на очередного гениального самоучку.

Действительно, Россию накрыл настоящий авиационный бум. Количество желающих создать аэроплан росло с каждым месяцем. Газеты пестрели сообщениями об изобретениях новых летательных снарядов. Казалось, люди на земле ожидали некий катаклизм, спасение от которого имелось лишь на небесах. В Европе, наоборот, наступило некоторое затишье. Наряду с отчетами о запусках аппаратов легче воздуха промелькнуло сообщение о планере Лилиенталя, вот, пожалуй, и всё.

Воскресное представление на ипподроме венчалось показом изобретений господина Сковородникова, известного спортсмена в новомодном велосипедном увлечении. На дорожке рабочие установили небольшой деревянный трамплин. Затем спортсмен, набрав скорость на велосипеде, украшенном V-образными крыльями, отдаленно напоминающими птичьи, налетел на трамплин и спланировал примерно сажени на три или четыре, вызвав восторг и аплодисменты публики. Велосипедный ангелок сделал круг, подъехал к трибуне и, взяв рупор у помощника, разразился речью примерно следующего содержания:

— Дамы и господа! А теперь разрешите представить вам величайшее изобретение века — орнитоптерный пароплан конструкции Сковородникова.

Пара помощников выкатила из-за ворот чрезвычайно странное сооружение. На трех установленных по одной линии саженных велосипедных колесах были водружены крылья такого же типа, как на авиавелосипеде, только гораздо большего размаха. Между средним и

задним колесом блестел медью котел высокого давления, за ним подымалась дымовая труба, из которой валил черный дым. Для устойчивости от заднего колеса в стороны торчали два маленьких колесика, придававшие гротескной конструкции трогательно детский оттенок.

Изобретатель несколько минут поколдовал над паровым котлом, что-то там регулируя. Затем с подставки взгромоздился на переднее колесо, поставив ноги на педали, скрепленные с осью. Среднее колесо оседлал ассистент. Второй помощник открыл клапан, со свистом запустив пар в приводную трубу, велосипедисты нажали педали, и комичный крылатый дракон двинулся по дорожке. Крылья подымались вверх, с громким хлопком выходящего пара дергались вниз, экипаж изо всех сил крутил педали, вызывая веселое оживление у публики, но отрыв от земли не происходил никак. «Орнитоцерный пароплан» в движении напоминал китайского маскарадного огнедышащего дракона, виденного контр-адмиралом во время восточного вояжа. С той лишь разницей, что родственники Змея Горыныча извергали дым из пасти, а дракон Сквородникова из места, не при дамах сказать какого.

— Как он собирается управлять в воздухе? — Можайский с недоумением рассматривал катавшийся перед ними выкидыш российского изобретательства.

— Никак. Он рассчитывает на секунду-другую оторваться от земли, — Самохвалов не стал подначивать, партнера, снаряд которого имел не больше шансов улететь, чем пыхтящий орнитоцер. При всех минусах красносельской конструкции Петр не мог не признать, что изделие отставного мореплавателя не до такой степени входило в противоречие со здравым смыслом, как коптящее перед ними диво имени Сквородникова.

Наконец «чух-чух» начало стихать, крылья махали реже. Утомленные велоавиаторы остановились напротив трибуны, переводя дух. Пока помощники засуетились, заправляя машину водой и топливом, Сквородников заполнял паузу, вещая через рупор о перспективах его изобретения. Он учредил акционерное общество, которому предстоит наладить промышленный выпуск паролетов и организовать регулярное авиасообщение по маршруту Санкт-Петербург — Москва — Киев — Одесса. Петя представил стаи крылатых велосипедистов над городами и тихонько заржал.

Меж тем оратор входил в азарт. Он обещал, что сейчас поднимет давление в котле, и аппарат непременно взлетит, а там недалеко и до серийных высотных моделей. Естественно, призывал покупать акции, вкладывая деньги в небесное будущее России. Разогрев публику посулами, изобретатель вернулся к паровой машине.

— Александр Федорович, у вас морские глаза, не подскажите, что он сейчас делает? — Джевецкий показал на странные манипуляции Сквородникова у паровой машины.

— Глаза уже не те, зато имеем морской бинокль, — контр-адмирал извлек оптику из саквояжа и приставил к глазам. — Матерь Божия, он закручивает предохранительный клапан.

— Совсем с ума сошел, — заключил Самохвалов, которому стало не до веселья.

Его мнение явно разделил один из ассистентов, который бочком попятился в сторону. Второй, молодой чернявый парень с лихо закрученными усами, беспечно махнул рукой и забрался в седло. Командир экипажа двинулся было к капитанскому насесту, но вспомнил, что некому открыть вентиль, подающий пар в цилиндры, приводящие в действие крылья. Он обернулся и тут...

Все стоящие на ипподроме дернулись от неожиданности, даже Можайский с Самохваловым, ожидавшие подобного. С оглушающим грохотом паровой котел взорвался. Вверх рванул гейзер, аппарат заволокло белыми клубами, с треском развалилась топка,

залитая остатками воды. С жалобным воем неся прочь уцелевший ассистент, а все, кто покрепче нервами да помоложе, кинулись к месту аварии.

Сковородников выгнулся на земле, беспомощно шевеля обваренными руками. Глаза ему выжгло напрочь, но изобретатель хотя бы остался жив. Помощник недвижимо лежал на велосипедной раме: фрагмент котла воткнулся бедолаге аккурат среди спины.

Дамы падали в обморок на руки своих кавалеров, кого-то рвало. Не все собравшиеся поглазеть на полеты оказались любителями острых ощущений.

Садясь в бричку, Петр Андреевич зло заметил:

— Теперь и нам в случае чего трудно будет получить разрешение на публичную демонстрацию. Слава Богу, из приглашенных никого не зацепило.

Дальше ехали молча. Они понимали риск покорения воздуха, но беспечность и самонадеянность самоучки, погубившие парня, не лезли, ни в какие ворота.

Ближе к Васильевскому Самохвалов подуспокоился и начал по обыкновению философствовать.

— Как ни жаль давешнего испытателя, прошу заметить, господа, мы присутствуем, наверное, при последнем всплеске изобретательства, что называется, на коленке. А убьют его, такие как мы и профессор Жуковский. Какую газету ни глянь, везде сообщения об изобретениях. Большинство из них сделаны на голом энтузиазме, без всякого научного обоснования, лишь с помощью интуиции. Понятно, что почти все они — абсурдны, реальную пользу лишь единицы имеют.

Джевецкий живо откликнулся:

— Третьего дня читал о патенте американца Эдисона. Он изобрел лампу с платиновой нитью накаливания!

— Американцы ненормальные, — пожал широкими черными плечами Можайский. — Тогда уж дешевле освещаться, сжигая ассигнации.

— Именно. Скажите, любезный Петр Андреич, что вы имели в виду, когда окрестили нас убийцами изобретательства?

— Всего лишь профессиональный подход. Я оплатил постройку аэродинамической трубы, Николай Егорович расписал план экспериментаторских работ, Александр Федорович продувает модельки и данные конспектирует. Потом Жуковский у себя в Москве все тщательно рассчитает, и мы построим правильно спроектированный самолет. Энтузиаст вроде сегодняшнего велосипедиста так не сможет — им вечно не хватает средств, образования, да и просто систематического подхода. Лет пять, много — десять, и эпоха гениальных кустарей-одиночек канет в Лету. Мне немного жаль этих чудаков, но жизнь, господа, жестокая штука.

Несмотря на громкий крах Сковородникова и многих других самодельщиков, пытавшихся летать на паропланах, ракетопланах, орнитоптерах, геликоптерах и прочих устройствах тяжелее воздуха, неукротимый Самохвалов вплотную задумался о закреплении приоритета в создании первого работоспособного аэроплана. Петр сам сформулировал критерии для такого аппарата: он, пилотируемый человеком, должен произвести старт и подняться в воздух силой своего двигателя выше точки взлета, удержаться в воздухе хотя бы несколько секунд за счет подъемной силы крыла, преодолеть в горизонтальном направлении расстояние, многократно превышающее длину аппарата. В идеале аэроплан сможет совершить круговой полет и произвести посадку в точке старта. Осталась сушая мелочь — построить такой аппарат.

Постепенно обретающий свои очертания на бумаге планер, проектируемый совместно с Жуковским, быстро не поспеет — его без мотора облетать бы. К октябрю многочисленные эксперименты дали лишь понимание оптимального профиля крыла, соотношения его основных показателей: подъемной силы на различных углах атаки и ее зависимости от скорости потока, удельной нагрузки и т.д. Моторной установки малого веса, способной раскрутить пропеллер, также не наблюдается. Поэтому Самохвалов решил двинуть по наиболее проторенной дорожке и вернуться к результатам логойских опытов: установить на «Самолет-1» реактивный стартовый ускоритель, явив миру активный полет на аэроплане.

В природе жизнь к зиме затихает. В особняке на Васильевском острове все происходило с точностью до наоборот. На сдержанные возражения Можайского Петр решительно заявлял, что следующую полетную сессию надобно провести среди зимы: на снег падать мягче. За три месяца по наброскам Самохвалова привыкшие к его причудам мастера изготовили подвеску для паровой ракеты и оснастку, дабы перевесить крылья управления креном на концы основного крыла, превратив их в полноценные элероны.

Контр-адмирал занимался постройкой планера, прототипа под установку двигателя внутреннего сгорания, который человечество пока не изобрело. Вместе с Жуковским он вычертил его будущие контуры: биплан размахом крыльев чуть более десяти метров, соединенных между собой подкосами и расчалками. Вместо лодкоподобного фюзеляжа, близкого сердцу старого моряка, основу конструкции составил ажурный каркас с горизонтальным стабилизатором сзади. Стальные трубы впереди, на которые в будущем станет мотор, приняли пилотское кресло и рукоятку управления рулем высоты и элеронами. Двухстоечное шасси несло только лыжи, а сзади, памятуя опыт Каца, поддерживающего на старте пилота за ноги, компаньоны установили упругий крюк из металлического прутка.

Деньги улетали как в прорву. Каждый раз, посещая брата, управлявшего капиталами семьи, Петя возвращался в дурном настроении, забрасывал работу, выпивал и разглядывал неприличные французские картинки. Но наутро легкий энергичский характер брал свое, и он снова впрягался, выписывая сложный маршрут между аэродинамической трубой, мастерскими и Обуховским заводом, где заканчивалась сборка реактивного двигателя.

Впрочем, столь громкое название не соответствовало донельзя примитивной конструкции. Всего-навсего котел высокого давления сигарообразной формы, с отбрасываемым лючком в хвостовой части, предохранительным клапаном, манометром и заливной горловиной для воды. По задумке автора, паровая ракета устанавливалась между шасси, снизу разогревалась топкой на жидком топливе. Когда вода закипала и давление пара подходило к некому оптимальному значению, ассистент должен был сорвать стопор лючка, после чего пар через узкое сопло бил в пространство, сообщая летательному аппарату поступательное движение. По идее, эффективное время работы должно было составить не менее шести-семи секунд, достаточных для разгона, взлета и еще хотя бы одно-двухсекундного поддержания самолета в воздухе.

Памятуя печальный пример Сковородникова, Самохвалов принес первый котел в жертву, определив давление, при котором паровая установка повторила судьбу «орнитоптерного пароплана». Опыт проходил на пустыре, а показания манометра испытатель считывал издали через неизменный адмиральский бинокль. Грохот разрывающегося котла, потрясший округу на радость собравшимся мальчишкам, произошел при отметке шестьдесят. Значит, решил автор затеи, свыше сорока единиц поднимать давление опасно.

Дальнейшие опыты заняли примерно месяц. Диаметр сопла, достаточный для создания взлетной тяги, но не позволяющий вырваться пару за одну-две секунды, уточнялся экспериментальным путем. Неприятным открытием стало истечение кипящей струи во все стороны. Чтобы направить ее строго назад, между лючком и корпусом котла пришлось установить пятидюймовую трубу.

Об остальных проблемах: как не сжечь планер во время разогрева котла, не ошпариться при карабкании в подвес и не обжечься при посадке, когда мужское сокровище висит сантиметрах в пяти от раскаленной поверхности, а также не обварить ассистента, открывающего стартовый люк, — Самохвалов решил задуматься уже в Логойске.

За всеми эти заботами промелькнули Новый год, Рождество Христово и Крещение. Только 30 января детали для усовершенствования «Самолета-1», разобранный «Самолет-2», двое компаньонов и пара рабочих погрузились в специально зафрахтованный вагон до Минска.

Планерная гора под Логойском жила невероятно напряженной для зимнего времени жизнью. Кроме приезжих из Питера и трех местечковых логойских аборигенов, участников летней сессии, набралось множество желающих помочь. Молодая поросль из Силичей и других окрестных сел, достаточно обеспеченная для обладания зимней одеждой, на нехитрых салазках и просто пятой точкой укатывала склон. Мендель с Кацем расчистили деревянный настил от снега, прибили железный лист под топку и два направляющих бруса по ширине лыж, чтобы аппарат не вильнул в сторону при взлете. По вечерам Самохвалов лично поливал стартовую площадку водой, превращая ее в каток для уменьшения трения.

В солнечное субботнее утро 15 февраля Петр вышел из избы в приподнятом настроении. Все необходимые и полезные, но однообразно-утомительные приготовления остались позади. Впервые с той злосчастной попытки, стоившей ему нескольких трещин в ребрах, он решил подняться в воздух.

Помощнички с черты оседлости сегодня никакой работы не делали — шабад, однако, это не помешало им прийти-поглазеть. Пока Можайский с силичскими парнями разводил пары в лебедке, Петр Андреевич отряхнул снег с чехла аппарата, последний раз проверил крепления и закрепил буксировочный трос на крюке.

С вершины горы во все стороны просматривалась роскошная белорусская зима. На севере курились дымки из логойских труб, чуть правее угадывалась Гайна, занесенная снегом и обозначенная густой порослью по берегам. Куда ни глянь — бескрайние поля, только на горизонте и на неудобницах темнеют лесные пятна: Белая Русь распахана куда плотнее, нежели Центральная Россия.

Сбросив тулуп, Самохвалов остался в суконной куртке — несколько минут можно и потерпеть мороз, лишний вес в полете не нужен. Примораживало, на тонких усиках планериста прихватился иней. Наконец Можайский махнул рукой, показывая, что рабочее давление в лебедке набрано. Пилот, кряхтя, забрался в подвесную люльку. Под ним оказался холодный пока цилиндр ракетного ускорителя. Заботливый Мендель, памятуя, что полететь на рукотворной ракете, вероятно, придется и его сыну, загодя между цилиндром и подвесом закрепил кусок доски — бывший руль крена, оставшийся с августовских испытаний.

Скептически осмотрев еврейскую тепловую защиту, Самохвалов опробовал рули. Особенно волновался за руль высоты. Сейчас пробный старт — без запуска паровой ракеты. За время работы реактивной струи аппарат мог сильно задрать нос, ибо двигатель

прикладывал усилие к нижней части конструкции. Зато после выхода пара, вероятно, должна была почувствоваться передняя центровка. Мысленно отрепетировав движение рулями, испытатель встретился глазами с Можайским и просигналил «старт».

Тряска лыж по ледяной площадке под аккомпанемент парового свиста в лебедке сменилась обыденным чудом полета. Шелест холодного ветра в непокрытых волосах, мелкие снежинки в глазах и бешено несущаяся навстречу снежная равнина. Удар о снег не шел ни в какое сравнение с прошлогодним крушением. Скрипнули ремни подвеса, аппарат, скользя метров на десять вперед, увяз лыжами в свежевывавшей пороше.

Планерную горку огласили радостные крики полтора десятков глоток. Петр вылез из-под крыла. Первым подбежал Мордка, на чернявой мордахе которого смешалась радость от увиденного с завистью, что не он сейчас был в воздухе.

— Пан Петр! Вы таки пролетели дальше, чем я летом на бревне.

Десять килограмм лишнего веса, зато нет дополнительных крыльев управления креном, перекочевавших вверх и тем улучивших аэродинамику.

— А когда мне можно будет?

Самохвалов не успел ответить, как набежавшие подростки наперебой загалдели о своем желании пилотировать. С их точки зрения Мордехай налетался в августе незаслуженно, поэтому тут же получил пинок, свалился в снег и печально скривился, привычно обидевшись на грубых и агрессивных гоев. Не желая разжигать дальнейший конфликт, Петр Андреевич заявил о том, что сегодня он сам управляет аппаратом, посему молодежь, довольствуясь малым, дружно покатила агрегат наверх.

— Александр Федорович! Машина слушается нормально. Пробуем греть ракету?

— А без нее не хотите попробовать еще раз-другой?

— Нет уж. Зимний день короток. Пробуем помалу, не на полном давлении.

Отставной моряк пожал плечами на тему «хозяин — барин», спустил пар из лебедки и потащился к нагревателю для летающего котла. Мужики оттянули лебедку в сторону, чтобы реактивный самолет не ударился в нее.

Несколько литров воды закипели быстро. Петр снова скинул тулуп, с опаской влез на насест над раскаленным цилиндром. Можайский вытащил горелку из-под сигары, отступил на безопасные пять шагов вбок и веревкой выдернул чеку из лючка.

Петя ощутил резкий толчок. Аппарат дернулся вперед, спрыгнул с края помоста и покатился на лыжах вниз по снегу, забирая в сторону и, заваливаясь направо. Никакого средства рулить на пробежке у Самохвалова не было, и он просто сполз назад, приложившись шпанам к горячему металлу и получив в поясницу ощутимый удар хвостовым крюком.

Огорченно осмотрев испорченные брюки и остудив снегом ожог, Самохвалов заявил компаньону:

— Давайте полное давление, адмирал. Жечь ноги и отбивать спину ради таких жабьих подскоков — глупо.

Пока моряк вновь заправлял и нагревал котел, его напарник снял буксирный трос с лебедки, привязал его к арматуре хвоста, выложил несколько петель на снегу, а другой конец торжественно вручил сельской ребятне, наказав:

— Когда по снегу покачусь, мягко затормозите меня. Но не раньше — хвост оторвете. Александр Федорович, — он повернулся к контр-адмиралу, — что-то плохо я разогнался. Как думаете, тяги хватит?

— Должно хватить. Вы пробовали на слабом паре.

Тем временем стрелка манометра на баллоне уверенно поворачивалась, следуя к отметке «сорок». Кстати, в каких единицах мы меряем давление, вдруг подумал Самохвалов, в килограммах на кубический сантиметр или в фунтах на квадратный фут? Или даже в золотниках на квадратный локоть. На приборе не написано. Все, пора завязывать с допотопными мерами и переходить на французский стандарт. Не дай Бог, угроблюсь от того, что перепутаю метры с ярдами и саженьями, а литры — с ведрами и галлонами.

— Начинайте, Петр Андреич, сейчас аварийный клапан откроется, пар уйдет. — Можайский помог коллеге забраться в люльку, хлопнул по плечу. — С Богом!

На этот раз рывок от раскрытия сопла превратился в настоящий удар. Буквально в следующую секунду прекратился стук лыж о лед, в лицо резко стегнул ветер, горизонт упал вниз. Судорожно дернув ручку управления, Самохвалов выровнял машину, не давая слишком задрать нос, потом столь же резко перевел руль высоты в противоположную сторону, не пуская ракетоплан в пикирование после выработки пара. Аппарат покатился по снегу, волоча за собой бесполезную веревку — юные дарования выпустили конец, пока самолет был еще в воздухе. С трудом удержав его от переворота за счет перемещений тела в люльке, Петр дождался остановки, вылез и опустился прямо на снег возле остывающего котла, привалившись к стойке шасси.

С горы неслись орущие и подпрыгивающие болельщики, причем пожилой Можайский скакал, не уступая детворе. Глядя на них, первый в истории пилот настоящего самолета не чувствовал ничего, кроме странного разочарования.

Ну да, я совершил первый в мире полет на аэроплане, размышлял Самохвалов. Можно сказать, воплотил вековую мечту человечества. И что? Увидел мелькание горизонта, пока в конвульсиях боролся с тангажем. Это — фиглярство, а не авиация. Только спокойное, управляемое движение в воздухе продолжительностью в несколько минут даст мне ожидаемое ощущение победы.

Потом мысли новатора перешли в более конструктивное русло. Как минимум, до публичного показа нужно изменить центровку и вектор тяги и как-то справиться с управлением в горизонтальной плоскости, хотя бы при пробежке.

Тут на Самохвалова налетел вихрь из человеческих тел и эмоций. Его обваляли в снегу, подбросили в воздух и только тогда поставили на ноги. Обычно сдержанный Можайский просто фонтанировал:

— Петя! Голубчик! Спасибо тебе, дорогой ты мой! Я — знал, я верил. Просто невероятно! Семь аршин вверх! Минимум шесть! Ты ушел в небо в сажени от края настила! Слава тебе, Господи! Жизнь не зря прожита! — это был последний раз, когда старый контр-адмирал назвал компаньона Петей. Отныне, даже внутри себя он именовал его уважительно по имени-отчеству.

— Полноте, Александр Федорович! Отпустите, снова мои ребра будут в трещинах.

Пока селяне волокли аппарат наверх, Петр рассказывал о своих соображениях.

— Во-первых, летать будем с ровной поверхности, а не с холма. Станет очевидной горизонтальная дальность, да и я избавлюсь от лыжных катаний к подножию. Во-вторых, к показательным полетам надо сместить котел назад и наклонить, поменяв направление тяги. В-третьих, после показательного взлета и закрепления приоритета к этому аппарату более не возвращаемся, доводим до ума биплан. Да, чуть не забыл. Сегодня же надо отправить каблограмму Джевецкому, пусть как представитель Русского технического общества на

демонстрации поприсутствует. И корреспондента прихватит из какой-нибудь столичной газеты.

Через неделю на Планерной горе началось столпотворение, которого компаньоны не желали и не ожидали. Всему виной оказался логойский граф Тышкевич. Желая привлечь внимание к своему совету, он на правах хозяина территории зазвал губернское начальство. С самого утра к Силичам потянулись богатые санные упряжки: губернатор с супругой, пресса, выводок военных, полицмейстер, пара купеческих семей и множество других лиц, о социальном положении которых авиаторам было недосуг осведомиться. Благо, что генерал-губернатора из Вильни не выписали. Мендель сотоварищи и местные мужики, много сделавшие для строительства полигона и испытаний аппаратов, сиротливо жались в сторонке, дабы своим присутствием не создать дискомфорт чистой публике.

Стефан Карлович, придя на помощь и без того занятым изобретателям, выступил перед собравшимися, коих и без пролетариата набралось не менее сотни. Для обстановки массового пикника не хватало только духового оркестра и палаток со съестным. В качестве компенсации сих упущений мужчины украдкой прикладывались к фляжкам и чувствовали себя отлично.

— Ваша светлость! Дамы и господа! От имени Воздухоплавательного отдела Русского технического общества имею честь приветствовать вас на показательных испытаниях летательных аппаратов тяжелее воздуха конструкции контр-адмирала Можайского Александра Федоровича, а также изобретателя и нилота Самохвалова Петра Андреевича. С гордостью за Россию заявляю, что здесь, на земле Минской губернии, проходят первые в мире исторические полеты аэроплана, способного совершить взлет за счет тяги собственного двигателя.

Пресса чиркала в блокнотиках, фотограф снял крупным планом верхушку горы, где на стартовом столе покоился «Самолет-2» и валил дым из топки паровой лебедки. Народ недоуменно гудел. Русский люд был издавна приучен, что новое и прогрессивное шло только с Запада, преодолевая сопротивление нашего косного и консервативного общества. И тут — впервые в мире? Нонсенс. Не менее половины собравшихся ожидали увидеть очередной конфуз доморощенных ньютонов и вдоволь насмеяться.

Поднявшийся ветер с северо-запада заставил публику ежиться и плотнее зарываться в меховые воротники. Компаньонам он был на руку.

— Что, Петр Андреич, сможете поймать ветер, как в Коктебеле?

— Опыта маловато, адмирал, но надежда есть. Аэродинамика у нас лучше, чем у «Орла». И в пробном вылете аппарат показал себя молодцом.

— Это верно. Моделька Арендта хуже в трубе держалась.

— Я тут табличку набросал. Прикидывал, сколько планер может в безветрии вперед пролететь, теряя высоту. Так вот, «Самолет-1» без груза на сажень высоты преодолевает не менее четырех в длину и может спускаться вдоль склона нашего холма. С грузом в виде реактивного мотора — до трех, посему я и решил убрать старт с горы. «Самолет-2» примерно шестерку показывает. Только, стыдно признаться, я руль на киле недооценил. Понимаете, когда я третьего дня пытался вираж заложить, планер начал скользить на крыло. Повороты большого радиуса, наверно, тоже лучше этим рулем, и на земле маневрировать. Снизу, поди, кажется, что я змейкой летаю, а все по-другому: как машина влево рыскнет, я туда кладу крен, как на велосипеде. Хорошо, что пока не нужно никуда особо целиться, просто в воздухе держусь.

— Да уж, руль направления дома приделаем. А как управлять им, думали? Отдельной ручкой или как-то с главной рукояткой соединить?

— Ноги ж пока свободные. А потом решим, когда время будет. Давление поспекает. Я начинаю.

— С Богом, Петр Андреич!

Эффект присутствия прессы и множества сановных особ ни к чему хорошему не ведет. Но сегодня он забуксовал. Встречный ветер, направляемый вверх склоном горы, подхватил аппарат и поднял на высоту, на которую силой одной лишь лебедки планеры ни разу не взлетали. От высоты захватило дух. Люди внизу превратились в насекомых, Логойский тракт — в ниточку, а границы полей походили на рисунок в топографической карте. Даже в Крыму в такую высь не забирались. Самое удивительное, сегодня Самохвалову совсем не было страшно, только кристально чистый, ничем не замутненный восторг, и даже колючие воздушные струи не могли его выморозить.

Конструкция носовой части — стальной каркас под установку двигателя — давала хоть какую-то иллюзию безопасности. Петр не висел животом над бездной, как на «Орле», и не поджимал бедра, опасаясь ожога о котел паролета. Пусть земля, плывущая между сапогами, отстояла на многие десятки саженей, высота не пугала: наоборот, она давала уверенность, что при потере скорости он всегда сможет добрать ее в пологом пике и выправить траекторию. Самое главное, при подъеме на высоту аппарат не швыряло, как крымский планер, — жесткая бипланная коробка оказалась гораздо устойчивее.

Оглянувшись, Самохвалов увидел, что удалился от точки старта более чем на полверсты. Развернись он ранее, смог бы поставить рекорд — приземлиться в точке старта. Не беда. Он выполнил плавный разворот и снизился у подножия.

Овации не стихали добрых полчаса. Разве что дамы в воздух чепчики не бросали — для чепчиков холодно в феврале. Петю тискали, лапали, похлопывали по плечам. Фотографы, не жалея пластинок и магния, снимали его с князем, с группой военных, на фоне планера. Подтянувшийся к торжествам Можайский оказался вниманием обделен, что его обидело изрядно.

Второй полет особого взрыва эмоций не вызвал. Ракетоплан, испустив облако пара, лихо скакнул в воздух и шлепнулся на лыжи сажень через сорок. Абсолютный прорыв в авиации оказался не столь зрелищным, как эффектное парение глайдера, хотя «Самолет-2» лишь улучшил прошлые планерные достижения. Реактивной машиной больше заинтересовались военные, задавая кучу вопросов и комментируя увиденное с выражением маститых знатоков аэропланного дела. Они же упростили повторить подлет.

Самохвалов отправил адмирала в помощь Джевецкому развлекать журналистов, сам заправил бак водой и подсунул топку под котел. Прикинув, что давления ждаты не менее четверти часа, сам подошел к одной из кучек гостей, занимая их болтовней о будущем авиации и воздухоплавания.

— Что ж мешает вам, пан авиатор, на этом снаряде подняться бардзо высоко, как на первом? — вопрошал дородный господин польско-купеческой наружности.

— Для старта планера я применил силу лебедки, встречный ветер и высоту холма. Главное значение второго снаряда в том, что он взлетел на своем двигателе.

— Он всегда будет лётать на чтердесци саженей? То ест мало.

— Вы видели опытный аппарат, на нем опробуется сам способ активного полета прибора тяжелее воздуха. Высоко и долго будет летать первый из увиденных вами

самолетов, когда я поставлю на него бензиновый двигатель. Хотя можно увеличить дальность и у ракетоплана — увеличить объем котла, поднять температуру и давление, — Самохвалов повернулся, указывая рукой на разогревающийся бак, и, верно, сглазил. Или эффект присутствия выстрелил с запозданием.

Неприятное чувство deja-vю, как на ипподроме у Сквородникова. Баллон бабахнул словно бомба, перепугав дам и лошадей. Самолет подбросило вверх метра на три, заполнив пространство вокруг густым туманом. Петя бросился к своему детищу, за ним грузно топал по снегу старый контр-адмирал.

Паровой котел разорвало по нижнему шву, сорвало с крепления, планер также получил повреждения, к счастью — не фатальные.

— Не расстраиваетесь, Петр Андреич, новое дело всегда трудное, — прогудел князь-губернатор. — Слава Богу, главный прибор ваш цел. На неделе категорически приглашаю отобедать у меня в Минске — отказа не приемлю-с.

Расстроенный Самохвалов машинально поблагодарил, а не менее удрученному Можайскому заявил:

— Зато мы первые в мире испытали устройство вертикального взлета аэроплана.

Глава 7

25 февраля — 20 апреля 1890 года.

Минская губерния

— Что вас гложет, мой друг? Демонстрации прошли, считай, успешно. Вон, вся пресса заливается, не только «Минские губернские ведомости», но и столичные писаки оживились. Мендель с Кацем ремонт планера закончили, только без парового котла, — контр-адмирал почел за лучшее не напоминать про собственную грусть — в газетах вся слава досталась его партнеру, даже в названии аппарата буквы «само» слагались не из фамилий обоих компаньонов, а только Самохвалова.

Тот, растянувшись на широком диване в номере минской гостиницы «Варшава», медленно накачивался водкой.

— Есть у меня, Александр Федорыч, чуйка, с французских афер ни разу не подводившая. Гладкий период кончается.

— Что же глаголет чуйка сия?

— Дело не только в чуйке, но и простой логике. Во-первых, за время нашего знакомства нет ожидаемого мной всплеска гениальности в двигателях внутреннего сгорания. Я заказал по одному мотору Отто и Бенца, но точно знаю, что пока они негодны. Как ни прискорбно, нам с вами придется ставить эксперименты с двигателями, здесь тоже нужны стенды, приборы и, конечно, время. Полагаю, из всех конструкций надобно отобрать лучшее — четырехтактный цикл Отто, электрическое зажигание Бенца, испарительный карбюратор Брайтона. До сего дня бензиновые движки по удельной мощности на пуд веса уступают паровой лебедке вашего проекта.

Польщенный моряк не замедлил предложить:

— Что нам мешает прямо сейчас изготовить пропеллер и поставить мотор лебедки на «Самолет-2»?

— Завтра же приступим. Есть и второй неприятный пункт. Мне категорически не нравится преувеличенный интерес губернатора и военных к «Самолету-1».

Не разделяя в целом презрение сугубо партикулярного Петра Андреевича к военно-интеллектуальным поползновениям, Можайский также безо всякого восторга вспоминал артиллеристов, с коими их навязчиво знакомил губернатор во время торжественного приема в честь пионеров авиации.

Князь Николай Николаевич Трубецкой, генерал-лейтенант и всевластный господин Минской губернии, изволил показывать себя покровителем прогресса и искусств. Он вошел в историю распоряжением построить городской театр в Александровском сквере Минска, ничем другим особым себя не проявил, но жаждал. На западе от его владений развивалась Польша, номинально входящая в состав Империи, но гораздо более европейская, на востоке поднимало голову купечество, начинался золотой век русской культуры. Здесь же на границе европейского и азиатского образа жизни перемены шли туго. Губернский город и по архитектуре, и по населению оставался безобразным отсталым еврейским местечком, служба в котором для светлого князя была сродни ссылке или опале. В столицы его не переводили, а радикально изменить Минск, сделав его достойным наследника древнего рода, восходящего к Гедимину, ему решительно не хватало талантов. Послужной список князя, сделавшего карьеру преимущественно в коридорах Военного министерства, и

канцелярский жизненный опыт никак не могли помочь в разрешении вопросов руководства крупным западным районом страны, в котором сплелось множество всяческих проблем. Что никак не уменьшило амбиций Гедиминовича.

— Знакомьтесь, господа! Наш российский изобретатель и самородок господин Самохвалов Петр Андреевич, с ним помощник его — контр-адмирал Можайский Александр Федорович, — и в этой торжественно-показушной обстановке губернатор умудрился подчеркнуть, что моряк, идейный конкурент доблестных пехотинцев, даже имея начальное адмиральское звание находится на побегушках у безродного субъекта без титула и чина.

Петр натянуто изобразил радость, его партнер привычно проглотил пилюлю высокопосаженного вояки от инфантерии, пехотные и артиллерийские офицеры все правильно поняли и снисходительно заулыбались. Большинство из них успели принять участие в турецкой войне, основные сражения которой велись на суше, посему считали себя солью земли и главной надеждой Отечества. Гвардейский поручик и наследник княжеского герба Александр Николаевич Трубецкой, гостивший у батюшки в отпуске, сиял среди минских военных, как золотой рубль в кучке потертых гривенников.

К вечеру военные оттеснили от авиаторов дам, пытавшихся привлечь внимание разведенного Самохвалова к провинциальным прелестям их дочек на выданье, и решительно завели разговор о военном применении самолета. Петр отбивался, как мог, объяснял про экспериментальную сущность конструкции, обещал поставить на службу Родине винтовой аппарат, как только к нему поспеет достаточно мощный мотор. Но военным, звереющим от скуки в провинциальном гарнизоне и вцепившимся в новую игрушку, доводы разума не пришлись по душе. Наибольший энтузиазм проявил артиллерийский капитан Дмитрий Борисович Талызин. Он был очевидцем полета и взрыва «Самолета-1» у Планерной горы. Развернув карандашный набросок, пушкарь стал убеждать компаньонов:

— Энергия пара, накопленного в котле, недостаточна для полета вдаль. Я предлагаю пороховую ракету!

Как и большинство людей того времени, мнивших себя изобретателями, капитан не знал о трудах и идеях предшественников. Посему вечный двигатель и велосипед изобретали десятки раз, с удивлением впоследствии обнаруживая, что гениальная задумка не блещет свежестью. Самохвалов не стал спорить с подпившим канониром, надеясь, что его инициатива, как обычно, уйдет холостым выстрелом в пустую болтовню, максимум — в газетную публикацию об очередном «изобретении». Собственные ранние мысли об установке порохового разгонного устройства на «Самолет-1» уже давно были сданы в архив после взрывов куда более безопасных с виду паровых ракет. Но Талызин проявил настырность и начал увлеченно рассказывать о своем прожекте.

— На складе есть списанное орудие калибра шесть дюймов. Отрезаем сажень от дульного среза, заклепываем один конец, наполняем порохом, закрепляем на вашем замечательном аппарате и — вуаля! Порох горит веселее и придаст ускорение, пар ему не ровня.

Интересно, каково военное значение сего прожекта, вздохнул про себя Самохвалов. Разве что свалиться в окопы на голову вражеской пехоте и перепугать ее до падучей болезни. Вслух осмелился лишь возразить, что, по его некомпетентному мнению, наибольшую прочность пушечный ствол имеет в казеннике. Здесь предлагается воспламенить порох в сильно изношенной дульной части.

Офицеры мигом поддержали сторону военного рационализатора, добавив лишь

укрепление трубы специальными обручами по методу А. В. Гадолина — авторитета в артиллерии, о котором авиаторы не слышали ранее. Наконец, свое веское слово вставил губернатор, попросив Самохвалова позволить эксперимент на воздушном аппарате. Его просьба прозвучала как прямой приказ, не терпящий и тени возражения. Петр скрепя сердце согласился: «Самолет-1» уже отыграл свою роль. Единственно, он заявил, что допускает пушкарские опыты лишь на одном условии — на страх и риск самих экспериментаторов, ибо не может рассчитать надежность и безопасность пороховой установки. Офицеры дали слово, князь поддержат их, с чего дело и завертелось.

Вспомнив эту беседу, Самохвалов бросил водку и заметался по гостиничному номеру, привычно махая руками — ему бы орнитоптеры строить.

— Александр Федорыч, а может — ну их в баню? Оставим им «Самолет-1», пусть тешатся, а все остальное перевезем в Красное Село?

— Негоже так поступать. Они на нашу помощь рассчитывают.

Положа руку на сердце, Можайский мог бы сказать о другом. Он получил согласие компаньона установить паровой мотор собственной конструкции на «Самолет-2» и стать действительным, а не номинальным соавтором первого винтового аэроплана. Ежели его разобрать, перевезти под Питер, где смертью храбрых погиб адмиральский первенец, снова собрать — пройдет полмесяца. Там и весенняя распутица. Нет уж, если летать — так здесь. А заодно посмотреть, что офицеры нахимичат в своей песочнице. Безумный энтузиазм изобретателей от перспективы увидеть свой аппарат в действии часто побеждал здравый смысл.

После того дня у Планерной горы трудились две бригады. Артиллеристы, оттеснив от объекта не только представителей неблагонадежной нации, но и питерского мастера, колдовали с огрызком пушки.

Компаньоны с интернациональной бригадой разобрали лебедку и начали понемногу монтировать паровую установку на «Самолет-2», оснастив его заодно и рулем направления, собранным из подручных материалов. Пока аэроплан принимал задуманный вид, украсившись большим двухлопастным пропеллером из буковой доски, Трубецкой-младший с Талызиным заявили о готовности к полетам. Петр, понимая, как мало от него зависит ход испытаний, попросил соблюдать осторожность — на Господи помилуй не начинать с полного заряда.

Снова суббота, Планерная гора, снова губернатор, логойский граф и прочая знатная публика, а также вездесущий репортер «Губернских ведомостей». Недоделанный «Самолет-2» скромно дремал под брезентом в сторонке, а Самохвалов с Можайским перемешались с гостями, всем видом показывая — сегодня не их день.

Желая достигнуть максимальной дальности, пушкари затащили ракетоплан на вершину, где раньше взлетали планеры. Пока седой генерал-майор Рубец, командир расквартированной в Минске 30-й артиллерийской бригады, выполнял роль конферансье, которую в прошлый раз отработал Джевецкий, офицеры заполнили дуло дымным порохом и вставили длинный фитиль. Талызин лег в люльку на пилотское место. Трубецкой подпалил фитиль и отбежал на безопасное расстояние, дабы с него наслаждаться историческим взлетом. Но приключился анекдот. Громко хлопнуло, обрезок ствола вылетел из-под живота пилота, перемахнул через помост и закувыркался вниз по склону горки, кашляя огнем и дымными волнами.

Самохвалов почувствовал, что его дергают за рукав, а в морозном воздухе отчетливо

повеяло луково-чесночным амбре. К чистой публике пробрался Мордка, за ним робко мялся его отец. Заливающиеся от смеха зрители даже не обратили внимания на столь явное пренебрежение правилами приличия.

— Пан Петр Андреевич! Мне дозвоьте. Я же опытнее военных.

— Никак невозможно. Мендель, бери сына и уходи. Я много раз повторял им — опыт опасен. Не хочу, чтобы парень пострадал.

Изгой русского общества отошли и стали неподалеку, выражая вековечную еврейскую обиду на несправедливость. Меж тем вояки отловили непослушную трубу у подножья холма, остудили о снег и поволокли наверх. В силу наиболее знатного происхождения и причастности к сонму гвардейцев инициативу перехватил Трубецкой-сын. Он подгонял своих товарищей, давал кучу ценных указаний, сбегал за мешком пороха, лично засыпал его в трубу и даже притоптал банником. Артиллеристы ему что-то говорили, он отмахивался, явно желая перебить славу барона Мюнхгаузена, летавшего на пушечном ядре. Затем участники подготовки разошлись в стороны, Талызин запалил фитиль, тоже убравшись вбок, подальше от порохового огня. Фитиль догорел...

Не добившись приема у прокурора, Можайский с присяжным поверенным просочились к товарищу прокурора. Надворный советник Иван Петрович Софиано с кислым видом выслушал их заявление и отмахнулся, что полиция еще не передала судебному следователю материалы дознания в отношении Самохвалова, стало быть, прокуратура к делу отношения покамест не имеет.

Исаак Самуилович Гольденвейзер, раздражавший прокурорского чиновника происхождением, видом, запахом, вероисповеданием и даже фактом своего существования, зачитал статью 10 Устава уголовного судопроизводства Российской империи:

— Каждый судья и каждый прокурор, который в пределах своего участка или округа удостоверится в незаконном задержании кого-либо под стражей, обязан немедленно освободить неправильно лишенного свободы, — поверенный горестно вздохнул, скорбя по ущемленным правам подзащитного. — Ми таки видим, что полиция обвиняет пана Самохвалова в деянии, указанном в статье 1929 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Сия статья есть о лишении жизни без намерения на оное, посему высшей мерой о пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия может быть требование залога, глаголет статья 418 Устава уголовного судопроизводства.

Можайский слушал поверенного, будто тот гнусавил по-китайски. Но товарищ прокурора, несмотря на всю неприязнь к адвокату, отлично его понял.

— Одного не могу взять в толк, господа. Согласно Уставу уголовного судопроизводства, защитник допускается к клиенту только во время слушания дела в окружном суде. Самохвалов — в камере полицейского участка. Как же он исхитрился нанять вас, Гольденвейзер?

— О, простите, господин товарищ прокурора, я неверно выразился. Моими клиентами являются оба — господин Можайский и господин Самохвалов. Как компаньоны они могут быть призваны к возмещению ущерба от взрыва аппарата. Поэтому от имени гражданского ответчика я вправе делать заявления. И вот какую жалобу таки имею заявить. На основании статьи 485 Устава уголовного судопроизводства полицейские чины за упущения и беспорядки по следственной части привлекаются к ответственности прокурором, под наблюдением коего следствие производилось. Я ходатайствую о возбуждении уголовного

дела в отношении полицмейстера — коллежского советника Матвея Ивановича Закалинского за превышение полномочий и незаконное заключение Самохвалова под стражу.

— Вы с ума сошли, поверенный?! Хотите места в коллегии лишиться! Прошу прощения, ваше превосходительство, — контр-адмиралу полагалась толика вежливости, совершенно излишняя в отношении адвоката неправильной нации. — Как будто не знаете, что распоряжение об аресте вашего самоучки дал сам князь. Горе отца можно понять. У вас совсем нет сердца?

— Если вы считаете, что мой клиент таки подлежит суду — ваше право, присяжные разберутся. Но прошу судить его по закону. Сиречь настаиваю на немедленном освобождении.

— Господин Можайский, что вы скажете? Вы уедете в Санкт-Петербург, а мне и дальше жить с князем Трубецким и полицмейстером Закалинским.

— Не вечно, господин надворный советник. И когда встанет вопрос о переводе на следующую должность, на что посмотрят в Петербурге — на ваши добрые отношения с Трубецким или на жалобу, что вы не приняли действительных мер по пресечению беззакония? Возможно, на повышение пойдет кто-то из ваших коллег с менее запятанным послужным списком.

В прокурорском кабинете воцарилась тишина. Чиновник лихорадочно искал выход из цугцванга, посетители терпеливо ожидали его все милостивейшего соизволения. Все трое знали о причудливых путях карьерного роста в Империи, неизбежном наличии друзей-врагов у каждого, которые не преминут воспользоваться жалобой как оружием против Софиано. Наконец товарищ прокурора пробарабанил пальцами по столу и предложил компромисс:

— Я меняю меру пресечения Самохвалову, вы отказываетесь от своего заявления в отношении Закалинского. Но вам, сударь, я настоятельно рекомендую обратиться к другому поверенному. С таким защитником вы непременно проиграете дело.

— Согласен, благодарю за совет, — Можайский взял заявление Гольденвейзера и разорвал его пополам.

— Обождите! — рыцарь юстиции выхватил из рук моряка половинки бумаги и забрал их себе. — Мне нужно документальное оправдание перед князем, почему я поступил именно так.

— Честь имею, — попрощался контр-адмирал, покидая кабинет вместе с адвокатом. Уже в коридоре спросил его: — Исаак Самуилович, у вас действительно могут быть неприятности из-за нашего демарша?

— Ой, вей, в Российской империи неприятности у еврея могут быть по любому поводу. Таки не надо переживать, дорогой мой, аппетит испортится. Что вы хотите от страны, где прокурор озабочен документом, дабы оправдать законное действие, но охотно закроет глаза на произвол. По поводу присяжного поверенного Иван Петрович совершенно прав. Я стал бы вас убеждать, что лучше меня вам никого не найти, но на это мне верить не надо. Двоюродный брат моей жены Хаим Мендель просил помочь вам, а не вредить. Ми виступаем в процессах, где евреи судятся с евреями, поверьте, в Минске у меня очень много работы. Нас трое таких — еще Давид Маркович Мейчик и Яков Абрамович Гельман, ми все процессы с евреями соображаем на троих. В вашем казусе, милейший, лучше пригласить русского поверенного из Питера или Москвы. До свидания, уважаемый Александр Федорович. Мазл тов.

Можайский вместе с приставом отправился в Монастырский переулок освободить компаньона. Тот вынырнул из застенка грязный, всклокоченный, с синяком под глазом. Желая угодить губернатору, полицмейстер расстарался усадить авиатора в камеру к бродягам и уголовникам. Те, исполнив сперва ритуал прописки новичка в камере, выразившийся в побоях и грабеже, узнали про личность Самохвалова и прониклись уважением, признав его в авторитете. Перед выпуском вернули практически все награбленное.

Полиция не унизила себя такой щедростью. Список изъятых при задержании вещей, включая золотые часы и золотой же портсигар, испарился вместе с вещами.

— Напишем жалобу? — контр-адмирал помнил об эффективности сего метода борьбы.

— Откинувшись с кичи запахло шухерить, — отрезал Самохвалов с веселой злостью, специфически обогативший лексикон за двое суток пребывания за решеткой.

Судебный следователь Николай Павлович Войнаховский, так же как и товарищ прокурора, хорошо осведомленный о подоплеке происшедшего, сперва провозгласил сумму залога в один миллион рублей. Можайский чуть не подпрыгнул, услышав астрономическую цифру, но авиатор, подкованный в тюремной академии, глазом не моргнул.

— Господин надворный советник, существует обычная процедура установления и внесения залога. Но раз закон о задержании нарушен, я могу просто отказаться от любого залога на сумму свыше десяти рублей. Да и внесение суммы время займет, пока брат из Петербурга деньги пришлет, — ваша доблестная полиция обчистила меня до нитки. Стало быть, придется другую меру применить.

Следователь был предупрежден начальством о неудобном обвиняемом, но не предполагал, насколько тот строптив. Чиновник удалил контр- адмирала из комнаты и провозгласил:

— О мере пресечения будем говорить после допроса. Вы признаете себя виновным в непредумышленном убийстве поручика гвардии Александра Николаевича Трубецкого?

— Простите, любезный Николай Павлович, я не буду отвечать на ваш вопрос. Любая из назначенных вами мер пресечения не помешает мне встретиться с адвокатом. Тогда я и решу, какие дать показания.

— Это черт знает что! — надворный советник швырнул полицейскую папку на стол с такой силой, что порывом воздуха из подставки вынесло перо, которое заметно изгвадало зеленое сукно чернилами. — Понаехали, понимаешь, знатоки законов из столицы и корчат невесть кого. Да знаешь ли ты, что губернатор за своего сына из тебя сделает? Тебе 1929 статья грозит, каторга до двенадцати лет. Тем более — до нее ты не доживешь. Тебя как не дворянина заклеят подобно скоту и запорют плетьюми.

— Пусть суд решает, — парировал Самохвалов. Пребывание за решеткой произвело над ним странную метаморфозу. Куда-то делись его взвинченность и суетливость. Он спокойно глядел в глаза следователю, своим видом показывая: ничего мне не сделаешь, сатрап. — Поскольку разговора у нас не получилось, а в тюрьму вы меня не отправите, разрешите откланяться. Я сниму квартиру и сообщу в полиции о месте пребывания. На будущее — попрошу мне не тыкать, Николай Павлович.

Войнаховский чертыхнулся, протянул бланк обязательства о явке к следствию и неотлучке из города, демонстрируя суровость и безжалостность судебно-прокурорской машины Империи. Петр подмахнул, направился к выходу, открыл дверь и, убедившись в наличии изрядного

числа людей в коридоре, не удержался от мальчишеской выходки, которой научился в камере:

— А взятку я вам не дам, господин следователь! И не просите, не дам! — Затем, увидев обомлевшие лица посетителей и прокурорских клерков, чуть тише добавил: — Целый миллион просил, стервец. Ну, где же у людей совесть...

Можайский буквально волоком вытащил компаньона на улицу. Тот хохотал — хуже отношения у него с надворным советником не будут, куда уж хуже, зато крючоктвор не станет делать пакостей сверх Устава судопроизводства — знает, чем чревато.

— Спасибо, Александр Федорович, что из тюрьмы меня вытащили. Хотя — презабавная штука, незаменимый университет жизни. Но долго в нем учиться негоже, мне хватило.

— Что вы, Петр Андреевич. Не стоит благодарить и не надо в тюрьме сидеть.

— Брата известили?

— Тотчас. Он уже ответить успел, что сюда едет.

— Это он зря, ну да ладно. Сейчас найдем мне жилье, ибо в Минске я, похоже, на полгода застрял. Казенная койка мне не приглянулась.

Про отсутствие денег Самохвалов солгал. Не все же носить с собой. Хватило на очень приличную квартиру на Захарьевской улице. Петр оценил вид из окна, близость Александровского сквера для прогулок и прокуратуры для хождения на допросы. Контр-адмиралу Минск не слишком нравился, и даже не из-за проблем с правосудием: кроме относительно приличной Соборной площади он сплошь состоял из унылых рядов кособоких двухэтажных домов на главных улицах, кое-как мощеных булыжником, плавно переходящих в бревенчатые пригороды, нескольких церквей, костелов и синагог, единственного театра, ратуши и тюрьмы. Вот и весь губернский город, иные уездные в центральной России краше будут. Тем более, мартовская погода не к лицу любому людскому поселению.

По контрасту с полицмейстерскими держимордами участковый пристав, пусть и самого звероподобного вида, оказался вполне человеческим человеком. Околоточный надзиратель Лука Матвеевич Калинин, которому и был вменен в обязанность полицейский надзор за питерским злодеем, вообще проявил себя душевно. Низовым полицейским чинам, до отставки обреченным оставаться в этом самом низу, были глубоко безразличны княжеские гневные указания. О самодурстве и административной бездарности губернатора они знали не из вторых рук. Зато авиаторы, прославившие Минскую губернию на весь мир, казались провинциальным полицейским чуть ли не героями.

— Петр Андрэіч, я гэта... Ну, я даглядзец павінен, як тут у вас усе робіцца, — околоточный конфузливо топтался в прихожей в компании городского.

— Не смущайтесь, дорогой Лука Матвеевич! Проходите, не чинитесь. Чаю али водочки?

— Так... Чаю. Але ж водачкі таксама. А гэта што за аппараты?

— Это двигатели внутреннего сгорания инженеров Отто и Бенца. Только что получил из Германии, — Самохвалов в амплу экскурсовода проводил Калинкина в комнату, где на деревянных ящиках стояли моторы замысловатой формы, пачкая окружение растекавшимся маслом. — При любом исходе суда мне придется провести до шести месяцев в Минске. Не могу остановить работы, Отечеству потребные.

— А яны, гэта... не выбухнут, як ваш ероплан?

— Не-ет, здесь вообще отсутствуют взрывчатые вещества. Да и порох в самолет не я засовывал, а сын губернатора, который сам на нем и взорвался. Только как это суду доказать.

— Цяжка.

— Понимаю. Но времени терять не могу, буду моторы испытывать и аэропланый из них делать.

— У кватэры? — удивился полицейский. — Не трэба, суседі скардзіцца пачнут.

Соседи начнут обижаться, если начну опыты в квартире, понял Самохвалов, который за время пребывания в Белой Руси начал понимать этот легкий язык, хотя большинство его здешних знакомых говорили по-русски, по-польски или на идиш.

— Может, место какое посоветуете, которое смогу посещать, не нарушая правила полицейского надзора.

— А як жа. У кума майстэрня за ракой. Калі зрабіць штосці патрэбна — дапаможет.

Так дело просто и решилось. В ближайшем заречье — Троицком предместье — кум Калинкина выделил просторный сарай около кузнечной мастерской. В оплату аренды явно вошла сумма благодарности полицейскому, и до поры до времени все были довольны — в семью минчан капали российские денежки, опасный преступник Самохвалов находился под неусыпным оком околоточного, а работа над авиамотором сдвинулась с мертвой точки.

Успокоение брата не разделял Василий Андреевич Самохвалов, который прилетел в Минск при первой возможности, наорал на младшего: «Налетался, окаянный?», оставил денег и убыл в Москву нанимать звезду адвокатуры для защиты непутевого родственника. У каждого свои заботы, пожал плечами Петр и продолжил ковырять двигатели по уши в смазке.

Каждый вечер, сполоснувшись холодной водой, изобретатели возвращались на Захарьевскую, отмывались дочиста и ломали голову над созданием идеального пламенного сердца самолета. Как и предполагал Самохвалов, ни одна из заграничных конструкций в исходном виде не годилась, требовалась коренная переделка.

Наибольший энтузиазм вызвала схема Бенца — простой и эффективный двухтактный двигатель. Отсутствие громоздкого газораспределительного механизма, большая мощность при том же рабочем объеме говорили о том, что перед компаньонами прообраз будущего авиамотора. Петр переболел двухтактником неделю, день не прикасался к моторам, потом отказался от аппарата Бенца, немало удивив Можайского.

— Времени нет на доводку. Никакой науки о моторах еще не изобрели. Я так полагаю, секрет успеха в каналах, по которым топливная смесь идет в камеру сгорания при движении поршня вниз. Мы полжизни уьем, пока найдем их оптимальное сечение методом тыка. Нет уж, в двигателе Отто деталей больше, зато действие проще: первый клапан открылся — впуск смеси, второй — выпуск выхлопа. Надо лишь добиться, чтобы в цилиндр поступало максимальное количество смеси, что может эффективно сгореть за один такт.

Можайский, у которого отметка «полжизни» промелькнула свыше двадцати лет назад, не смог не согласиться. Следующий пункт, по которому у них также не возникло разногласий, касался числа цилиндров. Контр-адмирал прекрасно помнил, что развитие паровых судовых двигателей с определенного момента также пошло к увеличению числа цилиндров, что обеспечило более плавную их работу. Одноцилиндровые моторы слишком уж вибрировали, что на самолете недопустимо. Но, боясь с ходу переусложнить изделие, ограничились парой цилиндров, окончательно похоронив перспективу двухтактной схемы: компаньоны не представляли, как организовать подачу топлива, когда в картер опускается один поршень, создавая там давление, и одновременно другой идет вверх, производя разрежение. Разве что каждому цилиндру дать отдельный картерный объем и карбюратор, тем убив главное преимущество системы Бенца — простоту.

Примерно через месяц оформилась схема экспериментального двухцилиндрового двигателя. Картер представлял собой масляную ванну, из которой крыльчатка насоса подавала смазку вверх, к газораспределительному механизму. Не имея возможности рассчитать степень сжатия, партнеры придумали головку блока, при которой крышка каждого цилиндра с клапанами и запальной свечой должна перемещаться в гильзе как второй поршень с винтовой регулировкой объема камеры сгорания. Последнее новшество увеличивало массу мотора килограмм на десять и еще более затрудняло установку правильных фаз газораспределения, что не смущало компаньонов: в серийных моделях такого не будет.

Так как убогая мастерская в минском предместье не располагала и в первом приближении необходимым оборудованием, Можайский отправился в Санкт-Петербург заказывать части для двигателя по опробованному пути — на Обуховском или Путиловском заводе. Самохвалов продолжил работу над системой питания, пробуя переделать карбюраторы имеющихся моторов. Он быстро понял, что самое узкое место — испарение бензина для образования топливно-воздушной смеси, напрямую зависящее от площади разлитого в карбюраторе топлива. Забросив работу в мастерской, Петр часами портил бумажные листы, пробуя вычертить мощный испаритель. Можно нагреть бензин, хоть это и опасно. Или сделать испарительную камеру в виде этажерки, на каждой полке которой разлито топливо.

Заканчивался апрель. Подследственный периодически вызывался к следователю, подписывал ничего не значащие бумаги, снова отказывался от показаний. Наибольшее огорчение вызвал осмотр вещественных свидетельств. По поручению Войнаховского полицмейстер приказал доставить в Минск «Самолет-2» и лично проследил за исполнением распоряжения. Длинные крылья аппарата полицейские злорадно срубили топором, обломали пропеллер, а мелкие части паровой машины просто сперли. В таком виде агрегат годился разве что на растопку. Несентиментальный Самохвалов с трудом проглотил тугой комок, затем обернулся к следователю и спросил:

— Скажите, вы с полицмейстером — достаточно обеспеченные люди?

Надворный советник, памятуя о провокации «не дам взятку», подобрался, ожидая очередной мерзкой шутки. Но авиатор и не думал шутить.

— Знаете ли, судари, при осуждении за непредумышленное убийство я сохраняю гражданские права на аэроплан, а право собственности моего компаньона, его превосходительства и столбового дворянина контр-адмирала Можайского никто не подумает оспаривать. Перед нами — обломки уникальной машины, первой не только в России, но и в мире. Ее фото в полете перепечатали все газеты Европы. Можно сделать копию, но оригинал не восстановить. Вы вандалы, господа. Я оцениваю аппарат в миллион рублей. Потрудитесь приобщить мой иск к уголовному делу. Заодно передайте князю, пусть прикинет, почем сможет заложить имение, — Самохвалов не стал любоваться отвисшими челюстями паладинов юстиции и попрощался.

Но, по большому счету, эти угрозы были мало чем подкреплены, пока из Москвы не приехал Федор Никифорович Плевако.

Глава 8

21 апреля – 28 июня 1890 года. Минск

— Вот, день ангела отметил, дела привел в порядок, и сразу к вам.

Энергичный человек с умным высоким лбом, короткой бородачкой и необычайно общительной манерой держаться с первой минуты располагал к себе.

— Премного благодарен, Федор Никифорович. Для меня большая честь — ваше участие в моем бедствии.

— Бросьте. Это для меня честь и признание популярности, раз ко мне обращается звезда нашего воздухоплавания. Но — хватит взаимных комплиментов. Расскажите подробнее, что натворили. До окончания следствия защитнику не дают материалы дела.

Самохвалов вздохнул и вновь вернулся мысленно в несчастливый мартовский день.

Когда рассеялся дым, самым ужасным оказалось, что на верхушке Планерной горы не осталось практически ничего. Трубецкого-младшего, как и аппарат, разорвало на куски. Ноги ниже колена нашлись по разные стороны холма, саженьях в сорока-пятидесяти. Голова скатилась к подножию. Другие лохмотья тела опознать не представилось возможным. От аэроплана сохранились обугленные фрагменты крыла. Еще обнаружили пару кусков от злополучного пушечного ствола.

После нескольких минут паралича от накатившего горя князь словно сорвался с цепи, обратив весь гнев на Самохвалова и совершенно игнорируя Талызина — автора ракеты. Губернатор пытался ударить Петра, грозил смертью, попытался вырвать револьвер у полицеймейстера, потом велел арестовать «залетного питерского негодяя». Грозную статью приискали потом, когда нужно было обосновать задержание.

— Абсурдное дело, как, впрочем, и львиная доля тех, по которым наши суды выносят обвинительные приговоры. Я поговорю с некоторыми свидетелями, уточню, какие показания они дадут в судебном присутствии.

— Вы поможете мне? Ведь я ни в чем не виноват, с самого начала объяснял рискованность затеи, они не слушались. Вина в гибели сына лежит на самом князе и его офицерах с их безумной изобретательской идеей.

— Прикажете арестовать губернатора?

— Нет, но и сам в тюрьму не желаю.

Плевако вздохнул. За годы работы присяжным поверенным он хорошо усвоил, что полицейско-судебный аппарат Империи лишь в очень малой степени выполняет основную задачу — защиту интересов страны и ее подданных с наказанием виновных. Часто карательная машина, захватив жертву своими неумолимыми шестеренками, тащит ее на жернова так называемого правосудия, нимало не заботясь об истинной вине и реальной тяжести содеянного. Был бы состав суда, а состав преступления завсегда найдем — любят повторять судейские чиновники. Суд присяжных — лишь маленькая отдушина в этом беспросветном мире произвола, но ею могут воспользоваться только те, кто может нанять поверенного высокого уровня. Состязательный уголовный процесс — обоюдоострое оружие: со стороны обвинения выступают отнюдь не глупые юристы, на стороне которых судебные следователи и полиция, собирающие доказательства исключительно неблагоприятной для подсудимого направленности.

— В данном случае незаконно практически все — факт вашего задержания,

возбуждение дела по надуманному обвинению. Даже правила подсудности проигнорированы. Логойский повет и волость с деревней Силичи, как я понял, относятся к Борисовскому уезду, там тоже есть окружной суд с присяжными. Но Трубецкой замыслил держать процесс под плотным контролем и распорядился провести его в Минске. По правилам в качестве обвиняемого надо бы привлечь и Талызина — его причастность к взрыву гораздо заметнее, нежели ваша. Но нам сие на руку. В паре с капитаном вас бы отдали военному трибуналу, где нет присяжных и на что-то повлиять крайне трудно. Посему в своих показаниях берегите артиллериста аки девичью честь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Понятно, — пробормотал Самохвалов, которому стратегия защитника вовсе не казалась ясной.

— У нас два пути. Как минимум переqualифицировать на другую, 1937-ю статью.

— Считаете, цифра 1937 для меня благоприятна? На год следующего века похожа. Жизнь на Руси в тридцать седьмом, верно, счастливая и свободная будет.

— Зря ерничаете, Петр Андреевич. Ваша нынешняя статья полагает, что вы сознательно подвергли риску господ военных, чуть ли не специально их под взрыв поставили. По 1937-й за нечаянное убийство вас разве что к церковному покаянию присудят.

— Хорошо бы. А второй путь?

— Чистое оправдание. Зависит от того, как смогу выступить перед присяжными. Оправдательные приговоры иногда опротестовываются, хотя, слава Богу, крайне редко. Надо сказать, с гражданским иском о порче аэроплана вы здорово придумали. Неплохой инструмент давления. Я попробую договориться с прокурором. Вам меняют статью, вы отзываете иск. Кстати, чем вы в Минске занимаетесь, умираете от тоски?

— Помилуйте, Федор Никифорович! Когда же скучать? Денно и ночью пытаюсь мотор к аэроплану сделать. То чертежи рисую, то в мастерской пропадаю.

— Небезынтересно. Будьте любезны меня к вашим моторам проводить, и свой «Кодак» захватите, — Плевако ткнул перстом в фотооборудование. — Глядишь, и в суде пригодится.

Пользуясь солнечной весенней погодой, адвокат и его клиент устроили себе приятный променад, прошли от Захарьевской улицы к Соборной площади, мимо ратуши спустились вниз к мосту и перешли на левый берег Свислочи в предместье, где в невзрачном сарае рождалось будущее российского моторостроения.

По пути Плевако поднял главный и волнительный вопрос — о гонораре.

— Наслышан, что вы порой вообще не берете ни гроша.

— Только с нищих. А посему с зажиточных деру втридорога. Вы ведь миллионер, Петр Андреевич? Стало быть...

От названной суммы Самохвалов чуть не уронил фотоаппарат. По сравнению с ней иные расходы на авиацию — мелочь.

— И даже в случае поражения?

— Проигрыш в суде присяжных — не конец всему, будем бороться дальше. Питерским чиновникам безразличны амбиции местечкового князька. Они и взятку принять смогут, и даже в виде разнообразия справедливость учинить.

На дистанции до Кафедрального собора авиатор смог добиться разности сумм от результатов дела. Спускаясь к реке напротив сараев и лабазов нижнего города, Самохвалов почувствовал еще некоторую слабинку и продолжил торговаться. На дощатом настиле моста продавил москвича до десяти тысяч при обвинительном приговоре. На дальнейшее

снижение минимальной суммы, как и приза в случае победы, Плевако не пошел, предложив порекомендовать отличного, но более дешевого адвоката — хотя бы Александрова, добившегося оправдания террористки Веры Засулич.

— Поверьте на слово, Петр Андреевич, расставаться с деньгами гораздо легче, нежели со свободой на долгие годы. Право, мне бывает безумно жаль страдальцев, вовремя не призвавших хорошего защитника. Их тысячи. Маленькие люди, они падают к земле каплями дождя, но исчезают, как пар, иссушенные жестоким ветром российской юстиции.

Профессиональный красноречивый обожал поэтические метафоры. Он глянул на Самохвалова, ожидая признания своему словоплетству, но увидел совершенно неожиданную реакцию.

— Я — идиот!

— Что с вами, голубчик?

— Как я не мог понять этого раньше! Не нужно никакого испарителя. Достаточно распылить бензин во впускной трубе, и его капли мгновенно превратятся в пар. Плевако — вы гений! И потому я заплачу ваш несусветный гонорар, — от сдержанности, посетившей изобретателя после краткой тюремной отсидки, ни следа не осталось.

Подумав, что клиента после суда надобно показать лекарю-мозгоправу, адвокат ступил в творческий хаос мастерской.

В романах великие сыщики имеют помощников, которым можно перепоручить кучу мелких дел. Но Плевако не был сыщиком, не имел доктора Ватсона на побегушках и потому все делал сам. Удостоверившись, что Самохвалов послал брату письмо с подтверждением начальной суммы вознаграждения, знаменитый присяжный поверенный начал визиты. Первой жертвой его коммуникабельности стал судебный следователь.

Как и все провинциалы, облаченные толикой власти, Войнаховский включал годами проверенную тактику: вы там у себя чего-то значите, здесь я — закон и голова, чем никак не удивил визитера. Ответным огнем артиллерии адвокат прострелил главные уязвимые места на теле губернской Фемиды. Услышав грамотные юридические формулировки о незаконном содержании под стражей, крайне сомнительной уголовно-правовой квалификации содеянного, нарушениях при хранении и уничтожении вещественных доказательств, представлявших огромную историческую и материальную ценность, Николай Павлович захотел спрятаться за письменный прибор. А ведь упомянутые поверенным процессуальные нарушения обнаружены им без знакомства с материалами дела. Что же будет, когда он увидит полицейские писульки, составленные специалистами с уровнем образования чуть выше церковно-приходской школы? Судебный следователь, привыкший «раскалывать» обвиняемых на допросе, раскололся сам, предложив москвичу любое содействие, возможное в суровой белорусской реальности, лишь бы не дать ему повод для жалоб в российскую столицу.

— Федор Никифорович, дорогой, войдите в мое положение. Вы уедете, я останусь. Над мной прокурор, которого губернатор попросил решить дело по всей строгости. А у меня семья, двое деток, выйдя в отставку, я их не прокормлю.

— Вы позволите глянуть одним глазком? — Плевако протянул руку к папке и, не встретив активного сопротивления, углубился в ее изучение. Встречая ляпсусы, запоминал, но не делал выписок, — позднее сможет переписать следственные ляпы после передачи материалов в суд.

— Николай Павлович, предлагаю решить дело миром — изменением обвинения на 1937-ю статью. Мой клиент признает вину, в судебном присутствии обойдемся без исследования доказательств, духовный наставник выпишет осужденному епитимью, на этом — конец. Здесь-то и 1937-я дутая, о вашей квалификации вообще говорить смешно. Не знаю возможностей вашего местного тирана Трубецкого, может, он и запугает местных присяжных, но в столице я дело Самохвалова развалю с огромным скандалом, который неизбежно и вас коснется. Вам сие надобно?

— Понимаю, милейший, и рад бы, да не могу, — следователь для наглядности развел руками. — Прокурор велел мне вести дело по 1929 статье, о чем уже князю доложил.

Плетью обуха не перешибешь, понял адвокат. Если подойти формально и по закону, судебно-прокурорские власти у губернатора в подчинении не состоят. В жизни наоборот получается. Как же далеко благие намерения дворян, положивших Устав уголовного судопроизводства на подпись Александру II, отстояли от губернской реальности.

— Тогда последний вопрос. Я не вижу следов гражданского иска на один миллион рублей за варварское уничтожение аэроплана.

— Никак не вправе его принять-с! Прокуратура не может быть и органом следствия, и ответчиком. Тем паче, приказ о доставке вещественных свидетельств Уставу не противоречит. А что полиция нагородила — увольте, за них мы не в ответе.

— Но вы никак не отразили в деле факт обращения моего клиента с материальным требованием. Химичить изволите, господин Войнаховский?

Не желая выслушивать очередную сопливую сказку о голодных детишках, Плевако сразу предложил выход:

— Клиент подает исковое заявление в письменном виде, вы письменно же ему отказываете.

— Зачем вам это?

— Ну как же. В гражданском судопроизводстве есть альтернативная подсудность. Коли в рассмотрении дела в Минске отказано, обратимся в питерский суд по месту пребывания истца. Как вы полагаете, на чьей стороне окажутся присяжные — юродивого губернатора или героя-авиатора?

Оставив следователя, полного стенаний на свою горькую долю, адвокат про себя усмехнулся. Столько лет, проработав безнаказанно на казенной должности, где взятки нороят всучить не реже чем раз в неделю, Войнаховский не мог оказаться в положении, когда детей кормить нечем. Конечно, некоторые судебные следователи императорской России пытались жить честно и впроголодь на одно лишь казенное жалованье. Ни у кого не вышло.

Капитан Талызин имел строгий приказ командира бригады не видеться до суда с Самохваловым и его защитником. Плевако с легкостью обошел запрет, отрекомендовавшись представителем Можайского по грядущему иску об уничтожении самолета.

Артиллерист, статный военный средних лет, особым умом не блистал, но и дураком не был, отчетливо понимая шаткость своего положения. При всех симпатиях к бездарно погибшему гвардейскому прапорщику и нежелании сеять раздор между армейским командованием и статскими властями, он отдавал себе отчет, что сам предложил пороховую ракету и зажег ее фитиль. То, что на скамью подсудимых вместо него попадет партикулярный авиатор, казалось странным капризом Фортуны, которая бывает весьма

переменчива.

— Дмитрий Борисович, не ищите во мне врага. Если присяжные признают виновным Самохвалова, логичное продолжение — возбуждение уголовного преследования в отношении вас. А военные трибуналы либерализмом не славятся. Наша с вами задача — доказать, что происшедшее есть досадный казус от неосторожности Александра Трубецкого. После суда настоятельно рекомендую вам подать рапорт о переводе в другой округ, дабы сия неприятная история не портила карьеру.

— Под присягой лгать не буду. Поручик сам забивал порох, хотя мы ему говорили о возможности детонации.

— Ваши сослуживцы подтвердят это перед присяжными?

— Будут отмалчиваться и выкручиваться. Но впрямую врать офицерская честь не позволит.

— Как вы усматриваете роль губернатора? Именно он вас с Самохваловым знакомил, на испытаньях настоял, сына привлек.

— Так точно. Однако командир бригады с меня слово взял князя не порочить.

— Но на прямые вопросы вы скажете правду?

— А что прикажете делать?

— Не смею больше задерживать. И по поводу иска — знайте, претензии к прокуратуре и полиции по поводу уничтожения второго аппарата составляют миллион рублей.

Талызин покачал головой. Адвокат назвал сумму, равную денежному довольствию всей артбригады за много лет.

— Верю, что вы поступите по совести. Тогда претензии будут к имуществу Трубецких. Прощайте.

— Честь имею.

Обход остальных ключевых свидетелей также удовлетворил адвоката. Плевако не поленился потратить пару дней на поездку в Логойск, во дворце навестил графа Тышкевича и выяснил, что местная шляхта весьма недовольна питерским выскочкой, протиравшим губернаторский трон. Граф и двое помещиков не откажут себе в удовольствии дать показания в суде против спесивого князя. Поверенный и не думал, что в Литовском генерал-губернаторстве до сих пор не смирились вхождением в империю. Столько лет белорусский кусок Речи Посполитой в составе России, а сепаратистские настроения живучи, как тараканы. Восстанием не пахнет, но насолить «москалям» наследники шляхетской знати всегда рады. А вот польского купца привлекать не стоит — открытая поддержка опальному авиатору может обернуться поляку препонами в делах; он сие знает и будет темнить в судебном присутствии.

Мастер Мендель говорил о Самохвалове как о родном. Логойского мастерового потрясли мартовские слова авиатора, когда тот запретил лететь Мордке в аппарате, на котором вскоре взорвался княжий сын.

— Пан Мендель, но если я вас вызову в суд, не напирайте на это. Выходит, еврейского отрока Петр спас, а гвардейским офицером пожертвовал. Прямая дорога на каторгу.

— Таки что говорить?

— Пока вы настраивали аэроплан и опытами управлял Самохвалов, никто не погиб. А когда военные вмешались, они и вас, и Петра задвинули — всем сами распорядились и взорвались.

— Я вас умоляю, так оно и было.

Жена мастера Сима всучила поверенному кусок курочки. В ее представлении несчастный барин жил в Минске практически в тюремных условиях и, верно, голодал. Видели бы местечковые иудеи роскошную квартиру на Захарьевской. Еврейскую карту адвокат решил спрятать в рукав, об использовании которой подумает, увидев состав заседателей.

В Минске Плевако счел нужным подбодрить подзащитного.

— Все идет неплохо, дорогой Петр Андреич. С доказательствами у нас отлично. Может ли логика победить местную бюрократию — увидим, но шансы хороши. Приеду ближе к суду, когда станут известны фамилии присяжных по жребию.

С вмешательством известного юриста Самохвалов стал иначе относиться к дамокловому мечу предстоящего суда. По крайней мере, сделано все возможное, изобретатель вновь может отдаться экспериментам с системой питания.

Не имея никаких расчетов, а только результаты экспериментов, Петр не мог представить, сколько топлива можно отправить в двигатель. опыты с моторами Отто и Бенца уже ничего не проясняли — маломощные движки просто не всасывали больше топливно-воздушной смеси, чем могли переварить. Как там говорил Плевако — капли дождя, иссушенные жестоким ветром? С помощью полицейской родни испытатель прилепил вентилятор на вал двухтактного двигателя, обернул его трубой, за ней установил оконное стекло. Затем часами наблюдал, как впрыснутый бензин превращался в пар, а если чуть перестараться с подачей, оседал каплями на стекле.

Можайский заявился в Минск, разминувшись с московской звездой всего на пару дней. Он привез огромный сундук с набором «мечта самоделщика» — несколько вариантов картера с коленвалом, съемные цилиндры с регулируемой степенью сжатия, куча поршней и шатунов, поршневые кольца, вкладыши, сальники, маховики, распределительные валы, клапаны, шестерни, цепи, звездочки и прочий моторный хлам, обошедшийся семье Самохваловых в очередную копеечку. С точки зрения здравого смысла дальнейшие опыты лучше было проводить в Питере или Москве, где есть производственная база для немедленных переделок. Вот только минская юстиция и здравый смысл сочетались неудачно. Не желая оставлять товарища наедине с грустными мыслями и губернскими полициями, Александр Федорович настаивал на продолжении опытов здесь.

Петр фонтанировал идеями. Обрызгивая стекло, он понял, что добиться большой мощности при малом объеме можно лишь принудительно загоняя смесь в цилиндр. С одной стороны — чем больше топлива, тем лучше. Но для его сгорания потребен воздух. В каком соотношении — никто не знает. Значит, опыты и еще раз опыты.

Соединив части конструктора в двухцилиндровый двигатель и подключив к нему вместо карбюратора аэродинамическую трубу с распылителем бензина, компаньоны попытались его запустить, на что ушло около недели. Они пробовали регулировать углы открытия-закрытия клапанов, постепенно увеличивали степень сжатия, подбирали момент разряда запальной свечи, питавшейся от примитивной системы зажигания с лейденской банкой. На восьмой день получили устойчивые вспышки. Лишь на девятый день двигатель протарахтел около минуты, наполнив сарай дымом выхлопа, перемешанного с парами бензина и подгоревшей смазки. Когда удалось относительно точно подобрать оптимальную степень сжатия и состав смеси, мотор, нагруженный лишь пропеллером, обеспечивающим обдув ребер охлаждения, взвыл на предельных оборотах, подняв в мастерской настоящий ураган,

пошел в разнос, оборвал лопасти, перегрелся и со страшным грохотом заклинил. Переломившийся шатун пробил стенку цилиндра насквозь, обломки металла шваркнули, как пули, к счастью, никого не задев.

Самохвалов, с испугу прикрывший голову руками, осторожно выпрямился и осмотрел погибшего зверя.

— Ну вот, дорогой Александр Федорович, примерно такой авиадвигатель нам и нужен. Только чтобы работал стабильно и не взрывался.

Для этого предстояло отладить дозирование подаваемой смеси, систему охлаждения и смазки, подобрать масло — обычное оказалось слишком густым для высокооборотистого агрегата. Партнеры собрали новый, учитывая некоторые ошибки предыдущего образца. Но тут подошло время суда, и моторные опыты пришлось пока прекратить.

Оглашение списка жюри, законопослушных российских подданных, на которых указал жребий, действовало на Плевако, словно звук рожка на охоте. Полноватый вальяжный господин преобразался, превращаясь в хищника, учуявшего жертву. Объектом его охоты мог быть поддерживающий обвинение товарищ прокурора, чья карьера неминуемо давала трещину в результате шумихи после оправдательного приговора. Или очередной господин, коему не посчастливилось играть роль подсудимого в процессе, где за сторону обвинения выступал знаменитый присяжный поверенный. При этом Федор Никифорович действительно много раз совершенно безвозмездно отстаивал интересы малоимущих — оно для репутации хорошо и перед Богом полезно, когда душа судебного крючкотвора предъявит себя Святому Петру.

Самохвалов, о судебных баталиях наслышанный в весьма ограниченной степени, с интересом наблюдал, как адвокат работал с перечнем кандидатов в присяжные.

— Шестеро из них, никак не обосновывая, отведет прокуратура. Мы отмечаем остальных, остается восемнадцать. Снова жеребьевка, двенадцать присяжных будут выносить вердикт, остальные запасные. Я всегда нумерую их, от наиболее благих нашим задачам до тех, кого ни в коей мере не хочу в присутствии узреть. Вычеркиваю названных прокурором и заявляю отвод оставшимся самым большим номерам, пока не получатся означенные восемнадцать.

Плевако показал номерованный перечень фамилий.

— Смотрите, Петр Андреевич. Столоначальник из губернского аппарата — сразу вон, этот Трубецкому в рот смотрит и с ложки у него ест. Земский коллежский регистратор от князя подальше, но все едино зависим. Агент страхового общества — уже лучше. Начальник отряда лазальщиков пожарного общества — совсем хорошо, они понимают вкус опасности. Так, это что за фрукт? Чего только у вас в Минске не увидишь — «ученый еврей Осип Яковлевич Гурвич» из канцелярии губернатора.

Самохвалова дернуло обобщение — «у вас». Минчанином он себя отнюдь не считал.

— Ладно, с национальностями разберемся потом. Если окажется много евреев — вызову Менделя, чтоб привлечь их симпатии, да с раввином поговорю. Но уверен, что прокуратурой не забыты ваши шашни с логойскими иудеями. Требование Гольденвейзера отдать главу полиции под суд наш друг Софиано до пенсии запомнил. Поэтому ученый Гурвич выпадет из списка в прокурорской шестерке отводимых.

Плевако отметил как опасное лицо преподавателя польской и белорусской словесности — бог их знает, националистов. Трубецкие хоть и русские, но давно здесь, так сказать, «свои

оккупанты». Самохвалов же для них — абсолютный варяг.

Адвокат пробежался по кандидатам и начал сначала. Теперь он смотрел возраст будущих присяжных и прочие сведения о них, которые сумел добыть негласно. Молодых проще склонить на свою сторону, они романтики. Возрастные почитают осторожность за благодетель.

Слушание дела по обвинению Самохвалова растянулось на три дня и стало самым громким событием минского лета. Стараниями поверенного в губернский город стянулось более десятка репортеров: он полагал, что максимальная публичность процесса затруднит судебный произвол.

Невиданный аншлаг царил в здании окружного суда на Соборной площади, 14. Городской театр, с нелегкой руки князя Трубецкого построенный, подобного наплыва давно не видывал. Билеты на Плевако разошлись бы по десять целковых.

Начальная часть разбирательства и допросы участников прошли совершенно спокойно. За обвинение отдувался уже знакомый товарищ прокурора Иван Петрович Софиано. Прокурор окружного суда статский советник Александр Александрович Степанов, чуя мерзкий душок предстоящего процесса, спихнул участие в деле на заместителя, но ошивался в зале, своим присутствием показывая губернатору: не извольте волноваться, ваша светлость, я здесь и все под присмотром-с. Не сговариваясь, к такому же решению пришел председатель суда, отправив на баррикады товарища председателя и двух рядовых судей.

Обвинитель гнул продуманную линию, потом Плевако привычно перехватывал инициативу и упорно продавливал тезисы защиты. Каждый ответ подсудимого и свидетелей неуклонно подтверждал, что Александр Трубецкой сам и по своей инициативе нарушил мыслимые и немыслимые правила обращения с взрывчатым веществом, покончив с собой так же верно, как если бы запихивал порох не в пушечный обрез, а в собственное отверстие. Присяжные — пара мелких чиновников, лавочники и разночинцы — с восторгом внимали публичному унижению губернатора, который выставлялся как самодур и изначальный инициатор бездумных действий, приведших к трагедии. Князь наливался красным, потом темно-пунцовым, затем к его палитре примешался некий синеватый, не известный живописцам оттенок.

Обвинитель и защитник привычно пикировались, заявляли протесты на действия друг друга, требовали отклонения вопросов противной стороны. Словом, ломали комедию состязательного судопроизводства, но не слишком нагнетали обстановку.

Больше всего адвокат выдавил из Талызина. Когда на артиллериста было уже больно смотреть, Плевако раскрыл Уложение о наказаниях уголовных и зачитал статью седьмую: «Зло, сделанное случайно, не только без намерения, но и без всякой со стороны учинившего оное неосторожности, не считается виною», затем спросил, считает ли военный, что именно так стоит расценивать действия Самохвалова. Талызин согласился, к явному оживлению присяжных и зала, но тут встрял председательствующий, обвинив адвоката в принуждении неюрриста к юридической квалификации факта. Эпизод было приказано вычеркнуть из протокола, но тут поверенный стал в позу и заявил:

— Господа присяжные заседатели! Вам, не имеющим юридического университета за плечами, также предстоит ответить на вопрос виновности, однако я не смею сомневаться в вашей способности разрешить дело, исходя из здравого смысла и совести. Прошу заметить, что господин председательствующий распорядился вычеркнуть из протокола цитированные мной слова Уложения о наказаниях, утвержденного лично Государем Императором,

Самодержцем Всероссийским, помазанником Божьим. Прошу занести это в протокол.

Зал замер, словно морозом повеяло. Плевако притянул за уши небрежение к закону и извратил намерение судьи. Однако в таком толковании получился недвусмысленный намек на публичное непочтительное отношение надворного советника к документу, скрепленному высочайшей подписью, и, следовательно, общую политическую неблагонадежность судейского чина. В воздухе запахло проблемой, по сравнению с которой дело Самохвалова виделось мелкой шалостью.

Секретарь поднял глаза на председательствующего, молча спрашивая: что писать-то? Тот обреченно дернул бакенбардами — пиши что хочешь, бумага стерпит. После этого ни единый протест обвинителя о недопустимости эскапад Плевако не был удовлетворен.

Вечером накануне судебных прений и оглашения вердикта, адвокат баловался чаем с компаньонами-авиаторами.

— Много разных людей повидал, но губернатора я решительно не понимаю, — рассуждал Петр Андреевич. — Все уже с очевидностью доказано, нет бы на сделку пойти, хотя бы об изменении статьи. Сидит, шевелит усами, сверлит глазами, бордовый до синевы — однако ни в какую. А когда под присягой свидетели княжеское обещание приводили, ну когда они с сыном слово дали, что опыты делают на свой страх и риск, он дернулся, но промолчал.

Отхлебнув чаю, Самохвалов даже улыбнулся от своей наивности. Даже если бы он расписку с Трубецких взял, что бы изменилось?

— А перед кем господа хорошие слово давали? Пред вами, безродный вы наш? Так вы для них — быдло. Поверьте незаконнорожденному, пока я наверх по судейскому делу не пробился и титул не получил, оставался в их глазах бессловесной скотиной. Посему по отношению к вам они склонны вести себя, как такое же быдло, что их внутреннему настрою как нельзя лучше подходит. Да что купеческому сыну, князь и контр-адмиралу в глаза плюнет. От превосходительства до светлости изрядная дистанция.

Можайский досадливо кивнул. На флоте контр-адмирал — величина, командующий отрядом кораблей или даже эскадрой. Капитан корабля — бог на борту, а контр-адмирал бог над богами. В Питере же генерал-майоров, контр-адмиралов, гвардейских полковников и прочих пролетариев генеральского сословия в десять раз больше, чем матросов на верхней деке фрегата. Княжеских фамилий сколько, сорок? Вот и разница.

— Завтра серьезная драка предстоит. Софиано в угол загнан, но он не дурак. Хотя и не знает, чем я его удивлю, — от предвкушения схватки Плевако даже зажмурился.

Несмотря на личный интерес в исходе дела, авиаторы решительно не понимали, какое удовольствие можно получить от судебного крючкотворства. Разве что извращенное. Они еще не видели моноспектакля «Судебная речь».

Товарищ прокурора имел преимущество, зная приемы известного московского адвоката из прессы. Он проанализировал наиболее сильные стороны позиции защиты и построил речь, желая застать поверенного врасплох. Софиано неожиданно согласился с линией защиты, что Александр Трубецкой грубо нарушил правила обращения с порохом, пренебрег разумной предосторожностью и поплатился. Но Самохвалов, автор и хозяин «Самолета» обязан был категорически настоять, просто костыми лечь, убеждая, что эксперимент опасен. Если бы подсудимого связали и забрали аппарат силой, тогда он мог бы заявить о непричастности. Прямой приказ губернатора — просто просьба, которую авиатор мог

оставить без внимания.

Простые и ясные доводы прокурорского чиновника явно произвели впечатление на присяжных. Впервые контр-адмирал не возмущался, что его имя не упоминается в соавторстве на воздушный аппарат, а подсудимый тоскливо заерзал. Спокойный, как скала, Плевако неторопливо встал, вышел на середину и начал.

— Господа присяжные заседатели! Защищая господина Самохвалова, я не могу пройти мимо поруганного имени Александра Николаевича Трубецкого, человека беззаветного мужества, который, к моему глубочайшему прискорбию, уже никогда не сможет вступить за себя сам.

Зал ахнул. Члены суда ущипнули себя. Прокурор словил за бороду отпавшую челюсть. Адвокат, выведивший линию защиты по принципу «сам дурак — и сам взорвался», ничтоже сумняшеся сделал поворот кругом и помчал в противоположном направлении.

В течение получаса присяжные и весь зал слушали необыкновенный по эмоциональному накалу монолог, прославляющий романтиков неба — Самохвалова, Трубецкого и Талызина — которые, рискуя всем и не щадя живота своего во славу России, покоряли недостижимые ранее высоты. Попытка отправить на каторгу подсудимого, многократно презревшего опасность и вознесшегося ввысь на своем странном аппарате есть поспрашение светлой памяти князьего сына.

— Давайте же осудим и господина Талызина! — у капитана сердце ухнуло вниз организма. — Но не за подожженный фитиль, а за целую плоть, когда Петр Андреевич переломал ребра, а Александр Николаевич поплатился жизнью. Помните, господа, любой риск во славу Отечества оправдан. Когда капитан-лейтенант Андрей Петрович Лазарев на шлюпе «Ладога» исследовал Камчатку, погибла часть экипажа. Об этой опасности знали до выхода из порта? Безусловно! Но в нашем жестоком мире нельзя открыть новое и неизведанное, ничем не рискуя.

Дальше шли примеры из военной истории России, возбуждающие у публики чувство гордости за причастность к великой державе. Атмосфера в зале накалилась до экзальтации. Самохвалов отметил себе, что никакой репортаж с изложением защитительной речи не способен передать впечатление от выступления Плевако. Он царил. Он управлял публикой, как опытный дирижер оркестром. Он приводил факты из уголовного дела, о которых подзабыли и сами участники событий.

Наконец оратор повел речь к заключительной стадии.

— Вы видели эту фотографию во время судебного следствия. Что сделал мой подзащитный после трагической гибели своего соратника вместе с первым аппаратом? Он был повержен, уничтожен, но не отступился. Когда невежественные полицейские порубили топором другой самолет, Петр Андреевич мужественно принял второй удар и начал опыты по созданию нового аэропланного мотора. И он заработал! Изнемогая под тяжестью несправедного обвинения, скорбя о погибшем товарище, в нечеловеческих условиях подзащитный продолжал двигать авиационный прогресс. Каждая нация подобна человеку и состоит из тела, рук, головы, ног. Несправедливо осудив военного, мы отсекаем руку, держащую меч, ученого — наносим рану голове. Но сейчас мы можем потерять крылья нашего Отечества. Я верю в народ, мы все равно найдем дорогу к облакам. Но сделаем это гораздо позже, когда объявятся новые Александр Трубецкой и Петр Самохвалов. Однако и другие не сидят на месте. Именно сейчас, господа, вам предстоит решить, как полетит Россия — гордой статью во главе журавлиного клина или ковыляя за преуспевшими

европейскими странами. Человека осудить можно, но нельзя отправить на каторгу будущее, господа! Я призываю вынести вердикт по божьему праву, по совести, по зову сердца и спасти славу России!

Тишина. Потом встал московский репортер и несколько раз ударил в ладоши. Зал взорвался. Председательствующий кричал, мотал колокольчиком, потом кинулся к судебному приставу, который, как ни в чем не бывало, тоже радостно хлопал. Когда судья бормотал напутственное слово присяжным, зал до конца так и не утих.

На следующий день, когда страсти улеглись, а по Минску разнесся слух, что у губернатора случился удар и парализовало правую часть тела, Самохвалов спросил у адвоката:

— Федор Никифорович, каковы шансы на отмену и новое рассмотрение?

— Нулевые. За оправдательный вердикт никого не накажут — присяжные суть субстанция непредсказуемая. А за попытку отстоять обвинение и проиграть они запросто креслом поплатятся. Минские судейские отвратительны, но не самоубийцы же они. Вам бы я рекомендовал покинуть город. Популярны вы нынче, что оперный тенор, однако и врагов нажили изрядно.

— Всенепременно. Уже пакуемся. Значит — конец истории?

— Отчего же? Рано, голубчик, успокаиваться. Пора заниматься гражданскими исками. С вашим безвременно погибшим соратником дело очень хорошо обстоит — князь-батюшка успел на него имение отписать. Вот и заявим претензию на наследственное имущество. Полицейские чины, когда аппарат рубили, не как обыватели действовали, а как представители казенного ведомства, опять же там деньги есть. Всего доброго, господа! Увидимся в суде!

Околоточный надзиратель Калинин проводил партнеров на поезд. Вещей совсем мало осталось — аэропланы и паровая лебедка погибли, первый мотор взорвался. Остались импортные двигатели да один экспериментальный. А еще бесценный опыт и куча фотографий.

— Не затрымаецесь на дзень? — полицейский искренне болел за своих поднадзорных и мечтал от всей души надраться за их победу. Особенно за их счет.

— Нет, Лука Матвеевич. Питер ждет. И так у вас загостились. Но за гостеприимство — спасибо. Да, Александр Федорович?

Прямолинейный контр-адмирал мог бы многое высказать по поводу гостеприимных хозяев губернии, но что толку говорить об этом околоточному, относившемуся к авиаторам исключительно по-доброму. Станный народ населял эти земли. Тышкевич и другие землевладельцы шляхетских родов, купцы, селяне, мастеровые, нижние полицейские чины с родней — люди как люди. Даже евреи. С князем Трубецким все ясно, медицинский случай. А остальные, среднее чиновничество и мелкое дворянство, — Можайский и слово для них не сразу подобрал: никакие. С виду тоже нормальные, но попадись на их голову диктатор губернского, да что там — уездного пошиба, так по приказу готовы любого сгноить, лишь бы теплое местечко сберечь и конфуза с начальством миновать. Агрессивно покорные. Только пьют чуть меньше, чем в центральной России.

Глава 9

3 июля 1890 года — 30 октября 1891 года.

Санкт-Петербургская губерния

Александр Федорович болел. От пережитых волнений в поезде у него несколько раз прихватывало сердце, ближе к столице совсем занемог. Квартира за Обводным каналом давно покинута, контр-адмирал переселился к Самохвалову, где и жил постоянно, кроме вояжей в Беларусь.

Знакомый военно-морской врач развел руками — перед апоплексическим ударом медицина бессильна. Только покой и молитва. Если сердце сумеет зарубцевать рану, старик поживет. Если нет — все под Богом ходим.

Петр собрался было звать самых дорогих медицинских светил, но больной категорически отказался.

— Знаю я их. Много умных слов наговорят, кровопускание сделают. Найдут десяток болячек, о которых не ведал, споро вылечат их за полтыщи целковых, а с главным недугом не справятся. Дорого в нашем Отечестве болеть и здоровье надо иметь отменное, чтобы лечение выдержать.

— Зря вы так. Неужто на Руси честных докторов не осталось?

— За всех не скажу, а я бы только земскому врачу доверился, привычному к простым людям. Светила медицинские как ваш особняк увидят, у них мысль одна — как бы денег с вас взять. Посему, батенька, извольте мне эскулапами не докучать.

Как назло, июль выдался жарким. Можайский, не привыкший проводить время в постели, как-то сказал компаньону, что скучает по привычному шуму аэродинамической трубы.

— Вам бы отдохнуть, Александр Федорович.

— Пустое, Петр Андреич. Отдыхай — не отдыхай, конец близко. У меня в жизни две радости остались — ваша дружба и самолеты. Продолжайте начатое. А если принесете чертежик показать или модельку обсудить — мне лишь на пользу.

С той поры трубой и авиамоделями занимались двое студентов из Техноложки — Ян Кшесинский и Владимир Таубе. Жуковский их научил снимать замеры, добавив важное новшество: к деталям крепились восковыми каплями тонкие красные полоски. Сразу стало заметно, как по крылу поток идет, где ровно, а где с завихрениями. Однажды, замеряя подъемную силу на крутых углах атаки, Янек отметил любопытное явление. За неким максимальным углом атаки полоски на верхней поверхности крыла перестали трепыхаться по ветру. Так был доказан срыв потока при резком кабрировании аппарата, о котором еще Арендт догадывался.

Опыты с двигателями Петр в доме не позволил, не хотел, чтобы шум и дым беспокоили больного. После долгих разговоров ему на Путиловском выделили участок. Не многие верили в большое будущее авиации, но потребность в легких и мощных двигателях внутреннего сгорания ни у кого сомнений не вызывала.

Самохвалов, несмотря на летние отпуски, настойчиво просил Менделеева исследовать физико-химические свойства бензина. Беда в том, что в России пока никто не признавал его топливом. Так, химическое средство для чистки жирных пятен. Стало быть, никаких стандартов не было. Выделяемые при перегонке нефти легкие продукты, взрывоопасные и

летучие, никто всерьез не воспринимал, котлы топили мазутом и даже сырой нефтью. Успехом пользовался лишь керосин для ламп. Сколько и каких легких фракций можно из нефти извлечь, какова их цена при массовом потреблении — никто не знал.

Великий химик все на свете ухватить не мог. Он много лет занимался углеводородами, но иными, на спиртовой основе. Здесь же надо было выяснять свойства разных бензиновых фракций, испаряемость, теплотворность, способность к сжатию в составе топливно-воздушной смеси и иные, по любимому выражению Дмитрия Ивановича, «характеристические» свойства. Без них дорогостоящие опыты с двигателями оставались непрофессиональным кустарным делом, которое Самохвалов презирал. Максимум, чего Петру удалось добиться — обещания включить исследование нефтепродуктов в университетскую программу на ближайший год.

Между тем из Европы стали приходить известия о новых изобретениях аэропланов, спровоцированные публикацией репортажей и снимков о полетах «Самолета-1» и «Самолета-2». Читая западную прессу, равно как и российские статьи, Самохвалов дивился самонадеянности энтузиастов. Сейчас, подталкивая сразу три программы — по аэродинамике, моторостроению и исследованию топлива, он пытался осмыслить кучу иных проблем. Подбирал материал для обшивки крыла, пытаясь заменить дорогостоящий и сложный в ремонте шелк, доводил конструкцию шасси, безопасного для приземления. Изобретатели-конкуренты, вдохновленные газетным фото, за вечер раздумий выдавали новый «летательный снаряд» и на утро бежали подавать патентную заявку, громко расхваливая свой проект репортерам. Естественно, уровень технической проработанности «снарядов» уступал даже монстроидальному проекту Можайского.

Совершенно неожиданно в особняке на Васильевском острове объявился собственной персоной грамотный инженер, а не авантюрист.

— Знакомьтесь, Петр Андреевич! Этот молодой человек, гм... простите — ваш ровесник, капитан прославленного парохода «Ада», изволил проведать меня как моряк моряка, — Александр Федорович приподнялся на подушках. — Прошу любить и жаловать, Костович Огнеслав Степанович.

— Наслышан, как же, рад знакомству, — Самохвалов пожал руку серба, напряженно пытаясь вспомнить подробности участия капитана в русско-турецкой войне, о которых газеты в свое время писали взахлеб. В памяти всплыла нашумевшая история получения им русского подданства. — Как-то читал о вас и вот что хотел спросить, если позволите. Вам приписывают фразу: «Я славянин, и за мать всех славян — Россию — готов отдать жизнь!» Столкнувшись с нашей реальностью, как себя чувствуете?

Костович усмехнулся.

— Молод был, любил горячие слова. Касательно вашего вопроса, представьте, добился я успехов приезжаю домой и вижу свою мать — не слишком образованную, не самую красивую и плохо меня понимающую. Она все равно остается моей матерью, как и Россия славянам. Сербия, конечно, православный край, но, поверьте, Австро-Венгерская империя — совсем не славянская страна. В России я себя чувствую как дома, хотя не склонен считать ее идеалом. Один только ваш судебный процесс чего стоит. Здесь каждый может в подобный переплет попасть.

Самохвалов с Можайским переглянулись. Они оценили ответ. Оба были русскими, но не жаловали официальный патриотизм с трескучими лозунгами и верноподданническими поклонами императорскому дому.

Серб думал немного иначе: вы, урожденные российские подданные, не понимаете, какво быть православным в мадыро-германской империи, где славяне по природе своей — особи второго сорта. Посему для выходца из Балкан российский паспорт есть важная веха в жизни, а не естественное благо по праву рождения.

— Чем сейчас занимаетесь, Огнеслав Степанович? Помню, вы аэроплан строили в те же годы, что и я свой снаряд, потом за аппарат легче воздуха взялись.

— Увы, господа, изобретения мои морские и воздушные денег не принесли. Пришлось заводчиком стать. Произвожу арборит, это фанера многослойная, клеенная. Легкий и прочный материал, для аэропланов и кораблей удобственный весьма.

— Занимательно, — протянул Самохвалов. — Жаль, что воздушные прожекты до конца не доделали.

— Ну, не все пошло прахом. Мотор мой до сих пор на Охтинской судовой верфи работает, не хуже паровых, а по размерам куда скромнее.

— Подробнее не изволите рассказать? — насторожился Петр.

— Отчего же. Двигатель с циклом Отто, восемь цилиндров, электрическое зажигание, двести сорок килограмм, восемьдесят лошадиных сил. С 1885 года трудится, больших поломок не было.

Самохвалов застонал, Можайский схватился за голову. Потом все заговорили разом.

— Огнеслав Степанович! Без ножа зарезали! Коли б я знал, что уже тогда в Питере замечательный мотор есть! Мой снаряд с ним аки птица летал бы! — контр-адмирал, несмотря на логику и здравый смысл, отказывался до конца поверить, что его чудо-аппарат не имел ни малейшего шанса подняться в воздух.

— А я столько сил потратил на опыты с четырехтактным двигателем, чуть мастерскую в Минске не взорвал, — возмущался Петр. — Что ж вы все в секрете держали?

— Не я, а Морское министерство. На патент заявку давно подал, но чиновники российские так шустро шевелятся, что мох быстрее растет.

— Прискорбно.

— Зато могу показать его в рабочем состоянии, если интересуетесь. Жаль, Александру Федоровичу променады не предписаны.

Компаньоны сами и просить не смели. Как конструкторы своего мотора они Костовичу прямые соперники. Но того с головой накрыло новое увлечение. Назавтра по дороге до верфи он рассказывал Самохвалову про арборит.

— Что есть фанера, сударь? Лист тонкий древесный, легко гнется и трескается. Представьте ровное сосновое бревно не как волокнистую массу, но бумажный рулон. На специальном станке я разматываю его, полученные листы склеиваются, чтобы волокна шли аккуратно в разных направлениях. Лист в четверть дюйма становится жестче, нежели дюймовая доска.

— А вес? Сдается мне, от пропитки клеєм дерево тяжелеет. Где масса важна, в авиации опять-таки, ваш арборит не годен.

— Ошибаетесь, милейший! С помощью арборита можно собрать мудреную конструкцию легче деревянной или металлической.

Костович заливался о своих достижениях: арборитовых бочках, сундуках, машиностроительных узлах и даже... казачьих пиках! Он утверждал, что изобретенный им клей-цемент делает изделие стойким к влаге и гниению, посему он — материал будущего. Со временем, пожалуй, само слово «фанера» будет означать не жалкие однослойные

полотна, а арборитовый сэндвич.

Самохвалов начал понимать, что в повозке рядом с ним сидит такой же энтузиаст, пораженный изобретательской заразой, как и Можайский. От инфекции в первую голову отмирают чувство меры и здравый смысл. Если компаньон Петра, похоже, и на смертном одре будет думать, какой силовой агрегат надо было вставить в его снаряд, чтобы тот взмыл в облака, то Костович собрался заместить фанерой половину известных материалов, на полном серьезе рассуждая о полых фанерных валах для передачи вращательного момента к винту на судах и дирижаблях. Сдерживая улыбку, авиатор представил, как серб предлагает Морскому министерству фанерную броню для крейсеров, стойкую к воде, гниению и снарядам врага.

Восьмицилиндровый двигатель, слава богу, был из металла, так как увлечение фанерой пришло много позже. Для летательных аппаратов он решительно не годился. Двести сорок килограмм весила лишь его главная часть. Массивная система водяного охлаждения, работавшая от водопровода, огромный плоский испаритель топлива в системе питания тянули еще килограмм на восемьдесят и превращали мотор исключительно в стационарную установку. Но пару идей Самохвалов подсмотрел. Во-первых, электрическая система зажигания питалась не от лейденских банок, а от генератора, вращавшегося от коленвала. Во-вторых, цилиндры располагались горизонтально по четыре с каждой стороны с тем, что рабочему ходу поршня соответствовало сжатие в противоположном цилиндре. Не сразу, но в будущем, когда потребуются мощные авиамоторы, оппозитная схема себя покажет.

Суперагрегат, вопреки заверениям создателя, пару лет не работал. Его сгубили не железные хвори, а электричество. На подходе к верфи Петр заметил дымящую трубу котельной. Внутри не менее половины всей механизации электрифицировано, а лампочки с угольной начинкой вытеснили газовые и керосинные светильники. Прогресс, господа. Электростанцию дешевле и проще кормить углем, чем аппарат с циклом Отто — экзотическим бензином.

— Впечатляет?

— Слов нет, Огнеслав Степанович. В Европе два цилиндра — редкость. А тут восемь!

— Это что. Я еще арборит покажу.

Понимая, что добром от Костовича не избавиться, не осмотрев воплощение его идеи-фикс, Самохвалов надел маску заинтересованности и дал отвезти себя на фанерный завод. Там, взяв в руки неожиданно тяжелый, но твердый и гибкий лист, понял, что отыскал один из самых важных материалов для самолета.

— Три слоя, общая толщина миллиметров пять. А тоньше возможно?

— На нынешних станках — не тоньше трех или довольствоваться двумя слоями.

— Все равно, для нервюр — идеальный материал.

— Да, особенно если выпилить отверстия для облегчения.

Пробуя гибкость, Петр согнул заготовку, и она треснула.

— Жаль, переднюю кромку крыла из арборита не выгнуть. Там наибольшее давление, деформация шелковой обшивки. Геометрия нарушается.

Вместо ответа Костович усмехнулся и протянул образец двухдюймовой трубы из пяти слоев.

— Но как?

— Элементарно. На заготовку крепится первый слой, на него клеятся остальные в уже согнутом положении.

— Замечательно! Жаль, что вес не позволит обшить фанерой все крыло.

— Не будьте столь категоричны, Петр Андреевич. Арборит возьмет часть нагрузки, стало быть, сэкономите на наборе. Затем выигрыш получите за счет жесткости обшивки — дерево лучше держит аэродинамическую форму. Оно крепче аэростатной ткани, дыру починит любой столяр.

— А цена?

Костович назвал.

— Немыслимо! Сосновые рейки раз в двадцать дешевле.

— Сравните с ценой на шелк, лаком пропитанный, и на стальные конструкции. А где можно простой рейкой обойтись — кто же вас неволит.

Поколебавшись, Самохвалов решил заказать метровый кусок крыла на пробу, сравнив его вес и подъемную силу с таким же, но обтянутым шелком, как на первых двух аппаратах.

Финансовый вопрос помог решить незабвенный Плевако, который появился в столице ближе к октябрю и дал на подпись пострадавшему от военно-полицейского произвола конструктору два исковых заявления на миллион рублей каждое: к Трубецким за уничтожение «Самолета-1» и к прокуратуре с полицией за гибель «Самолета-2». С присущей ему непринужденностью московский поверенный убедил присяжных, что невежественные вандалы-провинциалы уничтожили бесценные творения питерского гения Самохвалова, имевшие невероятную техническую и культурно-историческую ценность. Гвардейский поручик Александр Трубецкой, выдающийся соратник Самохвалова и герой России по версии защитительной речи в Минском суде, превратился в жалкого недотепу, который полез не в свое дело и взорвал уникальное изобретение, затормозив воздухоплавательное развитие страны не менее чем на полгода.

Конечно, присужденные суммы оказались далеки от миллионных, но с лихвой окупили затраты на приглашение адвоката в оба гражданских и в уголовный процесс, а также львиную долю денег, вложенных в авиацию. Вызванные в столицу полицмейстер и двое его подручных получили громадные регрессные иски за ущерб казне, которую она понесет, выплачивая компенсацию за порубленный планер.

Ни родственные связи, ни усилия дорогого присяжного поверенного не уберегли губернатора от материальной ответственности — слишком выпуклой была его роль в событиях перед взрывом и в организации травли авиаторов. Однако, к неудовольствию последних, взыскание распространилось не только на самого князя, но и на имение Трубецкого-младшего, причитавшееся по наследству вдове с детьми. Плевако категорично отмел колебания своего клиента по сему поводу — у княжеской фамилии в досталь средств, дабы не оставить без куска хлеба двух осиротевших родственников.

С капитаном Талызиным также случился неприятный казус. Присяжный поверенный, защищавший интересы губернаторского семейства, настоял на включении артиллериста в число ответчиков. В результате солидарная материальная ответственность как корова языком слизнула небольшое фамильное имение небогатого военного. Петр хмурился, надеясь на материальный удар исключительно по главным виновникам своих злоключений. Штабс-капитан, хоть и сыгравший роль спускового крючка в той истории, особой злости у Самохвалова не вызывал. Увидев колебания истца, Плевако выпросил у председательствующего краткий перерыв, оттащил клиента в сторону и зло спросил:

— Петр Андреевич, когда вас прижали к стене и грозились отправить на каторгу, кто-

нибудь из них вас пожалел? Пришел на помощь? Думаете, Талызин носил бы вам передачи в острог? Дудки! Вам помогли лишь брат да Можайский. И я, за большие деньги. Почему вы их должны жалеть?

— Да, но...

— Никаких «но». Соберитесь, сударь. Мне нужна ваша твердая уверенность в правоте, чтобы ободрать их до нитки.

Вручив Самохвалову копии решений по обоим делам, звезда адвокатуры неожиданно заявила:

— Начинается самое трудное.

— Но мы же выиграли?

— А кто принесет вам ваши деньги? Писарь-делопроизводитель от судебных приставов Петербургского окружного суда отправит бумагу в Минский департамент юстиции. В курсе, мой друг, что ненаглядный князь оправился от удара, и вновь держит губернию в ежовых рукавицах? Теперь представьте местного пристава, явившегося к нему с требованием в пятьдесят тысяч рублей.

— Задача. Советом поможете?

— Извольте. Обратитесь к питерским исполнителям. Как только в Минске задержка с взысканием выйдет, пристав туда отправится и такой шум учинит, что Трубецкого даже его родство с Гедимидами и Романовыми не спасет. Но с судейским делиться придется.

— Сколько?

— По-разному. От десятины и выше.

Снова поправив свое материальное положение, Плевако, любивший говаривать «я сытый, давно сытый человек», с торжествующим видом укатил в Москву. Самохвалов скрепя сердце побрел к столоначальнику приставов. Несмотря на победу в трех делах, им владело желание впредь всеми силами избегать российскую юстицию, хищное, жирное и абсолютно бесчеловечное чудовище.

Первые деньги поступили лишь к зиме — с продажи усадьбы злополучного капитана. Петр оплатил постройку новой аэродинамической трубы — огромной, в которой можно продуть самолет в натуральную величину.

— Однако-с! Дистанции огромного размера, — впечатленный увиденным, Жуковский даже Грибоедова процитировал. — А внутреннее убранство подобно вашему первому опытному залу.

— Намеряете на мою комнату в доме на Васильевском? Не судите строго, дорогой Николай Егорович, сваять трубу диаметром четырнадцать метров мне не под силу, да и незачем. В небе нет ровных потоков. Обдуваю аппараты как есть.

Пригород столицы, ограниченный несколькими железнодорожными ветками и перечеркнутый речкой Волковкой, был отдан воздухоплавателям по принципу: «Бери, Боже, что мне негоже». Излюбленное место лихих людей, дуэлянтов и прочих далеких от законопослушания субъектов приглянулось военным для артиллерийских учений. Когда же с увеличением дальности стрельбы Волковское поле стало тесноватым, эту местами заболоченную и обильно изрытую воронками местность отдали аэронавтам волей военного министра Ванновского. Подумаешь — болота, небо-то везде одинаковое, и во вновь образованном Воздухоплавательном парке ввысь поднялись первые русские офицеры.

Когда Самохвалов, пользуясь репутацией брата-поставщика лошадей для кавалерии и

собственной славой планериста, пробился на прием к генералу, тот на просьбу выделить охраняемый армией кусок территории сразу вспомнил про Волково. Там, где Можайскому указывали на дверь, Петр Андреевич проскользнул как нож в масло. Во-первых, он не просил святого — казенных денег, и без того на всех не хватавших. Во-вторых, его аппараты летали, а не елозили по траве.

Соседство аэронавтов пришлось как нельзя кстати. Рано или поздно начнутся полеты, и самолетами неизбежно заинтересуется Военное министерство, причем всерьез, а не как взбалмошные офицеры губернского гарнизона. Здесь же военная школа людей, грезивших небом, но имевшим шанс прикоснуться к нему только пока на воздушных шарах.

К железнодорожным путям, уходящим на Витебск и далее в злополучное княжество Трубецкого, Самохвалов пристроил ветку с тупичком. Туда и приходили вагоны с качественным зимним лесом. На старом фундаменте, верно, еще екатерининских времен, вырос сарай-переросток двадцать на четырнадцать метров, без единой центральной опоры, с покатою арочной крышей.

В одной из стен сарая красовались три двухсаженных отверстия с огромными пропеллерами, которые раскручивал купленный за недорого восьмицилиндровый двигатель с Охтинской верфи. В центре на замысловатом подвесе замер муляж самолета — крылья в натуральную величину, деревянный летчик в кресле, деревянный же макет мотора с двухлопастным винтом, хвостовое оперение.

В ангаре — ни единого лишнего предмета, пол из булыжника. Все имущество в соседнем, тоже весьма вместительном помещении.

Посмотрев через окошко новую аэродинамическую трубу в действии, Жуковский задал вопрос, который меньше всего ожидался от математика-теоретика:

— Петр Андреевич, вы второй год опытами занимаетесь, хотя и прошлогодние ваши снаряды лучше всех в мире были. Не пора ли летать?

— По больному режете. Каюсь, слишком хочется сразу создать хороший аппарат, пригодный к долгим полетам, да и испытателям риск уменьшить. Труслив я стал, батенька, после тех аварий.

— Осторожность — разумная штука. Только на макете и в трубе вы многого не поймете. Я, как обещал, помогу. Только уж зело заманчиво правоту своих выкладок в аэроплане увидеть.

— А самому полететь? Хотя бы пассажиром.

— В глубину души моей глянули, Петр Андреевич! Был бы премного благодарен. Один совет сразу дам: у вас крылья ровные, а мотор из одних углов. Вы бы и его ленточками покрыли, дабы узнать, где завихрения прячутся.

— Ленточки не в тягость, только как мотор обтекаемым сделать? Опять же, поток цилиндры обдувает и охлаждает.

— Значит, нужна гладкая крышка на мотор с прорезями для обдува. Боюсь, со временем придется все обтекателями закрыть. Раскосов и расчалок меньше делать, а может, и к одному крылу вернуться, как в прожекте вашего друга. Части, что сопротивление лишнее оказывают, — убрать. Как, кстати, Александр Федорович?

— Лучше. Даже к работе приступил. С Джевецким винты дорабатывают. Но из дому редко выходит.

— Прискорбно. Увы, годы берут свое, и нас не минет чаша сия. Но хочется поболее успеть. Посему еще раз спрашиваю: когда планируете начать летающий прототип?

— К зиме.

— Отчего так?

— Общая конструкция «Самолета-3» сложилась. Осталось решить два вопроса, в которых мне помогает Костович: доводка бензинового мотора и обшивка крыла. Вдобавок, зимой мне проще укатать летное поле. Коли машина полетит, весной уговорю военных засыпать неровности и воронки от артиллерийских потех.

— Обязательно позовите. Ныне хочу навестить Менделеева и, конечно, нашего бравого контр-адмирала.

— Был бы весьма благодарен. Его родные сыновья разве что письмо пришлют раз в полгода.

Самохвалов скрыл от Жуковского другой резон к началу полетов. В апреле в Питер приезжал Отто Лилиенталь. Немец начал с балансирных глайдеров, менее успешных, нежели у Арендта, зато смог извлечь максимум выгоды из публикаций о полетах в Минской губернии и построил подобный планер-биплан. Хотя часть своих открытий Петр успел защитить в России и Европе, а германский планерист не знал конструкцию и аэродинамический профиль крыла «Самолета-2», стало очевидно — Европа дышит в затылок с отставанием в каких-то два-три года, не более. Путиловские бензиновые авиамоторы, еще не поставленные на поток, покамест лучшие в мире, но в Германской империи трудятся Даймлер и Бенц, которые обязательно придут к тем же, а может — и лучшим конструктивным решениям ради автомобилестроения.

Отдавая должное Лилиенталю, Самохвалов отмечал честность гостя. Тот интересовался русскими достижениями достаточно деликатно, дабы не быть обвиненным в шпионстве. Дважды упомянул, что копировал схему «Самолета» исключительно в экспериментальных целях, а для платных развлекательных полетов и продажи планеров в Западной Европе и САСШ предлагал создать на паях коммерческое товарищество. Петр взял сутки на размышление, затем объявил германцу, что рассмотрит его оферту через год, когда будет готов годный для массового производства аппарат с бензиновым двигателем. Немец удалился, обескураженный. Он рассчитывал уже в текущем году заработать первые десятки тысяч марок от продажи аппаратов для парящего полета, аэропланы почитал следующим этапом.

А Самохвалов продолжал работать как одержимый. Фанерное крыло Костовича идеально держало форму, но одна обшивка плоскостей бипланной коробки тянула восемьдесят килограмм. Теоретический взлетный вес аэроплана получался порядка четырехсот килограмм, примерно втрое меньше, чем полная масса снаряда Можайского, но втрое больше, чем у «Самолета-2» с Петром на борту.

Так что твердое крыло — задумка на будущее, для скоростных самолетов с мощными моторами. Шелк дорог, и ремонтальность крыла оставляет желать лучшего. Испробовав десятки, если не сотни материалов, Костович и Самохвалов набрали на французскую ткань под торговой маркой Percal. Серб тут же запатентовал плотное хлопчатобумажное полотно, пропитанное одним из его «секретных цементов». Российская авиация получила неприхотливый материал, чуть более тяжелый, нежели лакированный шелк, и не столь жесткий, как арборит, но прекрасно сохраняющий форму на каркасе из нервюр, лонжеронов и стрингеров, позволивший сэкономить около сорока килограмм по сравнению с фанерным крылом, примерно десять процентов взлетного веса.

Огорчил Менделеев.

— Дорогой Петр Андреевич, на двух десятках образцов бензина получены категорически разные результаты. Их свойства сведены в таблицы, которые я вам немедленно передам, да только применить вы их вряд ли сможете, ибо неведомо, какой бензин купите в следующий раз. Надобна стандартизация перегонки нефти, подобная таковой в ректификации спирта.

— Что же делать, Дмитрий Иванович? Ехать в Баку и уговаривать тамошних заводчиков улучшить разгонку светлых продуктов?

— За чей счет, позвольте уточнить. Вкладывать изрядные средства в продукт, потребность в котором лишь с ваших слов известна, никто не решится — как чистящее средство бензин и так продается. Нет, нужно самим потребность породить. Коли Санкт-Петербург начнет моторное топливо не ведрами, а цистернами потреблять, они обеспокоятся.

— Как же создать спрос на бензин, не имея бензина для создания бензиновых моторов? Тришкин кафтан.

— Скорее — замкнутый круг. Но я помогу его разорвать. Первостепенное дело — наладить быстрый анализ образца бензина. Купите десять бочек из одной партии, я померяю параметры, и летайте на здоровье.

— Грандиозно. Кончится партия, можно делать новый мотор под новые параметры.

— Есть и другой способ. Скупить «верхушку» нефтепереработки, поставить перегонный куб и самим выделить фракции.

— Сколько будет стоить куб? Его производительность? Понимаете, Дмитрий Иванович, за час работы мотора спалится десятки литров. Я как начну летать, меня никто не остановит. Промышленные объемы нужны, а не лабораторные.

К августу Самохвалов сдержал обещание, данное Жуковскому, и запустил постройку «Самолета-3». За неимением лучшего места, сборку он разместил прямо в аэродинамической трубе, остановив опыты на ней. Собственно говоря, львиная доля конструкции планера была заказана на заводике Костовича: крылья, подкосы, хвостовое оперение, ажурный каркас фюзеляжа, несколько вариантов пропеллера.

Серб, снова воспылав к авиации, как проклятый трудился над доводкой авиамотора. Их совместное детище готовилось к выходу в свет в виде четырехтактного двухцилиндрового агрегата о тридцати лошадиных силах и почти ста килограммах веса. Наддув системы питания давал прирост аж до пятидесяти лошадей, но устойчивой работы в этом режиме пока не добились и запуск решили не откладывать аэроплана до отладки наддува.

Джевецкий настаивал, что пропеллер должен работать в диапазоне двести-триста оборотов в минуту, тогда как коленвал на полной мощности раскручивал больше тысячи. Моторно-винтовая установка прибавила в весе за счет маховика и редуктора.

В конце сентября, когда летательный аппарат начал принимать форму, впервые за всю авиационную эпопею Самохвалов решился на долгий коммерческий разговор с братом Василием.

— Ты надо мной потешался, а я таки выполнил отцовскую волю — увековечил нашу фамилию. Теперь в любом воздухоплавательном справочнике значится: создатель первого в мире аэроплана — Самохвалов.

— Петя, не строй иллюзий. Зря брата темным считаешь, и я газетки почитываю. В единый голос все твердят, что будущее за аппаратами легче воздуха, как их бишь... —

заводчик зашелестел стопкой газет на своем бюро. — Во, дирижаблями. Самохваловых запомнят как анекдот — придумали нелепый прибор, за слом коего сняли последние сапоги с почтенного князя Трубецкого.

Готовый к отповеди, Петр зашел с козырного туза — выложил коммерческие расчеты Лилиенталя полугодовой давности, полагаясь на извечный пиетет русского человека перед европейской мыслию, и не прогадал. Пока Василий проверял германские расчеты, насупив черные брови с ранней проседью, авиатор рассматривал брата, коего видел гораздо реже, чем энтузиастов небесных дел. Самохвалов-старший был полной противоположностью щуплого и низкорослого Петра: крупный, плечистый, с выпуклым пузом любителя выпить и закусить, окладистой бородой и черно-седой гривой, настоящий образец типичного русского купца.

— Занимательно, хоть и рискованно. Я в сей прожект ни гроша б не вложил, но тебя, пострела, насквозь вижу — не остановишься. Скорблю лишь, что деньги твои снова придется из верных дел доставать, — управляющий семейным капиталом Василий всегда радел о братской доле не меньше, чем о своей.

— Прими как данность и лучше советом помоги, как меньше дров наломать.

— Дров будет вагон и тележка — по неведомой тайге пробираешься, — Василий закусил коньяк осетриной и густо зачерпнул черную икру. — Могу лишь то сказать, что едино для продажи лошадей и твоих еропланов. Я так мыслю, что платные полеты на потеху публике сиречь реклама и забава, а не серьезный заработок, что бы твой Отто о них ни писал. Продавать аппараты для охотников сломать голову куда прибыльней. Покамест монополия у тебя, можешь ероплан сам-два, а то и сам-три продавать, кучу тряпок и железок по цене ахалтекинского рысака.

— Мой партнер Можайский всегда мечтал продавать самолеты Военному министерству. Что ты скажешь?

— Что средства, кои армия на покупку лошадей могла тратить, изведет на твои забавы. Ладно, шуткую. Сядь, не мельтеши, глядеть тошно. Когда повзрослеешь? Отец не дождался, царство ему небесное, и я не дождусь. Про Военное министерство так скажу, нескорое оно на новшества. С лошадьми проще: товар понятный, с кем надо приватно уладил — заказ в кармане. Но и там свои хитрости. Армии, скажем, не нужен арабский конь — быстрый аки молния, но нет выносливости в дальних маршах, ухода требует изрядного, болеет от бедной кормежки. Военным кони нужны тяглые и верховые, ко всему терпеливые, в меру быстрые и к подножному корму привычные. Твой ероплан, чтоб перед чистой публикой красоваться — любой годен, абы летал. Военные такой не примут. Скажут — надобно долго над врагом летать, разведку делать или, там, бомбу отвезти.

— Разведку любой сделает, кто над врагом пролететь способен.

— Не кажи гоп, Петя. Я тебе давеча говорил о лошадях, чем слушал? Ежели бы мой завод выводил лошадей, кои мне нравятся, а потом Ванновского убеждал их в кавалерию брать, Самохваловы давно бы на паперть перебрались. И про газеты сказал, читаю. В еростате военном завсегда двое, один прибором правит, другой в биноклю глядит. Сколько еронавтов твой ероплан возьмет? По очам вижу, не думал. Помни, брат, продажа казне не одними подношениями решается. А ежели — война, и от твоих ошибок на еропланах люди гибнуть начнут? Не отмолишь ни в храме, ни в ските! Посему — летай, но Военное министерство до поры не впутывай.

Петр Андреевич чувствовал стыд. Бесконечно далекий от авиации Василий на

основании одних только жизненного опыта и здравого смысла указал на проколы, о которых они всей толпой — Можайский, Джебевский, Жуковский, Костович — и не помышляли.

— Ладно, не кручинься. Что-нибудь да будет. Денег много надобно?

— Нет. С кормильца — князя Трубецкого — еще приход идет, да Костовича думаю в компаньоны брать. У него деньги есть и идей масса. Тебя не зову.

— Уж точно не мое это дело.

— Василий, а в нефтеперегонку не хочешь вложиться? Дело выгодное независимо от «еропланов».

— Не хочу. А чего про нефть пытаешь?

Петр рассказал про топливную проблему

— Доколе тебя всему учить. Вкопай на Волковском поле в землю железнодорожную цистерну. Потом сторгуй бензина на всю ее емкость. Присовокупи, ежели качество надлежащее — возьмешь еще. Увидишь, как нефтяные купцы зашевелятся. Лишку отдай аптекам да лабазам — на цистерне скидку получишь, аптекам дороже продашь.

— Спасибо, брат. Последний вопрос, не сердись, опять про военное ведомство. Коли аппараты продавать начну, секреты за кордон уйдут. От аэроплана для забав до военного — один шаг. Как тут интерес России соблюсти?

Василий приговорил очередную стопку коньяку, крякнул и отрезал:

— Никак. Мотай на ус. Вывели мы породу новую, армии — самый раз. Первых коней три года назад по военному закупу сторговал. Государю так понравилась, что жеребца и трех кобыл он кузену германскому презентовал, кичился, стало быть, перед Европой. Третьего дня читаю — уже и Франция мою породу полюбила. Вот как в России наши секреты хранят. Посему твой военный аппарат сразу у германцев окажется. Кто раньше выпуск освоил — отхватил монополию на два, добре если на три года. Не веришь? Купцы, что флоту и артиллерии товар продают, бают — везде так. Тут как пловец на море, уставши руками сучить — утонул или отстал от прытких.

Петр Андреевич вернулся на Васильевский в смешанных чувствах. Приятно, что есть брат, готовый поддержать словом и делом, да и мыслью толковой. Плохо, что впереди бесконечная конкурентная битва. Нет сомнения, что первый в мире аэроплан с двигателем внутреннего сгорания взлетит в России не позже текущей зимы. А потом? На Родине изобретение не оценят, или с опозданием, или медленно да враскачку, пока наглые европейцы не сопрут конструкцию и не обгонят. Можно вырваться вперед на голом энтузиазме там, где пока нет большой конкуренции. Когда иностранцы поймут перспективность аппаратов тяжелее воздуха, Самохвалову и кучке его единомышленников не выдержать гонку со всем миром.

Глава 1

1 декабря 1891 года — 25 марта 1892 года.

Санкт-Петербургская губерния

Декабрь 1891 года в окрестностях столицы выдался слякотным. Готовый к испытательным пробежкам «Самолет-3» томился в бревенчатом ангаре, как зверь в клетке. На выпускном коллекторе новенького мотора чернел нагар от пробных и вполне успешных запусков. Но кроме обдувок в аэродинамической трубе, в том числе с запущенным двигателем, ничего нельзя было сделать. Самолет, рванувшийся ввысь и норотивший пробить крышу сарая, бессильно сдался привязным канатам. Ни на лыжах в отсутствие снега, ни на колесном шасси, гарантированно вязнущем в грязи, выкатить машину не было решительно никакой возможности.

Самохвалов как мог, избегал огласки, но слухи о новом аппарате расползались, как бациллы. Кроме двух десятков человек, так или иначе прикосновенных к рождению третьей модели, о новорожденном были наслышаны все аэронавты Воздухоплавательного парка. Понятие «военная тайна» в мирное время не очень-то в России котировалось, да и Петр сотоварищи были людьми штатскими, как и их объект, хоть и на территории военного заведения. Вот и судачили офицеры, полетит — не полетит, а полетит — не разобьется ли. Сторонники аппаратов тяжелее воздуха спорили с поклонниками аэронавтики, кого из них больше — трудно сказать, ибо многие по нескольку раз на дню меняли лагерь. Понятно, что летавшие на аэростатах имели полное основание доверять проверенному способу, тогда как авиация оставалась чем-то гипотетическим.

Отмахиваясь от офицеров и газетчиков, Самохвалов пережил Новый год и Рождество. Крещенские морозы не подвели, зато снега было мало, и Петр Андреевич сколотил из офицеров-добровольцев первую в мире аэродромную бригаду. Они наполняли водой десятиведерные бочки из проруби, разливая речную муть по выбоинам.

Для пробежек хватило бы метров сто пятьдесят — двести. Но, памятуя о необходимости рано или поздно взлететь и сесть по прямой, Самохвалов уговорил воздухоплавателей залить полкилометра.

К окончанию работ навалила пороша. Теперь с полосы счищали лишний снег. Только в начале февраля, спустя почти два года после вторых логойских стартов, Петр скомандовал выкатить самолет из ангара и взялся за рукоятку управления.

В тот день никто не делал никаких снимков. Снег продолжал идти, сводя на нет усилия добровольцев. Но и обманывать их ожидания Самохвалов не хотел. Джевецкий и Костович мерзли рядом, Ян взялся за лопасть пропеллера, а пилот открыл топливный кран и крутнул ручку стартового генератора.

— Контакт!

— Есть контакт!

С третьей попытки мотор подхватил, закашлялся сизым дымом, поскользнувшийся студент чуть не попал под винт.

Как все символично, подумал Петр, рассматривая круг, в который превратились крутящиеся лопасти. Если бы авиация рождалась где-нибудь на юге, первые полеты сочетались бы с теплым морским побережьем, уходящими за горизонт виноградниками и ярким солнцем над головой. Здесь мороз и мерзкая влажность с Балтики. Ничего, пусть

самолеты появляются на свет там, где им суждено жить, — закаленное будит.

Самохвалов показал палец в перчатке. Помощники схватились за нижнее крыло. Он прибавил обороты, отчего ветер резко усилился, мотор заурчал, в прозрачный щиток его самодельной летной шапки начали барабанить крошечные шарики льда. Отмашка, крылья отпущены, и машина, словно нехотя, потащилась на лыжах сквозь легкую пургу.

Пошевелив педалями, Петр ощутил, как аппарат откликается на руль направления, медленно забирая вправо или влево. По идее, с ростом скорости он должен более чутко реагировать, но и теперь хотя бы в некоторой степени можно управлять движением самолета по снегу.

Проверив элероны и руль высоты, испытатель обернулся. Его спутники бежали за самолетом, постепенно отставая и пропадая в снежном тумане. Тогда он сбросил газ, после чего голос двигателя и пропеллера с басовитого урчания сменился на лопотание, попробовал развернуться своим ходом. Не тут-то было. Потеряв скорость, аппарат просто зарылся в снег. Настигшие соратники развернули самолет за крыло, Петр снова газанул и кое-как дополз до ангара. Все вроде бы и удачно, но пробовать взлетать по такой погоде — чистой воды самоубийство.

Наглотавшись выхлопа, гремучей смеси дыма, подгорелого масла и не до конца сгоревшего бензина, испытатель первым делом затребовал установить патрубок, отводящий выхлопные газы в подбрюшье.

Только через неделю, сполна наездившись вдоль железнодорожного полотна, Самохвалов решился на подлет. Солнце не показывалось, снег кончился, и под пасмурным питерским небом на авиатора свалилась очередная неудача. При разбеге мотор закашлялся, застучал и заглох, не набрав обороты. Пробные пуски на месте да пробежки на лыжах при низкой температуре и загустевшей смазке угробили движок. Хотя нечто подобное предусматривалось, снятие, установка нового, его регулировка и обкатка заняли три дня.

Наконец, свежеотрегулированный двигатель, накормленный самым текучим в зимних условиях маслом, смог набрать полные обороты, и самолет, пробежавшись по снегу, плавно приподнялся на метр-полтора. Торопливо скинув газ, Петр спланировал обратно, успев почувствовать лишь попытку аппарата завалиться на левое крыло из-за вращательного момента от винта. Насколько проблематично будет удерживать горизонт элеронами, он не знал, да мог никогда и не узнать, потому что его чуть не убили, выдернув из аппарата и подбрасывая на руках в высоту гораздо большую, чем сегодня освоил аэроплан.

Несмотря на общий восторг, вылившийся в эйфорию, Самохвалов еще на полторы недели затянул с публичным показом, совершая подлеты, минимальные маневры над полосой на высоте не более трех метров, заставляя студентов и механика с Путиловского завода устранять мелкие, но многочисленные огрехи.

Во вторник, 23 февраля 1892 года, в ясный солнечный день, когда в воздухе висело предчувствие масленицы и весны, на обычно негостеприимное Волковское поле прибыло три десятка самых разных господ: военные, промышленники, воздухоплаватели, ученые и вездесущие журналисты. Василий Андреевич, доселе игнорировавший воздушные забавы братца, также приехал глянуть, куда в самом прямом смысле слова улетают семейные денежки. Осторожно, как античную амфору, Самохвалов привез Можайского, который грозился умереть от горя, если не увидит первую публичную демонстрацию их детища.

Джевецкий, баловавшийся авиационным конференсом со времен Планерной горы под

Логойском, взял слово и здесь:

— Милостивые государи! Как вы знаете, России принадлежит приоритет первого старта аппарата тяжелее воздуха с собственным двигателем. Это достижение принадлежит моему другу Петру Андреевичу Самохвалову. Оно установлено им два года назад в Минской губернии, начальство которой оказалось не слишком просвещенным для малой родины нашей авиации. Сегодня вы увидите краткий полет на аэроплане с двигателем внутреннего сгорания. Если эксперименты двухлетней давности служили лишь для изучения самой возможности моторного полета на снаряде тяжелее воздуха, сегодня мы опробуем прибор, служащий прототипом аппаратов для длительных и высотных вояжей. Дабы не подвергать ненужной опасности авиатора и находящихся внизу людей и животных, мы пока ограничиваемся прямыми полетами на небольшой высоте. Но так как слухи о наших экспериментах взбудоражили столицу, мы не считаем себя вправе далее скрывать, как движется прогресс. Пусть вас не разочарует малая дальность и высота — если не в этом, то в следующем году мы всенепременно полетим над Невой!

Джевецкий не сорвал аплодисментов как Плевако. Но ему и не надо было кого-то убеждать или защищать. Самолет мог заявить о себе сам.

Наблюдательная комиссия столпилась у длинного сугроба высотой в полметра, перечеркнувшего полосу примерно посередине. Петр рассуждал так — ненарушенность снежного покрова будет самым очевидным доказательством полета, а в случае неисправности он не разобьется при ударе в снег.

Бывают дни, о которых говорят — тогда вершилась история. Чуть, история движется даже в самые заурядные периоды, когда, кажется, что решительно ничего не происходит. Но действительно бывают судьбоносные даты, разрезающие бесконечную череду восходов и закатов на «до» и «после». Однако в течение самого исторического дня участники событий далеко не всегда ощущают монументальность момента. Вот и сейчас Самохвалов лишь чуть-чуть тщательнее, чем обычно проверил самолет, натянул на лицо шерстяную маску и очки-консервы, мелкие и чрезвычайно полезные изобретения последней недели. Урчание двигателя сменилось воем полных оборотов, заснеженная полоса скользнула под лыжи. Справа железнодорожная насыпь, слева замерзшая река, впереди — кучка зрителей, опрометчиво сгрудившихся у самой полосы. Ощущение отрыва, мягкое движение рукояти, компенсирующее действие винта и не дающее излишне воспарить вверх. Как только головы комиссии ушли под левое крыло, Самохвалов сбросил газ и через несколько секунд снова катился по снегу. Надеясь, что твердый наст не подведет, чуть прибавил оборотов, дал педаль, развернулся и вторично пошел на взлет, перемахнув через сугроб с юга на север. Привычным уже движением подогнал машину к ангару, вырубил зажигание, сдал самолет в студенческие руки и поковылял навстречу гостям.

Петр пожимал чьи-то руки, слушал поздравления, что-то отвечал, а сам протискивался к черной стариковской фигуре в неизменной контр-адмиральской форме. Растолкав придворный генералитет, он придвинулся к Можайскому и обнял его, зарывшись лицом в седую поредевшую бороду. Фотограф, не сподобившийся снять самолет в полете — уж слишком быстро, окаянный, мелькнул, стал разворачивать треногу в сторону обнявшихся мужчин, а Самохвалов спросил:

— Могли ли вы тогда у Дворцовой набережной поверить, что через три года полетит наш с вами самолет?

— Тогда я мог лишь верить, что при любой возможности оборву уши мелкому нахалу,

что вздумал шутить над стариком, — Александр Федорович действительно взял Петра за тонкие мальчишечьи уши, но отрывать их передумал.

Потом были официальные восторги, индивидуальные и групповые фото у самолета на земле, осмотр пилотской кабины, расспросы студентов и их степенно-гордые ответы, но это уже решительно ничего не меняло. Колесо истории только что прошло одну из своих реперных точек — в России появилась авиация — и неумолимо покатилося дальше. При этом на Волковском поле внешне ничего не изменилось, только полеты становились все длиннее, а проведенное в воздухе время — больше.

Вторая площадка в километре к югу от конца первой позволила первый раз набрать высоту, сравнимую с достигнутой в парении под Логойском. Самолет провел в воздухе больше минуты, совершая небольшие повороты вправо-влево «блинчиком», без виража. По всем признакам пора было попробовать полет по кругу, с посадкой на месте взлета, но Петр откровенно боялся ненадежности двигателя. В Коктебеле и под Минском он управлял аппаратами весом в менее сотни килограмм над ровной пустошью, готовый опуститься где угодно. Вокруг Воздухоплавательного парка сплошь железнодорожные пути, овраги, заросшее деревьями кладбище, речка и прочие препятствия, разбивайся — не хочу. Выключая мотор, Самохвалов прикинул, что машина без встречного ветра пролетает вперед примерно впятеро больше, нежели теряет высоту. То есть, поднявшись метров на пятьдесят, он имеет аварийный запас по горизонтали всего двести пятьдесят метров, и если в этом радиусе нет ровного пятака — авария, а то и смерть.

Перед вылетом по кругу Петр заставил механика и Костовича разобрать и собрать двигатель, проверив каждую деталь. Но как назло мотор закашлял и потерял обороты в полукилометре от ангара на высоте метров сорока. Самолет удалось кое-как посадить на мартовские сугробы, поломав лыжи, стойки шасси и винт. Сняв коньяком нервное напряжение от аварии, Самохвалов собрал на Васильевском малый штаб авиационной аферы: Костовича, Джевецкого, студентов и, естественно, Можайского.

— Коллеги, в нашем деле нарисовался плюс и очень большой минус. Плюс в том, что имеем хорошо летающий аппарат. Минус в возможности разбиться вдребезги во время любого вылета из-за отказа мотора. Мы получили вынужденную паузу. Самолет можно восстановить за неделю, но на носу весенняя распутица — не разбежишься ни на лыжах, ни на колесах. Высказывайтесь, господа. Начинаем с самых юных братьев по разуму.

Ян Кшесинский заявил, что к планеру особых претензий не возникло, аппарат может поднять дополнительно несколько десятков килограмм груза, если это позволит увеличить мощность или надежность силовой установки. Владимир Таубе, который больше занимался силовым набором, заверил, что теоретически возможно поместить моторамы на нижнее крыло и установить два мотора, подобных используемому ныне. Понятно, что центровка изменится, пилотское кресло придется сильно вынести вперед. Зато обзор станет лучше.

— Ясно, возможен экстенсивный путь удвоения винтомоторной группы, — Самохвалов черкнул в блокноте. — Чем вы нас обрадуете, Стефан Карлович?

— Пропеллер, за который я подписался ответственным, не дает ожидаемого КПД. Мы пробовали двухлопастный винт, изменяя его шаг. Проблема в том, что внешняя часть пропеллера движется гораздо быстрее, чем ближняя к ступице. В идеале, если рассматривать каждую лопасть как отдельное крыло, у ступицы угол атаки должен быть больше, чем на периферии. С судовыми винтами, кстати, похожая проблема. Но нужны новые

эксперименты и помощь Жуковского. Если хотя бы процентов на десять-пятнадцать увеличу КПД, на столько же разгрузится двигатель.

— Огнеслав Степанович, главный вы наш моторист. Как сделать, чтобы в воздухе двигатели не умирали?

— Признаюсь, трудно. Пока ничего коренного не придумали, предлагаю собрать четырехцилиндровый двигатель.

— Весом в двести кило?

— Нет, конечно. При увеличении рабочего объема вдвое я обещаю увеличить массу не более чем на шестьдесят процентов. Из тех же шестидесяти лошадиных сил без наддува сможете использовать, скажем, сорок пять — пятьдесят сил, полную мощность только на взлете. Да, взлетная масса увеличится, расход топлива вырастет вдвое. Зато энерговооруженность вырастет. Попутно придется металлургией заниматься. Гильзы цилиндров пробовать из оружейной стали, блок, наверное, из чугуна. Никогда не занимался алюминием, хочу попробовать из него сделать ребра охлаждения блока и головки.

— Считаю, сколько нужно денег, и ждем новый мотор. Остались вы, любезный Александр Федорович.

— Без меня молодежь все сказала. Ничего нового не придумаю, а предлагаю все меры соединить. Во-первых, если средства позволят, заложить один новый планер, подобный третьей модели, под двигатель в шестьдесят лошадей. Во-вторых, набросать эскизный проект двухмоторного биплана — думается мне, он поболее должен стать, чем наша тройка. Винты получше — всегда хорошо. Петр говорил, на высоте столько мощности не обязательно как на взлете. Стало быть, двухмоторный самолет безопаснее, ибо на одном моторе до посадки дотянет. Так, Петр Андреич? А с увеличением мощности и числа моторов надо бы о втором человеке на борту подумать. Сдается мне, биплан с двумя шестидесятисильными движками точно может быть двухместным — для коммерческого извозу и в армии для второго пилота-наблюдателя.

— Вот и славно, господа. Все внесли свою лепту. Теперь о сроках. К маю поле просохнет, нужно снова начинать летать. Огнеслав Степанович, если в мае не будет реального прогресса с мотором, придется к немцам на поклон идти. Лучше с германцем в компании летать, чем одному на земле сидеть.

— Чтобы славянин не справился и к ним за помощью обратился? Никогда! — заявил сербский националист и поклялся не вылезать из мастерских, пока гарантированный ресурс двигателя не станет более десяти часов.

Глава 2

25 мая — 12 июля 1892 года.

Санкт-Петербургская губерния

Умер Можайский.

В этот день немногословный компаньон Петра был молчаливее, чем обычно, задумчив, периодически по его лицу пробегала тень — болело в левой стороне груди.

— Полежали бы сегодня, Александр Федорович!

— Спасибо, Петр Андреевич, но — нет. Составите компанию в променаде?

На набережной Невы он часто оглядывался, подходил к парапету, разглядывал суда, ждущие развода мостов, дабы подняться вверх по течению. Морская техника наполняла большую часть его жизни, брошенная ради мечты о небе, которое оставалось столь же пустым, как и до него. Аэростаты над Питером не летали, а единственный подъем третьей модели на высоту около пятидесяти метров еще никак не являлся заполнением воздушного пространства.

— Что это Огнеслав вчера такой радостный примчался?

— Не хотел вас вчера волновать, но наш друг, похоже, нашел проблему, из-за которой движки ломались.

— Петр, радостные волнения мне на пользу. Что же он, два месяца неисправность искал?

— Нет, но он не хотел быть пустословным. Новая версия тридцатисильного мотора, по его словам, на двадцать килограмм легче и имеет ресурс более пятидесяти часов! Он гонял мотор с пропеллером на восемьдесят процентов оборотов непрерывно в течение суток и обнаружил всего четырехпроцентное снижение компрессии.

— Не верится.

— Пока сам не взлечу на новом движке, мне — тоже. Но объясняет он весьма логично. В его старой восьмицилиндровой машине был полукубовый испаритель бензина, в котором воздух медленно двигался над ванночками с топливом. Грязь из бензина и воздуха оседала в ванночках, которые изредка мыли. В самолете же грязь начала засорять систему питания и оседать нагаром на свечах, вот мотор и потерял обороты. В общем, Огнеслав исправил двигатель с последнего полета и собрал новый, облегченный, переделав картер и потратившись на дорогой алюминий. Добавил воздушный и топливный фильтр, а также масляный радиатор к летним полетам.

— Отчего ж не летаем?

— Солдаты до сих пор ровняют Волковское поле. Взлетать с оврагов увольте-с.

— Медленно?

— А когда в нашей армии что-то делалось быстро? Впрочем, случилось, только это была не российская армия. У нас если кто суетится, подозрительно сразу, может — шпиен.

— Вот и я торопиться не буду. Посижу.

— Вам плохо?

— Нет, будьте покойны, Петр Андреич, голубчик. Сейчас пройдет.

Шаркающей стариковской походкой, совсем не напоминающей адмиральскую выправку, Можайский проследовал к скамье, присел, запрокинул голову и сказал:

— Теперь все хорошо.

Он смотрел на небо.

Прошло не менее пяти минут, пока Самохвалов осознал, что его единственный за всю жизнь настоящий друг и товарищ больше не дышит. Мертвые глаза по-прежнему смотрели вверх, а в них отражались облака, к которым изобретатель тянулся не только взглядом, мыслью, мечтой, но и горячим металлом аэроплана.

В доме на Васильевском после отпевания и похорон собралось, наверное, человек под триста. Моряки, воздухоплаватели, военные, статские, прочая почтенная публика. Слушая речи посмертных клеветов Александра Федоровича, Петр вопрошал про себя: где ж вы были, соколы мои, когда Можайский гнил в нищете и забвении, тщетно пытаясь реанимировать в России идею полетов на аппаратах тяжелее воздуха. Он сам помог отставному адмиралу на достаточно жестких условиях и окончательно убил его поползновения достроить «снаряд». Но, сделав пионера авиации соавтором первых трех моделей самолетов, помог завершить ему жизнь с осознанием, что она прожита не зря. Тем более, Можайский не был нахлебником и балластом — множество его идей и результатов каждодневного рутинного труда воплотились в рукотворных птицах.

Сыновья Александр и Дмитрий, извещенные телеграммами о смерти батюшки, к похоронам не успели. Навестив свежую могилу на Смоленском кладбище, они заявили на Васильевский, озвучили приличествующие случаю скорбно-проникновенные фразы и заявили Самохвалову претензии на долю в изобретении аэроплана в качестве наследства.

Раньше Петр их не видел. Отец в силу родственных чувств никогда не оценивал их объективно, то трогательно вспоминая их детство, то скорбя об их бессердечии в его последние годы.

Двое неприметных людей, обоим, вероятно, в районе тридцати лет. Один в пехотном, другой — в статском мундире. Лица, утомленные борьбой за жизнь и крайне сей борьбой недовольные.

Наткнувшись на арктическую холодность Самохвалова, офицер попытался объяснить.

— Петр Андреевич, войдите в наше положение. Да, воздухоплавание — это прекрасно. Но всему есть предел, и он наступает, когда нечего есть. Отец промотал на свои опыты семейные накопления, наследство деда, приданое нашей матери, оставив нас ни с чем. Мы, дворяне из хорошей семьи, вынуждены начать с нуля, как кухаркины дети.

— Ну-с, под циркуляр «О сокращении гимназического образования», который пресса как раз и прозвала указом о кухаркиных детях, ни вы, ни ваши наследники не подпадают. Вы же столбовое дворянство. Я, извините, из простых.

— Зато вы — мильенщик. Дворянская честь, фамилия и привилегии — это, конечно, важно, но кушать надо каждый день. И семье, и нашим маленьким Можайским. Посему хотелось бы знать, какова наша доля. Помнится мне, в газетах писали, плохо летавшие первую и вторую модель вы в суде в мильен оценивали. Сейчас есть удачная третья.

Две пары глаз, наполненных жадной урвать хоть что-нибудь, почитавшееся справедливой платой за годы лишений, требовательно сверлили Самохвалова. Упование наследников на золотой дождь, изначально раздражавшее Петра, начало забавлять.

— Извольте считать, что самолет стоит мильен, сиречь вам обоим я полмиллиона должен?

Офицер проявил сдержанность, младший судорожно дернул кадыком и кивнул. Авиатор выдержал небольшую паузу и обрушил ливень неприятственных фактов на несостоявшихся богачей.

— Взнос вашего отца в наше товарищество составил два паровых двигателя производства Обуховского завода. Много позже я узнал, что полторы тысячи рублей за них оплачены Морским министерством. Более трех лет ваш отец жил в моем доме, столовался и, сверх пенсии, получал ежемесячно двенадцать рублей пособия. За три года я оплатил его векселя на тысячу шестьсот тридцать рублей, дабы он не угодил в тюрьму за мошенничество. Расписки имеются. Свой нелепый снаряд, что стоял в Царском Селе, адмирал собственноручно спалил. Посему его материальный вклад в наше общее дело есть величина отрицательная.

В Англии Самохвалов видел кулачные бои, нареченные благородным словом *бох*. Сейчас братья напоминали боксеров, пропустивших удар и упавших на руки секундантам. Первым от нокдауна оправился статский, чуть более подкованный по вещным правам, и заголосил:

— У отца есть доля в вашем товариществе! Не все определяется материальным вкладом. Встретимся в суде.

— Я даже не пойду туда, отправлю своего поверенного, Плевако.

Подхватившийся было наследник опустил на место. Петр не стал уточнять, что выход из гавани адвокатского крейсера «Плевако» обойдется ему примерно во столько же, как и казне боевой поход линейного броненосца.

— Как вы поняли, господа, к вам я отношусь без малейшего пиетета. Как бы вы ни оправдывались, вашему отношению к тяжело больному отцу нет никаких извинений. Кстати, наше товарищество не было зарегистрировано. Зачем — мы не извлекали дохода, да и сейчас до прибыли далеко, а друг другу вполне доверяли. Я не хочу обижать внуков Можайского. У вас, поручик, их, кажется, двое? Я вам выпишу чек на восемь тысяч рублей. Надеюсь, и у Дмитрия они когда-нибудь появятся, потому четыре тысячи авансом. Сочиняйте расписки, господа, с отказом от всяких претензий ко мне лично и каких-либо притязаний на доходы от использования изобретений отца.

Они переглянулись.

— Саш, давай к поверенному сходим? Может, больше получим.

— У тебя деньги на поверенного есть?

— Нет. Одолжить попробую.

— Я — пас. Пишу расписку.

Самохвалов, наблюдавший за братской мышью возней, отрицательно покачал головой.

— Так никто ничего не получит. Мне нужен отказ от обоих наследников, или пусть общаются поверенные.

Синица весом в двенадцать тысяч рублей оказалась весомее журавля в небе, который не то что не летал, но и вылупляться не думал. Уладив дела с сиротками и получив некоторую брешь в собственных текущих операциях, Петр предложил официальный пай Костовичу и Джевецкому во вновь создаваемом акционерном обществе «СаМоЛет». Период финансовых жертв, экспериментов и демонстраций рано или поздно придет к концу, а уж заработки надо приходить и делить по закону.

Российский император Александр III не любил Ванновского и терпел его с трудом. Все министры тщательно подобранного кабинета разделяли императорское мнение о чрезмерности реформ его отца. Благодаря консервативному и взвешенному правлению

Россия переживала период расцвета. Именно эти слова нравились самодержцу — подъем, расцвет, преуспевание. Совсем иначе воспринимался другой словесный ряд — революция, прогресс, реформа. Лишь единственный министр не вписывался в парадный круг Государственного совета и судачил о необходимости реформ в армии, революции в технике и прогрессе вооружений. Царь был уверен, что со времен Александра Невского в армии лишь одно изменилось — появилась артиллерия. Победу обеспечивали стойкость пехоты да неукротимость кавалерийской лавы.

Пока Ванновский талдычил о переходе с однозарядной винтовки Бердана на магазинную, императора привлек странный жужжащий звук за окном. Над Невой, выше мостов и крыши Зимнего дворца, а может, и шпиля Петропавловки, летел белый биплан. Александр остановил министра царственным жестом, а какие еще могли быть у царя, и шагнул вплотную к окну. Превратившийся в точку аппарат развернулся на северо-востоке и вновь двинулся к дворцу вдоль левого берега.

— Петр Семенович, это и есть «СаМоЛет», о котором вы мне давеча докладывали?

— Так точно, государь император.

— И кто разрешил эскапады прямо против дворца? Я вас спрашиваю, господин министр. Все воздушные экзерсисы через Воздухоплавательный парк проходят, по вашему ведомству, не так ли?

Зная сварливый характер императора, Ванновский молчал. Увы, на Руси всегда можно лишь прямо дозволенное. То, что несущийся над Невой авиатор не нарушал никакие правила полетов по причине отсутствия оных правил, извинением не служило: пока не получил соизволения, не смей летать пред высочайшим оком.

Столпившиеся на набережной праздные гуляки прильнули к парапету. Меж тем аэроплан снизился и пронесся на высоте саженной десять акkurat вдоль берега, позволяя рассмотреть себя во всей красе. На нижней поверхности крыла и на хвостовом оперении гордо сиял российский триколор. Когда самолет промелькнул ровно напротив окна, император успел разглядеть слово «Александр» на обтяжке фюзеляжа между крыльями и хвостом, а также цифру три на капоте. Зеваки тоже разглядели. Сквозь оконные рамы снизу донеслось: виват, Александр, виват, Россия!

Самодержец смягчился. Демонстрация монарху верноподданнических чувств никогда не бывает избыточной.

— Господин министр, извольте как-нибудь доставить ко мне дерзкого воздухоплателя.

Приземлившись на наскоро подготовленной площадке Васильевского острова, Самохвалов стянул куртку и летную шапку. Несмотря на прохладу и изрядный ветер от пропеллера, он был мокрый как мышь. Самый длинный в истории сорокаминутный полет дался ему с немалым нервным напряжением. Но и впервые, пожалуй, с Логойска Петр получил настоящее наслаждение. Теперь он не только управлял экспериментальной машиной, отдавая управлению ею все внимание.

Поверив, наконец, новому мотору Костовича, Петр постепенно наращивал продолжительность вылетов. Но на Волковском поле ему стало тесно. Солдаты разровняли крохотную дорожку, садиться и взлетать на которой было опасно — дистанция в обрез.

Вдобавок начальник воздухоплателей Александр Матвеевич Кованько изволили изобразить ревность и запретить подниматься в воздух в дни полета аэростатов. Не вступая с ним в полемику, Самохвалов с новым компаньоном оставил там сборку второго аэроплана

третьей модели, а с облетанной машины сняли крылья и хвост, загрузили на три подводы и перевезли на Васильевский, ближе к заливу. Второй «трешке» родиться было не суждено — из ее узлов впоследствии собрали прототип новой серии.

Перед рекордным вылетом Петр собственноручно намалевал на обшивке российские флаги, тройку на обтекателе двигателя и «Александр Можайский» на фюзеляже, причем имя покойного уместилось на левой стороне, фамилия — на правой. О том, что император — тезка человека, к сорока дням, по смерти которого приурочен полет, авиатор и не задумался. Маршрут над рекой был выбран не случайно — посадка на ее гладь при неисправности влекла купание в теплой летней воде, но не катастрофу.

Примерно через час-полтора после приземления, когда Костович и Самохвалов проверили состояние агрегатов и собрались уходить, на взмыленном коне к ним примчался штабс-капитан из аппарата Главного штаба, со времен разбирательств с Можайским считавшийся экспертом по воздушным проектам.

— Петр Андреич, личная просьба Ванновского — до высочайшего соизволения в Санкт-Петербурге и окрестностях не летать.

— Что случилось, Георгий Дмитриевич? Самолет испугал любимую болонку некой княжны?

Офицер покинул седло и, пользуясь, случаем, оглядел аппарат.

— Хуже, дорогой Петр Андреевич, вы самого Императора изволили взволновать. Однако же он не гневается, за патриотическую надпись на корпусе приказал вас к нему доставить.

Тут штабс-капитан начал ржать.

— Понятно, что он фамилию Можайского не прочитал, она к реке обращена была. Но тройка-то откуда?

— Третья модель, — пожал плечами Самохвалов.

— Анекдот-с. Но коли он до государя дойдет, быть беде. Ванновского он точно съест. Петр Андреич, голубчик, белая краска есть? На помилуй Бог прошу: закрасьте правый борт, не доводите до греха. И ни слова никому, даже Обручеву. Могу на вас уповать?

— Всенепременно.

— Вот и славно. О времени высочайшей аудиенции будете извещены дополнительно. Честь имею.

Авиатор проводил взглядом лошадиный круп, сходил за ведром с белилами и буркнул:

— На «четверке» напишем просто «Можайский», без Александра. Чтоб без иллюзий.

Но высочайший прием состоялся, куда раньше рождения четвертой модели. В Гатчинском дворце предстоял бал, а накануне император в ближайшем своем окружении мирил французского и германского посланников. Республика, понимавшая, что находится в ладони Кайзеровской империи, и той достаточно лишь хлопнуть второй ладошкой, втиралась в число друзей России, германского союзника, мечтая прикрыться, сей дружбой от перспективы оккупации.

На эти судьбоносные для Западной Европы маневры Самохвалов был вызван как некое русское диво, для смягчения обстановки. Медведь с балалайкой, только очень высокого уровня.

— Вот и наш воздушный акробат, что нарисовал на своем воздухоплавательном аэроплане мое имя и летал над Невой под окнами Зимнего, — при иностранцах Александр III чуть-чуть изображал прогрессиста и потому лично представил летчика послам.

— Уи! Наслышаны, что и гораздо выше дворца, — прогнулся француз. Немец скромно промолчал. Полеты Лилиенталя не шли ни в какое сравнение с вояжем у Невы.

— Могут наши изобретатели, коли захотят. Господин воздухоплаватель, нам докладывали, дескать, ваше дело — перспективное для России. Не желаете в Европу съездить, технике поучиться?

— Благодарю, Всемилостивейший Государь. Только Европа от нас лет на десять отстала, впору им у нас уроки брать.

Император повернулся к послам. Крыть нечем? Эх, англичан бы сюда, им нос утереть. Если гора не идет к Магомету...

— Нужно, чтобы все видели мощь России. Полагаю, круиз нашего воздухоплавателя по европейским столицам этому послужит. Петр Семенович, вы сию кашу заварили, вам ее и дальше расхлебывать.

Военный министр уволок тезку под локоть.

— Удружили вы мне, Петр Андреич! Кто вас дернул у дворца упражняться?

— Так ведь река там, Петр Семенович, падать мягше. Кто ж виноват, что императорских дворцов у нас больше, чем рек.

— Не знаю, помогли вы мне или пакость учинили. От государева настроения зависит. Когда к вояжу готовы будете?

— На следующий год, не ранее.

— Что так? Император меня спросит — что мне ответствовать?

— Нужно двухместный самолет достроить и обкатать, иначе как французов поразить. Оставить здесь дело в таком виде, чтобы без меня оно двигалось, а не стопорилось. Офицеров начать обучать, наконец. Много сделал бы. Но ничего не получится.

— Как так? — министр от неожиданности чуть не оступился.

— Запрещено летать мне до высочайшего соизволения. А государь ясно сказал — давай, но в Европе.

— Сейчас сей конфуз уладим, — и Ванновский снова потащил Самохвалова к императорской беседке, трепыхавшегося у локтя массивного министра, как яхтенный тузик у парусника.

С непостоянством, простительным лишь королям, Александр III не только вдруг стал поклонником воздухоплавания, но и выделил под сии нужды большое поле и казармы, прямо здесь, в Гатчине, возжелав лично наблюдать за столь непочитаемым им прогрессом. Самохвалов получил карт-бланш и абсолютно ненужную опеку.

Глава 3

1 августа 1892 года — 20 мая 1893 года.

Санкт-Петербургская губерния

— Огнеслав, не кажется ли тебе, что твои электрические забавы отвлекают и от авиации, и от арборита? — Петр относился к той породе изобретателей, что мог годами бить в одну точку, и не понимал метания Костовича и Джевещкого, которых увлекало решительно все на свете. — Спалишь свой заводик, где будем крылья собирать?

Мастерская предприимчивого серба напоминала свалку электротехнической продукции. Начитавшись про опыты Теслы, он решил повторить часть из них, попутно изобретая что-нибудь свое. Пожары и верно случались, пару раз его хорошо обожгло, и раз дернуло током, но не остановило.

— Обижаешь, друг мой. Гляди.

Привычная взору запальная свеча от авиамотора была зажата в тиски рядом с такой же, но чуть иного вида. Подав на первую из них напряжение от магнето и вручную щелкая прерывателем, Костович сказал:

— Бензиновые двигатели имеют низковольтное зажигание. Потому расстояние между электродами свечи малое, искра слабая. После каждого полета свечу надобно вывернуть, зачистить и зазор проверить. Теперь по методу Теслы ставим повышающий трансформатор, — он включил между прерывателем и второй свечой бобину, крутанул магнето и наслаждался, когда Самохвалов дернулся от неожиданно громкого щелчка. — Это всего-навсего сто десять вольт. Я доведу до нескольких сотен. Пошли еще кое-что покажу.

На слесарном участке дремал новый четырехцилиндровый двигатель. Проявив своеволие, серб исполнил его по оппозитной схеме.

— Понимаешь, в рядном моторе обдув заднего цилиндра никак не получался. Нужно водяное охлаждение, но это опять вес и куча новых деталей. Но зато я обошелся без второго распредвала. Видишь — он один, от него в трубках штоки к головкам, открывают клапана через коромысла. Но главное — новые свечи. Я под нормальной нагрузкой не пробовал пока, с пропеллером, только сдается мне, что расход топлива возрастет не сильно.

— Новые свечи надежны?

— Пока нет, — честно вздохнул Огнеслав. — Как у меня нормально получается, я сразу напряжение поднимаю. На 110-вольтовых мотор гарантированно работает час, потом менять.

— Плохо. По мне лучше старые, но надежные, чем твои отличные, но опасные.

— Не дрейфь. Пока что я на каждый цилиндр по две ставлю. Одна из строя выйдет — сильно разницу не заметишь, чуть сгорание ухудшится. И не рычи на меня, коллега. Запасной мотор на тройку есть — летай на здоровье. Больше двухцилиндровых делать не буду. «Четверка» уже почти готова, но без нового мотора она стоит и проветривается. А ты меня с двухмоторным понукаешь. Пока «пятерка» вообще безмоторная.

— Стало быть, двухместку ты и не начинал.

— Снова обижаешь. Жестокие вы, русские.

Хитрый серб провел компаньона в сарай, где показал готовые каркасы под обтяжку перкалью.

— Не зашиваю пока, хочу размер моторамы уточнить. И как бы я ни экономил на

улучшении сгорания, два четырехцилиндровых двигателя куда больше сожрут, чем один двухцилиндровый. Как ни крути, бак нужен литров на четыреста. Внутреннее пространство верхнего крыла, над центропланом, под бак уйдет, чтобы бензин самотеком вниз поступал.

Петр присвистнул. Летая над сугробом перед комиссией, он плеснул в бак одно ведро бензина. Четыреста литров да масса самого танка добавляют килограмм триста пятьдесят к взлетному весу. Крепление крыла должно такую массу выдержать, значит, и оно потяжелеет. На шасси нагрузка. Даже без пассажира медленно, но уверенно приближаемся к тонне.

Оставшаяся часть лета ушла на исполнение государева веления о переезде в Гатчину. Коли выбирать дворец, Петр предпочел бы любой из них на побережье Финского залива, чтобы нарезать километры над мелководьем и всегда иметь под крылом водяную подушку. Но не объяснять же это императору.

Памятуя про опасность близости к сильным мира сего, неосторожно приближающимся к малоиспытанному воздушному аппарату, Самохвалов решил перестраховаться бумажками, где и как мог. Он оформил казарму, сарай и кусок поля в безвозмездное пользование акционерному обществу «Садко» (Самохвалов-Джевецкий-Костович). С военным ведомством составил кабальный для последнего договор, в котором предусмотрел финансирование последним обучение военлетов на самолетах «Садко» по очень смелому тарифу, отсутствие какой-либо ответственности за травмы и гибель курсантов вследствие несовершенства новой техники, полную и всеобъемлющую ответственность армии за утрату или порчу самолета.

История подписания этих документов могла составить тему отдельного романа. Ванновский лично черкал самые неудобные пункты, перепоручал Обручеву и его аппарату, после чего Самохвалов, успешно использовавший одну из первых в России печатную машинку «Ремингтон» с русской раскладкой, вновь приносил оригинальный текст и с ангельским терпением объяснял, что иначе волю Императора не выполнить.

Учебные полеты в Гатчине начались в сентябре. За отсутствием учебных пособий все, что имели курсанты, были писанные ими краткие конспекты лекций. Единственным тренажером была «тройка», ее пилотское место, а также постоянные разборки-сборки двигателя, регулировки подкосов и расчалок, подклейка пробитой перкали и прочие упражнения из категории «люби и саночки возить».

За отсутствием двухместного аппарата первый же полет был самостоятельным. Перед ним Самохвалов катался с обучаемым по полосе, скукожившись за пилотским сиденьем — взлетать вдвоем не рисковали. Понятно, что до «четверки» с мощным мотором Петр отобрал в ученики двух офицеров такого же, как у него, жокейского телосложения.

Новая машина превзошла все ожидания. Костович довел взлетную мощность до восьмидесяти лошадиных сил, что, по его мнению, было пределом при таком качестве топлива и заданном объеме. Самохвалов носился на «четверке» над Гатчинским дворцом, закладывая виражи, спирали, горки и пике, обрушив на себя гнев коневладельцев, чьи копытные средства передвижения вусмерть пугались от носящегося над ними аппарата.

Гордый своими успехами, Петр написал пространное письмо Арендту, приглашая его в военлетную школу или хотя бы подняться в воздух на «четверке». Но Николай Андреевич не смог или не захотел приехать.

Этот самолет погубил 16 октября поручик Христофор Францевич Пруссис. Недовольный ограничениями, которые инструктор накладывал перед каждым стартом, военлет начал выписывать смелые виражи. Самохвалов носился по земле, махал кулаками,

орал, но ничего поделаться не мог: просто не существовало средства связи с бортом и, тем более, способа перехватить управление.

Пруссис разогнался на высоте полсотни метров и резко взмыл вверх, пытаясь горкой набрать рекордную высоту. Глупое занятие, нет ни приборов, способных ее зафиксировать, ни аэростата с канатом заданной длины. И вообще, в рекордных полетах машина идет к потолку по спирали, аккуратно добавляя по сотне метров на каждом витке. Но у поручика через неделю была свадьба. К сему событию он пытался приурочить подвиг, как будто выбор единственной женщины, отвергая всех остальных, сам по себе подвигом не является.

Петр замер, остановив бессмысленные метания. Он физически чувствовал, как во вставшей вертикально машине прекращается подача топлива из поплавковой камеры. В момент выхода в горизонталь, когда как на взлете потребна вся мощность, искры свечей освещают пустые цилиндры, мотор гаснет, захлебнувшись на полуобороте.

Потеряв скорость, «четверка» завалилась, ухнула хвостом вниз, опустила голову и закрутила спираль, словно штопором ввинчиваясь в воздух над Гатчиной. Пропеллер вяло вращался от набегавшего потока. В общем, произошло именно то, о чем Самохвалова в Крыму предупреждал Арендт, и о чем много раз говорилось каждому курсанту.

В практически беззвучном падении аппарат врезался в пруд. Когда Петр, курсанты и техник подбежали к месту катастрофы, над водой косо торчал хвост и верхнее крыло. Поручика вытащили на берег. Летчик, облитый бензином из треснувшего бака, был еще жив и в сознании. Самохвалов растолкал всех, заставил умолкнуть стенания «как же ты так» и, несмотря на трагизм ситуации, вплотную придвинулся к лицу летчика, отрывивающего кровь. Он задал единственный вопрос:

— Что ты сделал в пикировании?

— Я... я пытался... к-кхе... тянуть ручку на себя... Спасти машину... к-хе... Заглушил зажигания... хе-кхе... Она не шла из пике... Вращалась... Ручку влево... Она все равно вращалась... — курсант зашелся хрипом и кашлем, уже не мог говорить.

Через двадцать пять минут из поселка привезли медика, но к ночи Пруссис умер. У него были повреждены многие внутренние органы, сломаны ребра, руки, кости таза. Авиация не прощает лихачества и ошибок.

О трагедии доложили императору. Александр III не велел никого наказывать, почитая поручика самого виноватым в своей смерти, но сделал резонный вывод: офицер может игнорировать указания партикулярного лица, считая их трусливыми, зато послушается приказа старшего офицера. На следующий день Ванновский распорядился о переводе в Гатчину Воздухоплавательного парка, назначении штабс-капитана Кованько начальником летной подготовки и на аэростатах, и на аэропланах. Самохвалов, не состоящий на службе и вообще лицо свободное, из-за виража придворной политики получил себе в начальники если и не врага, то недоброжелателя.

Как ни странно, эта метаморфоза имела положительный результат. Ознакомившись с результатами полетов, штабс-капитан убедил министра выделить деньги на заказ двух копий «четверок». Невместно, если армия, как побирушка, пользуется аппаратами частных лиц. С легкой руки Кованько «четверка» стала первым в мире серийным аэропланом.

Получив подряд на поставку двух машин, а также рассчитывая сделать одну «четверку» для себя взамен погибшей и собрать, наконец, двухмоторный аппарат, компаньоны задумались о сооружении маленького самолетостроительного предприятия. Сарай с

вентиляторами на Волковском поле давно был разобран и перенесен в Гатчину, но без функции аэродинамической трубы. Для нового аппарата с размахом крыльев шестнадцать метров он был уже мал. Пользуясь тем, что либеральное отношение царя к авиации пока не поменялось на противоположное, Самохвалов добился продажи товариществу «Садко» изрядного участка земли неподалеку от Воздухоплавательного парка со всем, о чем душа мечтала: кусок ровного поля, рядом железнодорожная ветка и электричество. Местная полиция, неожиданно решившая присоединиться к общему увлечению воздушными забавами, выделила полсотни арестантов, которые за пару месяцев сложили из бревен три здоровенных ангара и несколько помещений поменьше.

Тонкие столярные работы и покрытие крыльев перкалью Костович оставил у себя, не желая отдавать маленький кусок личного хлебушка и боясь, что его ноу-хау с «клея-цементом» и арборитом уйдут конкурентам. Девецкий по-прежнему занимался винтами и прочими аэродинамическими конструкциями. Студенты, закончившие Технологический институт, остались в «Садко» мастерами. Двигатели собирались на месте из узлов, отлитых и выточенных на Путиловском и Обуховском заводах — развивать у себя точную металлообработку сочли невыгодным делом.

В декабре и январе Самохвалов, иногда взлетая на «тройке» с лыж, пару раз забирался под низкие зимние облака и нежданно-негаданно нарвался на серьезный конфликт со Священным синодом, угрожавшем отлучить его от церкви. Как-то Петр дал интервью, в котором на вопрос, видел ли он Бога на облаке, дал отрицательный ответ, не слишком о нем задумываясь, — многие аэронавты забирались ввысь куда дальше и, естественно, имели шанс встретиться с Господом разве что при падении. Заметка вышла со скандальным заголовком «Русский воздухоплаватель Самохвалов утверждает, что Бога на небе нет!». Разумеется, далеко не все из ополчившихся на Петра саму заметку прочли. Зачем: даже из заголовка атеизм прет с очевидностью.

Вопрос оказался настолько серьезным, что пришлось снова обращаться к Плевако, который отсудил у газеты солидный куш. Там напечатали опровержение, а другие издания опубликовали заявление Самохвалова на суде: «Человек, узнавший, что я не увидел Бога в облаке над Гатчиной, и сделавший на основании этого вывод, что Бога на небе нет, — законченный идиот или неисправимый атеист, что, на самом деле, одно и то же». Православная церковь успокоилась.

В феврале две «четверки», окрашенные в зеленый цвет, торжественно были сданы Русской императорской армии. Петр, не чуждый позерства, затянул со сдачей и совместил ее с 23 февраля — датой первого демонстрационного полета год назад. К тому моменту он уже основательно подготовил на «тройке» прапорщика Александра Николаевича Успенского, считая, что он вполне может в дальнейшем служить летчиком-инструктором для подготовки военлетов. Полагая, что часть взятых на себя обязательств Самохвалов выполнил, он начал готовиться к европейскому турне.

Об этом обещании ему лично напомнил сам император, однажды собственной персоной заявившийся на летное поле в сопровождении августейшего наследника. Наглядевшись вдоволь, суверен произнес слова, которые в наименьшей степени хотели услышать и сотрудники «Садко», и сопровождающая свита:

— Мы изволим подняться в воздух.

Болтавшийся рядом Кованько заявил об опасности сего дела, избавив Самохвалова от необходимости перечить царю. Но тот ткнул толстым пальцем в «пятерку» и заявил:

— Вижу двухместный аппарат. Мы не столь легкомысленны, как разбившийся в прошлом году поручик. Пусть управляет опытный пилот. Или ты, Никки, хочешь?

Будущий самодержец испуганно боднул головой и отступил на шаг. Его ждала божественная Алекс, какой смысл рисковать из-за отцовского каприза?

Лихорадочно прокрутив в голове варианты, Самохвалов крикнул готовить самолет к запуску двигателей. Он решил лететь сам, хотя эту машину в основном гонял Владимир Таубе. Не желая подвергать риску бывшего студента, Петр залез в заднее кресло, лихорадочно вспоминая впечатления двух пробных своих взлетов на двухместном биплане с мешком песка вместо пассажира. У «пятерки» проблемы с продольной центровкой, ее тянет кабрировать, есть пара мелких недочетов в шасси. Как назло, сняты противокапотные лыжи. Туговата ручка управления, на такой большой самолет уж лучше штурвал или руль, какой придумать. Если бы не явление императорской шайки, уже сегодня машину планировалось разобрать для внесения улучшений: удлинения хвостовой части фюзеляжа на три десятых метра, сдвиг нижнего крыла назад на четверть хорды. Перед европейскими гастролями недурственно облетать аппарат за пару-тройку недель. А сейчас на «пятерке» полетит царь. Чуть собачья. Оттого и проблемы страны — решает, по существу, всего один человек, а окружающие ему и доложить-то толком боятся.

Высокая и круглая государева шапка закрыла обзор. Петр сместился чуть в сторону, чтоб видеть полосу, дал газ обоим моторам и использовал полосу пробеге до конца. Машина на удивление ровно повела себя в воздухе: грузный Романов оказался намного тяжелее пятипудового мешка с песком и чуть улучшил собой центровку. Осмелевший Самохвалов выровнялся метрах на шестидесяти и блинчиком скользнул на разворот через поле, отведенное для аэростатов: там ровно, и если что, сможет зайти на вынужденную. Выпрямив аппарат на глиссаде, авиатор повторил про себя много раз пройденные действия, молясь Богу — только бы не капотирование. Не приведи Господь, самолет станет на нос, тонной веса навалясь на Помазанника Божия, впереди ног которого лишь тоненький обтекатель из фанеры.

Опасаясь капота, Петр перетянул ручку на себя над полосой при выключенных моторах. «Пятерка» опустила киль, коснувшись дорожки сначала хвостовым крюком, потом свалилась колесами шасси, мерзко скакнула, выдав «козла» и, прокатившись, замерла. Самохвалов с ужасом смотрел на подпрыгнувшую при козлении монаршью шапку, боясь представить, в каком состоянии потревоженный ливер высочайшего чрева. Страхи оказались излишними. Александр выкарабкался, прогладил пятерней пострадавший зад и попрекнул совершенно другим:

— Жаль, невысоко.

— Виноват, всемилостивейший государь. Машина не до конца облетана, не имею права вами рисковать.

— Ее во Францию везете?

— Да, государь. Чуть переделаю, чтоб садилась мягче.

— А почему военным одноместную продали?

— Та — более проверенная модель и для учебных полетов подходит.

— Повелеваем испытать для военных нужд этот аппарат. На моем месте может сидеть наблюдатель или стрелок.

— Слушаюсь, всемилостивейший государь, — Петр изобразил ритуальный поклон и вспомнил о прозорливости брата, предсказавшего военный спрос именно на двухместный

аппарат.

Прямо на летном поле император объявил о присвоении Самохвалову потомственного дворянства. Верно, и служивого бы хватило, только не состоит он на службе. Государь не хотел, чтобы на показушных авиаспектаклях Россию представлял безродный.

Торжественное оглашение царского рескрипта о даровании дворянства имело два неучтенных последствия. Во-первых, тихую зависть затаил Костович, который как иммигрант гораздо трепетнее относился к подобным привилегиям. Второе последствие преградило дорогу Петру примерно через неделю после публикации указа, когда авиатор в компании летчика-инструктора Успенского и двух курсантов — Эрнста Крислановича Лемана и Станислава Фаддеевича Дорожинского — направлялся к Гатчинской железнодорожной станции.

— Корнет Эммануил Николаевич Трубецкой, брат покойного Александра Трубецкого и сын униженного вами князя Трубецкого. Имею честь просить удовлетворения за оскорбления и беды, которые вы причинили моей семье.

Такого поворота событий Самохвалов никак не ждал. Ну, удружил царь-батюшка со своим дворянством. О купеческого сынка никто руки марасть не станет, а тут извольте — удовлетворения просят. Пока беспокойные мысли крутились в голове, не обремененной знаниями о владении дуэльным оружием, меж зачинщиком и его будущей жертвой всунулся Дорожинский, известный в столичном гарнизоне бретер.

— Слышь, ты, фитюк малахольный, свои тощие ручки на славу России поднять решил?

Для дуэли полагается наносить оскорбительную пощечину перчаткой. Штабс-капитан врезал так, что корнет свалился с ног. Вперед выступили Леман и Успенский, предупредив, что перед дуэлью с Самохваловым князьему сынку придется иметь дело с ними.

Не ожидав такого поворота, Трубецкой вскочил на ноги, попятился, забубнил, что, верно, погорячился.

— Корнет, если вы сейчас же извинитесь перед Петром Андреевичем и дадите слово офицера и дворянина, что больше никогда не будете иметь к нему претензий, я отзову свой вызов на дуэль, — Успенский, самый опытный и уравновешенный в своих поступках человек, попробовал уладить конфликт.

— Да, приношу... Даю слово... Не учел-с... Извините.

Леман тоже отказался от дуэли.

— А я — нет, — агрессивно заявил Дорожинский. — Значтак. Слушсюда. Завтра в шесть утра на этом месте, мои секунданты вот, твои мне без разницы. Я чемпион гарнизона по фехтованию и с тридцати шагов из пистолета бью в пятак. Лопату сам захвачу, не трудись, тут же у летного поля тебя и прикопаю.

— Без отпевания? — ужаснулся Трубецкой, глядя в бешено-веселые глаза курсанта.

— Самоубийц по-православному не хоронят. Зарывают на неосвященной земле. Ты же понял, выходить против меня — чистой воды самоубийство. Так что давай — исповедуйся и завтра приходи в свежем исподнем. Честь имею.

Авиаторы миновали княжича. Утром на дуэль тот не явился.

Через неделю после несостоявшейся дуэли Самохвалов на гатчинском базарчике увидел странного торговца восточной наружности в когда-то цветастом, но донельзя выгоревшем и дырявом халате, а также черной остроугольной шапке. Лицо, не старое, но и немолодое, — и вообще, поди разбери, сколько лет взаправду этим восточным людям, — было обветрено

постоянным пребыванием на свежем воздухе. Глаза на разной высоте, под левым через всю скулу свежий безобразный рубец — след побоища меж люмпенами за место на рынке. Но даже не экзотическая внешность привлекла внимание. Азиат предлагал на расстеленном коврике деревянные фигурки невероятной точности выделки.

— Кто ты?

Оборванец поднял на Самохвалова узкие и умные глаза, но ничего не ответил.

— Калмыкский дурачок наш, барин, — словоохотливо встряла толстая торговка семечками. — Толпой оне к государю пришли с челобитной, их с порога прогнали, вот и разбрелись незнамо куда. Глупый Аюк, не бойся барина, он добрый. Он самолетный начальник. Ха-ха, боится вас. Без папшарту, вида на жительство, бродяга, стало быть, вона и пугается.

Авиатор присел на корточки и перебрал поделки.

— Пять капейка каждый, — прорезался голос бродяги.

— И сколько их в день продаешь?

— Когда две-три, давеча ни одной, — снова просуфлировала баба, с поразительной ловкостью заплеывая пространство вокруг себя. — Как он с голоду не помрет, никто здесь не ведает.

Ну, пусть десять копеек в день, прикинул Самохвалов. Что, три целковых в месяц? Луизу бы сюда, бывшую супругу, что спускает в год несколько тысяч только на тряпки.

— Аюк, умеешь на столярном верстаке работать?

Азиат молчал, внимательно разглядывая непонятного ему человека. Пришлось зайти с другой стороны.

— Хочешь зарабатывать десять рублей в месяц?

— Чо вы пужаете Аюка, барин! Он отродясь таких деньжищ в руках не держал. Аюк, тридцать копеек в день хочешь?

Бродяга часто-часто закивал.

— Иди с барином, Аюк. Храни тебя Господь, хоть ты и басурман.

По пути на завод низкорослый калмык семенил мелко, прижимая к себе грязную холстину с поделками. В ангаре первым делом развернул ее, протянул деревянного мишку Кшесинскому и завел свои «пять капейка».

— Пан Петр, кто это?

— Сам не знаю. Но сирым и убогим Бог помогать велел. Приставь его к верстаку, дай инструмент, покажи, как нервюру вырезать. Не справится — гони прочь.

Ян, морщась от бродяжьего духа, подвел к верстаку и объяснил. Через полчаса прибежал с изумленным видом к патрону. Азиат вручную, без сверлильного станка и разметки, вырезал по образцу идеальные отверстия внутри нервюры, а внешний контур совпал с точностью до долей миллиметра. Аюк вытер сопливый нос грязной полкой халата, протянул нервюру Самохвалову и сказал:

— Давай пять капейка, барина.

Самохвалов смотрел на бродягу и понимал, что, похоже, фанерный заводик Костовича только что потерял заказы на изготовление крыльев. Перкаль сделать — не проблема. А такого самородка у серба точно нет.

Как твоя фамилия?

— Аюк я. Пять капейка, барина.

Да подожди ты. Как отца звали? Как фамилия вашей семьи?

— Отец Пунцук. Нет фамилия. Дай пять капейка, барина. Аюк кушать будет.

Самохвалов наскреб в кошельке пятак и велел Таубе отмыть, накормить и переодеть нового сотрудника. Потом справил ему бумаги на имя «Аюк Пунцукович Пунцуков».

Азиат с полуслова схватывал любые мелочи, касающиеся устройства самолетов, но так и не усвоил, какая ценность в ассигнациях. Ежевечерне директор «Садко» или кто-то из мастеров отсыпал Аюку горсть мелочи на сумму от тридцати до пятидесяти копеек. Калмыкский бродяга был счастлив.

Глава 4

28 июля — 15 сентября 1893 года. Санкт-Петербург, Берлин, Париж

— Если хочешь знать мое мнение, Петр, «пятерку» везти в Европу нельзя.

— Да ясно же! Что с турне делать? Император публично им обещал показуху. Сроки уже два раза переносились. 15 августа меня ждут в Берлине, тут уж хоть лопни — надо.

Самохвалов, волнуясь, всегда носился, как и сейчас, создавая завихрения и турбулентности в авиационном зале своего особняка, где осталась малая аэродинамическая труба. Компаньоны, уже давно переставшие обращать внимание на суетливые манеры старшего партнера, ломали голову над неразрешимой проблемой — летний сезон уходит, летать не на чем, государя подводить себе дороже.

Костович озвучил лишь то, что все трое и раньше прекрасно знали. Двухмоторный самолет оказался совсем не так прост, как им казалось. После жесткой посадки с императорской тушкой на борту не только шасси погнулись, появилось несколько мелких трещин на нижнем крыле между центропланом и моторами. Пусть та посадка — не верх изящества, но «тройка» и «четверки» не реже чем раз в неделю «козлили» под курсантами. Максимум — мелкий ремонт шасси. Серьезный ремонт был лишь после капотирования, слава богу, пилот отделался ушибами.

«Пятерка», избалованная высочайшим вниманием, показывала неуживчивый нрав. Полная переделка нижнего крыла с усилением его металлом от мотора до мотора, более мощное шасси с парой колес на каждой стойке снова на раз изменили центровку. Машина поднялась в воздух, но тяжело и после слишком большого разбега. Таубе отметил, что она гораздо хуже слушается рулей, а усилие на ручку куда больше чем в предыдущей модели.

Ближайшие меры понятны — увеличить площадь крыла, хотя бы верхнего, чем снизить скорость отрыва от земли, добавить площадь элеронов, рулей высоты и направления. Но, во-первых, аппарат потеряет часть прироста скорости по сравнению с «четверкой», наблюдавшегося за счет удвоения мощности силовой установки. С этим смирились, считая неизбежной платой за возможность возить пассажира на большие расстояния. Во-вторых, опять-таки нужно время, которого нет.

Самохвалов затормозил. Был бы на колесах, завоняло бы резиной. Обычно такие перепады у него наступали перед принятием важных решений.

— Везу «четверку». Пусть будет нарушено «малое» обещание Александра — воздушная экскурсия Кайзера Вильгельма II, чем вообще сорвется всеевропейская демонстрация. Выхода нет.

Партнеры ничего лучшего предложить не могли.

— Стефан Карлович, будь любезен, займись организацией сборов. У меня перед отъездом не будет свободной минуты. Запасной двигатель, ремкомплекты к обоим, шины, перкаль, тросы, винты, шестерни редуктора, масло. Впрочем, сам справишься. Со мной поедет Ян Кшесинский, пара техников из новобранцев, вчетвером справимся. Что привезти из Парижа, господа?

Без платных катаний на двухместном аэроплане финансовое состояние «Садко» оказалось под угрозой, ибо без этого турне превратилось в затратный и чисто рекламный трюк. За оставшееся до погрузки в поезд время Самохвалов навестил брата и сделал

несколько заходов в Военное министерство. Василий обещал устроить в Гатчине экскурсию для богатых купеческих семейств, потенциальных покупателей самолета, а Ванновский получил челобитную на пятьдесят тысяч рублей для доводки под армейские нужды «пятерки», удостоившейся высочайшей похвалы. Военный министр обещал посодействовать, ничего заранее не гарантируя, зато навязал в попутчики офицера-наблюдателя на случай «как бы чего не вышло».

Ипподром Карлсхорст оказался полупустым. Несмотря на интерес к воздушным шоу, берлинцы были разочарованы неоднократным переносом представления, да и отказ в извозе желающих на двухместном аппарате обескуражил и обусловил возврат части билетов.

Естественно, в первый же день прискакал Отто Лилиенталь. Указывая на полузаполненные трибуны, он убеждал, что при правильной рекламе и маркетинге это дело может быть недурственно прибыльным. Он, собирая зрителей на весьма некомфортабельных склонах за пределами Берлина, с каждого шоу имеет более двухсот марок чистого дохода. Самохвалов отмахнулся — вояж он считал разведкой рынка, и в этом сезоне к серьезным контрактам не готов.

Поручик Оболенский, куривший неподалеку и старательно изображавший, что диалог его никоим образом не касается, вечером спросил Петра:

— Почему вы ему отказали, сударь? С деньгами у вас, я так понимаю, не очень. Вижу, германец толковый.

— Даже слишком. Его только подпусти. Через год над Европой полетят «четверки» с кайзеровскими крестами.

— Германия наш союзник.

— Не смешите, поручик. У России есть лишь один союзник — сама Россия, да и то порой себе вреда наделает больше, чем иной враг. Остальные — временные попутчики. Как сейчас французские прохвосты в Гатчину зачастили, заметили? А совсем недавно убивали русских в Крыму, и вообще наши давние враги со времен Наполеона. Дружба и вражда между главами государств возникает и рушится в течение дня. Вооружения изобретаются и накапливаются десятилетиями. Я уповаю, что Россия будет гораздо сильнее своих союзников, тогда и они нас захотят любить преданно и сильно. Не так ли?

Разведчик, проверивший Самохвалова на конфликт между коммерцией и патриотизмом, удалился строчить отчет, авиатор тем временем разложил карту Берлина, взял линейку и задумался. Затем вызвал помощника.

— Ян, ты хорошо по-немецки знаешь. Еще раз переведи мне контракт.

Выслушав текст, Петр заставил перечитать кусок, касающийся зоны и высоты полетов.

— То есть ограничения на высоту и дальность касаются только платных шоу? В остальных случаях мы вольны летать куда захотим.

— Что вы задумали, пан Петр? Хотите еще раз повторить авантюру, как у Зимнего?

— Понимаю, что афера. Но так мы и на обратный билет не заработаем.

— Не скажите, хозяин. Публика добже вас приняла. Газеты завтра напишут про опыты в Карлсхорсте. Послезавтра людей будет больше.

— Не считая того, что главные энтузиасты сегодня увидели все, что можно в объем ипподрома втиснуть: взлет-посадка, виражи, горки. Послезавтра может и меньше явиться, через два дня — вообще никого. И поедем, дорогой Ян, во Францию с пустыми карманами.

Совершив традиционную внутрикомнатную пробежку, авиатор тормознул у карты и

ткнул в нее пальцем.

— С ипподрома иду к Шпрее. Если мотор откажет, упаду на реку, а не на жилые дома. Над Шпрее двигаюсь на запад, в сторону Тиргартена. Смотри, здесь небольшая площадка, если верить карте — ровный газон, для взлета-посадки достаточный. Бери извозчика и дуй туда, проверишь на месте. Это — резервная точка, чтобы сесть, долить топливо и устранить мелкие неполадки. Будешь ждать меня там часов в семь утра, имей инструменты, масло и бак на пару ведер бензина. Благо у немцев он хороший. Ночью спать не придется. Готовим машину и — с Богом. Главное, чтобы наш поручик «как бы чего не вышло» раньше времени не прознал о задумке. Чуть главное не забыл. Кровь из носу, но чтобы у Рейхстага был хоть один журналист.

— А, вшистка е дно, — сдался поляк и уехал.

В седьмом часу утра Оболенский, потревоженный жужжанием авиамотора, примчался из крохотной гостиницы при ипподроме на поле и застал там лишь слоняющегося техника, низкорослого азиата с неизменной ухмылкой и шрамом на скуле.

— Где самолет? Где Самохвалов?

— Улететь изволила.

Поручик выругался. Предчувствие катастрофы или, как минимум, грандиозного скандала навалилось на грудь стопудовой глыбой. Что делать? Отбить каблограну в Главный штаб? Бежать в российское посольство? Спят еще все, да и чем они помогут. Взбешенный разведчик наорал на техника и закурил перчатку. Оставалось только ждать и молиться.

Меж тем аппарат с российскими сине-бело-красными кругами на крыльях и цифрами 4-4 на фюзеляже (четвертый экземпляр четвертой модели) в экономичном режиме тарахтел над главной берлинской рекой. С высоты километра виденное внизу казалось слегка нереальным. Дома виделись игрушечными, люди — блохами, редкие лошади — жуками, а сам Берлин выглядел макетом. В наше время горожанину редко приходится глядеть на людей и дома с такой дистанции — обычно их заслоняют ближайшие дома и деревья. Тем более в таком ракурсе — сверху.

Сердце сжималось от собственной дерзости. Он едва не поплатился за сумасбродство в России, всегда отличавшейся расхлябанностью. Какова же будет реакция кайзера, который, по слухам, чуть ли не всю страну заставил ходить прусским строем?

Самолет вошел в низкую облачность. На козырьке и на стеклах летных очков осела влага. Петр не любил облака. В сером мареве он терял чувство реальности. Ощущения лгали, он переставал понимать, где горизонт, машина кабрирует или, наоборот, теряет высоту. Да и ориентация по наземным объектам пропадала моментально.

Он сбросил высоту. Слева от реки мелькнул газон, повозка с канистрами и яростно размахивающий руками Янек. Качнув крылом, Самохвалов устремился к показавшемуся впереди куполу Рейхстага.

В семь утра германская столица только просыпалась. По улицам двигались дворники, полицейские, молочники, стучала колесами и копытами первая утренняя конка, уже вытеснявшаяся электротрамваями. Редкие прохожие недоуменно смотрели вверх и протирали глаза, не веря им.

Рейхстаг достраивался. Несмотря на раннее утро, на ударной стройке рабочие уже копошились, заканчивались внутренние работы. Внушительный контур здания, символ набирающего мощь имперского могущества, довлел над площадью, где наметилась зеленая

зона и фонтан.

Накренив крыло и разглядев фигурки у будущего фонтана, одна из которых вроде как была вооружена треногой, Самохвалов выписал три виража вокруг здания, заметив панику на строительных лесах, и сбросил на репортера вымпел — эмблему «Садко» с красной, синей и белой ленточками. Прикинув, что нигде не плутал, не газовал и должен иметь резерв топлива не менее тридцати процентов, авантюрист не сделал посадку у Яна и взял курс к Карлсхорсту, в объятия зеленого от злости Оболенского.

— Вы — не мой начальник, поручик, и мне не указ. Я — цивильное лицо, на государевой статской службе не состоящее, а вояж по Европе, хоть и с высочайшего ведома, есть мое частное дело. Я оставлю без внимания ваше хамство, но впредь прошу не приближаться ко мне, не селиться со мной в гостинице, а охране ипподрома поручу гнать вас как лицо постороннее. Потрудитесь купить билет на полеты.

— Вы! Вы...

— Если скажете еще хоть слово, по возвращении в Питер вами займется мой друг Дорожинский. Я, к сожалению, не владею дуэльным оружием, чтобы просить у вас удовлетворения. Прощайте.

«Утренние берлинские новости» вышли вторым выпуском — специальным, в котором на всю первую полосу был запечатлен смазанный силуэт самолета на фоне купола и лесов Рейхстага.

К обеду Кшесинский, устав сдерживать толпу, вломился в номер Самохвалова и заявил:

— Панове вызвали полицию. Если не выйдете к ним, будет худо.

Поправив строгую пиджачную пару, авиатор выдвинулся наружу, сразу наткнувшись на мрачного полицейского в черном островерхом шлеме. Тот что-то недовольно пролаял по-немецки.

— Просит пана пройти к трибуне, там обычно общение жокеев с прессой.

Наездник самолета протиснулся к выходу, окруженный галдящей толпой. Пыхали магниевые вспышки, репортеры орали и размахивали блокнотами.

На трибуне удалось кое-как упорядочить газетное стадо. Самохвалов попросил задавать вопросы по-русски или по-французски, а по-немецки — через переводчика, потом стал по одному приглашать репортеров и пытаться ответить на их вопросы. Деловые реплики чередовались с совершенно безумными, что не удивительно — конец XIX века был эпохой сумасшедшего изобретательства, к чему привыкли и газетчики, и публика. Петр отвечал, что его аппарат не может поднять бомбу или слона, перелететь через Атлантику или достигнуть Луны. Что у него нет проверенной машины, способной к перевозке пассажиров, но в перспективе такая появится. Что продажи аппаратов в Европу начнутся, но он не может сказать когда — сначала насытит внутренний рынок России. Что обучиться пилотированию самолета можно будет со следующего года в его авиашколе в Гатчине. Что он разведен и не имеет фрау на примете для создания следующего брака.

Религиозные вопросы также не заставили себя ждать, но уж тут авиатор был начеку. Он сказал:

— Вы видите над Карлсхорстом Бога? Поверьте, если я поднимусь на полторы тысячи футов, также его не увижу. Разве это означает, что Бога нет или его нет на небесах? Если бы не Божья помощь, я не осилил бы столь дерзновенный проект, самолет — лучшее доказательство Божия бытия, — Петр перекрестился, и репортер клерикального издания отстал.

Пресс-конференция продлилась около часа, затем была прервана самым бесцеремонным образом. К Самохвалову приблизился гвардейский офицер и лающим тоном потребовал следовать за ним. Петр решил, что гавкающая манера общения — норма для германских служащих, пригласил газетчиков встретиться завтра на летном поле и отправился за кайзеровским гвардейцем. Увязался Оболенский, но авиатор заявил, что сей военный не с ним, и попросил с собой Яна в качестве переводчика.

Трехколесный самоходный экипаж завелся не с первой попытки. По характерному лопотанию Самохвалов и Кшесинский догадались, что позади кресла на задней оси примостился примитивный одноцилиндровый двигатель с циклом Отто, вроде того, что разбирали в Минске в ожидании суда.

Авиаторы сели в широкое пассажирское кресло, германец забрался в переднее седло, свесив сзади фалды форменного френча, явив пассажирам нестигаемо ровную спину, взялся за румпель управления передним колесом и покатил в сторону центра. Позади остались заинтересованные журналисты и взбешенный поручик, которому пора было что-то докладывать наверх.

— Это и есть сюрприз от моего российского кузена? — Кайзер рассматривал скукожившуюся парочку с интересом естествоиспытателя, увидевшего необычайно редкого навозного жука.

— Для нас огромная честь находиться в вашей великой империи, — не совсем впопад Петр выдал единственную заученную по пути фразу на ломаном немецком языке.

— Отчего порядок нарушаете?

Самохвалов с ощущением, что терять уже нечего, заявил:

— Российский государь император Александр Третий повелел показать вам наш аппарат. Ваше императорское величество не изволило присутствовать на показе в Карлсхорсте, и я не нашел другого выхода исполнить царскую волю как пролететь над Берлином.

Пока Янек переводил, поражаясь находчивости и наглости своего патрона, Петр преданно сверлил глазами Кайзера, пытаясь понять его реакцию.

Тот не вспыхнул по поводу дерзости, но поинтересовался:

— Кузен писал мне о совсем другом аппарате, на котором сам поднимался в воздух в качестве пассажира.

— Так точно, ваше императорское величество. Одновременно государь счел тот аппарат применимым в военных целях, — Ян перевел, и Петр продолжил. — Демонстрационная модель — игрушка, она перевозит только пилота и на расстояние до пятидесяти километров, а в полете он слишком занят управлением. Двухместный аппарат может нести наблюдателя для корректировки артиллерийского огня и разведки, а также некоторое оружие.

— То есть Александр перестал доверять Германии? — нахмурился Вильгельм.

— Никак нет, но турне закончится в Париже, а там наверняка окажутся наблюдатели из-за канала.

По лицу монарха Самохвалов понял, что самое страшное позади. Визит закончился договоренностью о высочайшем посещении ипподрома послезавтра, в нелетный день, для индивидуальной демонстрации. Таким образом, за пять дней пребывания в Берлине ни дня не обошлось без взлетов.

Шумная слава с кружением вокруг Рейхстага и вызовом к Кайзеру привела к тому, что на следующий день в Карлсхорсте яблоку негде было упасть, а толпа желающих увидеть хоть

что-нибудь окружила ипподром снаружи, радостно взвывая, когда «четверка» вспархивала выше трибун. В день закрытия пришлось даже летать на бис. Петр вынесся за пределы ипподрома, сделал кружок в вышине полутора километров и снова сел, не сомневаясь, что хорошо заработавшие хозяева конной арены не будут чинить претензий.

Оболенский, демонстративно игнорируемый Самохваловым, отловил Кшесинского и стал приставать с вопросами.

— О чем с Самохваловым говорил русский военный атташе?

— Прошу пана не гневаться, я плохо слышал его разговор с паном Петром, — тут Ян, прошедший больше года с вечно ерничавшим директором «Садко», не удержался. — По моему, господин атташе сказал, что пану поручику лучше застрелиться.

— Ужас! — только и мог сказать Самохвалов, увидев Эйфелеву башню. Надо же, всего за несколько лет, которые он провел вдали от самого красивого города Западной Европы, парижане умудрились так испохабить центр. Успокаивает, что это — не навсегда, к 1909 году ее обязаны снести, но доживет ли он сам до той поры, когда Париж вернет себе пристойный вид?

Ян вычитал в какой-то газете, что недавно умерший Ги де Мопассан регулярно обедал в ресторане на первом уровне башни, объясняя репортерам: «Это единственное место во всем огромном Париже, откуда ее не видно».

— Но она популярна в народе, пан Петр.

— Значит, используем. В Питере — Зимний, в Берлине — Рейхстаг.

— Так. В Лондоне вы бы залетели внутрь Вестминстерского аббатства.

Самохвалов обернулся, пораженный внезапной идеей.

— Я могу пролететь между ее опорами. Ян, с тебя бутылка.

Авиатор загорелся новой навязчивой идеей. Он вычитал, что пространство между ногами железной мадам — это полукруг радиусом около тридцати семи метров. Высота арочного свода — примерно тридцать шесть метров, не проблема; он уже как-то примеривался к центральному пролету Дворцового моста над Невой, тот значительно ниже. А верхний проем башни? Запас высоты почти такой же, но ширина его меньше раза в три. Размах крыла его «четверки» всего 10,2 метра. Вот только... Не сложно воткнуть нитку в игольное ушко, а если с замахом в аршин, попытка одна и за ошибку — смерть?

Они прибыли в Париж на волне ажиотажа по следам берлинских выступлений. Организаторы авиапредставления разве что не прыгали от восторга. Первое действие продюсеры предложили перенести на Елисейские поля, а вместо продажи билетов решили оклеить каждый дюйм рекламой спонсоров, к чему начали подталкивать и Самохвалова. Тот, упершись в ранее подписанный контракт, заявил, что установка рекламы на самолет возможна только за большие деньги. В результате торгов, споров и вынужденных компромиссов «четверка» превратилась в огородное пугало. На нижних и боковых поверхностях самолета незаклеенными и незакрашенными остались лишь трехцветные круги национальной принадлежности. Сохранив русскую символику, Петр недополучил несколько тысяч франков. Потом кому-то из рекламодателей пришла в голову счастливая мысль, что полет обязательно будут наблюдать с площадки Эйфелевой башни, посему и верхняя поверхность второго крыла тоже может продаваться. В итоге Самохвалов забрался в машину с некоторой опаской: как бы всевозможные наклейки не испортили аэродинамику. Лишние три-пять кило утяжеления за счет краски, бумаги и клея его не сильно волновали.

Париж ликовал. Газон на Елисейских полях, где стоял «Садко-4», оцепила полиция, не без труда сдерживая энтузиазм толпы. Самолет стал похож даже не на пугало — на ярмарочного скомороха. Если бы не острая нужда в деньгах, пока не придут новые заказы, Петр никогда бы так не унизил своего летучего друга. Сам авиатор на этот раз выглядел вполне импозантно. Французы подарили ему кожаные куртку и шапку, которые в комплекте с кожаными же бриджами и сапогами, а также перчатками с длинными раструбами, выглядели как специальная униформа летного состава.

Он забрался на стремянку, служащую для посадки на пилотское место, не травмируя перкаль обшивки фюзеляжа и крыла, помахал руками зрителям, вызвав еще один водопад эмоций, залез на свое место, и началась обычная предстартовая рутина — проверка рулей, элеронов, магнето, контакт — есть контакт, прогрев.

Так как ветер дул к железной нелепице, Петр взлетел от нее, вызвав очередной восторг неизбалованных парижан, — гатчинские крестьяне уж и голову не поворачивали на звук мотора. Поднявшись над домами и непроизвольно отмечая сравнительно ровные места для вынужденной посадки, развернулся и пошел к башне, затем взял в сторону, обходя ее по большой дуге. Когда решетчатая громада выросла по левому борту, Самохвалов на миг пожалел, что «четверка» безоружна — влепил бы с двух стволов и очистил Париж от металлолома.

Триста метров — огромная высота для рукотворного сооружения, но мелочь для самолета, который удавалось поднять где-то на полторы тысячи, без приборов точнее не сказать. Уже на втором витке плавного подъема верхушка поравнялась с крылом и ушла вниз. Отсутствие приборов, по правде говоря, не угнетало пилота. Определяя скорость, углы в пространстве и режим полета лишь глазами, слухом да вестибулярным аппаратом, он сживался с машиной, осязал крыльями набегавший поток, обонял днищем выхлоп из патрубков, слушал расчалками свист ветра и чувствовал ступнями работу колес шасси при приземлении. Когда-нибудь кабина закроется наподобие корабельной рубки, отрезав лицо от ветреных струй, циферблаты манометров и прочих приборов, как в аэродинамической трубе, покроют переднюю панель, и в управлении самолетом останется не больше романтики, чем в работе машиниста локомотива.

Люди внизу превратились в точки, значит, для них «четверка» уже плохо видна. Самохвалов выключил зажигание и по широкому кругу начал планировать вниз. Когда умолк двигатель, к привычному шуму ветра в растяжках примешались назойливые хлопки, словно тысяча чертей оседлала машину и глумливо молотила в ладоши. Петр осмотрелся и упомянул черта вслух. Плохо наклеенные плакаты поотрывались до половины и трепались на ветру.

Помянув сомнительное целомудрие матерей рекламщиков, авиатор крутанул магнето. Лениво вращавшийся под напором воздуха винт вздрогнул, мотор подхватил, после чего Самохвалов выполнил разворот, вывел самолет на глиссаду и, снова убрав зажигание, аккуратно сел возле своей команды, радуясь, что никто кроме Яна не знал о задумке лететь сквозь башню.

— Рекламщиков убью!

Кшесинский кивнул и печально осмотрел аппарат. Он напоминал свежезабитого боевого петуха, только вместо растопыренных перьев во все стороны торчали обрывки рекламы. Не обращая внимания на толпу, Петр и его команда начали обдирать наклейки.

Подбежал организатор с криками: что вы делаете!

— Из-за вашего мусора я чуть не убился. Сейчас почищу аэроплан и снова взлечу.

— В контракте прописано, что вы должны летать с рекламой!

— Тогда сегодня вообще больше не стартую. К Фонтенбло будьте любезны за сутки дать моим сотрудникам краску и эскизы рекламы. Никаких наклеек. Или вся пресса узнает, что по милости заводчиков, чьи надписи были на плакатах, аппарат чуть не упал на головы парижан. — Потом добавил по-русски, обращаясь к Кшесинскому: — Я правильно помню, ограничения на полеты прописаны в контракте только относительно оговоренных трех выступлений?

Самохвалов отправился к оцеплению, увидев полицианта с самыми солидными знаками различия.

— Бонжур, месье. На сегодня полеты закончены из-за распоряжения организаторов шоу. Но я не хочу оставлять милых парижан без зрелища. Завтра в полдень я полечу отсюда в Фонтенбло, сделаю еще круг у башни. Могу я на вас рассчитывать, чтобы аппарат оставался под охраной?

— Уи, месье авиатор! Это честь для парижской полиции.

Честь-честью, но одного из техников Самохвалов оставил при машине, снабдив водой, французскими булками с колбасой и даже банкой для потребностей, которые можно незаметно справить на полуприкрытом с боков пилотском месте.

Потом были журналисты, осаждавшие летчика, его помощников и даже полицейского офицера, от которого и прознали про завтрашний перегон. А еще разноцветная шумящая толпа. Немцы тоже кричали здравицы авиатору, но... Французы экспансивнее, ярче и как-то искреннее, что ли. Перед ними и летать приятнее. Из благодарности к своим парижским поклонникам Самохвалов окончательно решился на проход под башней.

На следующее утро техник Аюк обнаружился мирно спавшим в пилотском кресле, распространяя запах переваренного дорогого вина. Аккуратный обычно газон украшали остатки пикника, а бродивший у аэроплана полицейский имел сонный и тоже несколько мятый вид. Атмосфера французской легкомысленности взяла свое.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Поганца сегодня же отправить в Россию, он уволен.

— Петр Андреевич! Нам вдвоем с Димой не управиться, особенно когда части аппарата в поезд грузить. Пшепрашем, можно вы его в Питере уволите? — Ян преувеличивал трудности, надеясь, что патрон по пути на Родину охолонет и сжалится над бедолагой. Тем более что авиационные специалисты в XIX веке на каждом углу не валялись. Особенно такие мастера с золотыми руками, как калмыкский самоучка.

— Завтра решу. Пока убирайте тело, осмотрите каждый винтик и каждый тросик. Может быть что угодно, от глупостей до провокации.

Через полчаса раздался испуганный голос второго технаря:

— Петр Андреевич, проволока тяги руля высоты перекушена наполовину.

— Тягу заменить, никому ничего не говорить. Ян, снова осмотри машину от киля до пропеллера. Могут быть другие, менее заметные пакости.

В итоге, к взлету оказались готовы лишь к часу, когда собравшаяся на Елисейских полях толпа стала мешать движению транспорта. В авиации выживают мнительные. Обнаружив непонятную грязь в системе питания, быть может — диверсию, хотя она могла набраться и от естественных причин, Петр приказал вычистить, затем поменять масло, масляный, топливный и воздушный фильтры, слить топливо и заправить свежим бензином. Параноики

противные, но живут дольше.

Демонстрируя окружающим неискреннюю улыбку, Самохвалов сел в самолет и постарался спрятать внутри себя мерзкое настроение от ночного вредительства. Состояние души летчика произвольными движениями рук на органах управления передается аппарату, оттого идут легенды, что корабли, аэропланы, паровозы и прочая техника обладают подобием души, воспринимающей состояние чувств хозяина. Некоторые вещи не объяснить с позиций модного ныне матерьялизма. Почему в хорошую погоду, когда сердце рвется к небесам, моторы «четверок» заводятся со второго-третьего рывка, а при дурном настроении пилота техники возятся долго, выкручивая и продувая залитые свечи?

Сделав оборот вокруг башни, Петр подуспокоился. Надежно гудящая, хорошо управляемая и такая привычная машина внушала уверенность в том, что все будет хорошо. Отойдя на километр, он развернулся и понесся на бреющем полете, отрегулировав газ на средние обороты.

На высоте двух-трех метров чувствуется воздушная подушка между нижним крылом и землей. Фактически Петр воспроизводил режим посадки, только не выключал мотор и поддерживал скорость километров на пятнадцать в час больше посадочной. Простейшая геометрия — чем ниже полет, тем шире проем между опорами конструкции, но и больше шанс влететь в землю с неизбежным капотированием. Выше — безопасней в плане контакта с землей, но там опоры сужаются, превращаясь в арку, задеть за которую — верная смерть.

Расстояние до Эйфелевой башни уменьшается, на глаз — триста, двести, сто пятьдесят метров, и уже нет никакой возможности свернуть, отказаться от трюка, единственное спасение — вперед! И тут наступила расплата за то, что никого не предупредил: на траву меж опорами вышли какие-то люди. Рвануть ручку на себя нельзя — сверху арка, да на малой скорости запросто сорвать поток и свалиться. Сжав зубы, Петр ювелирным движением приподнял нос на градус-два и влетел под башню, добавляя газ.

Громынуло эхо, отразив звук мотора от несущих конструкций. Перепуганные прохожие кинулись на землю, женские шляпки и газовые шарфы разлетелись, как пух одуванчиков.

Взмокнув за считанные секунды, Самохвалов прибавил газ на максимум, набрал высоту, выровнял машину и, пытаясь унять безумно стучавшее сердце, выписал круг над бульварами. Затем вернулся к башне, направляясь в верхний проем.

По мере того, как уродливое сооружение росло перед капотом, росло и понимание, что слишком много требовать от Бога в один день нельзя — обнаруженная порча, пролет под опорами, спасибо и за них. Нельзя испытывать терпение Всевышнего. В третий раз может не послать удачу. Самохвалов потянул ручку, дал педаль и обогнул Эйфелеву башню стороной, отметив, что она, покоренная, уже не кажется столь мерзкой, как в день приезда. Я сделал тебя, железное чудовище!

Обошлось без жалоб пострадавших, извалявшихся на траве под винтом «Садко». На день они стали героями газетных передовиц, чуть ли не наравне с самим авиатором.

На земле Петр дождался своих помощников, затративших куда больше времени, чтобы выбраться из центра Парижа. Первым делом Кшесинский спросил:

— Кого на сей раз бенджем чекать? Президент Франции за вами пошлет или мэр? Ни единого раза не обошлось без казусов.

В этот — обошлось. Воздушное лихачество французы восприняли с юмором. А затесавшиеся в толпу англичане, на следующий день упрашивающие русскую команду перелететь через Па-де-Кале и поразвлекать лондонцев, особенно напирали, «чтобы ничего

подобного». Но Самохвалов в этом году на Альбион не планировал. Да и ликование народных масс в Германии и во Франции натолкнуло его на простую мысль — иностранцев он тешит, а родные россияне видели разве что хулиганство над Невой. Пора давать представления по городам и весям Родины, причем самому не обязательно лететь — могут уже многие, а «четверок» настругать не сложно.

— Бонжур, папа.

— Изабель? — от неожиданности Петр выронил гаечный ключ. Несмотря на самый жесткий запрет для охраны пропускать кого-либо к самолету, представить невозможно, чтобы очаровательная мадемуазель Самохвалова не просочилась среди мужчин.

Хрупкая в отца и яркая в мать, девятнадцатилетняя чертовка успела разбить не одно парижское сердце. Но калибр тех сердец не утолял ее чаяния. И вот теперь, когда родной папа стал наконец наследным дворянином, автоматически изменив цвет крови в жилах единственной дочери, и всемирной авиационной звездой, можно делать серьезные шаги.

Отлетав обязательную программу без происшествий и отправив Кшесинского с компанией в Питер, за которыми мрачной тенью скользнул поручик Оболенский, Самохвалов задержался в Париже. Бывшая благоверная приперла его к стене: всю жизнь уклонялся от заботы о дочери, кинул нас (всхлип) буквально на полуголодное существование, так хоть сейчас шевельни пальцем.

Как можно голодать на сумму, намного превышающую содержание Кшесинского, Таубе и мастеровых «Садко» вместе взятых, Петр решительно не понимал. Тем более что Луиза принадлежала к достаточно богатой семье, и кроме субсидии от бывшего мужа имела приличное приданое, оставшееся ей и после развода. До него доходили слухи, что дама, чей возраст постепенно и неумолимо приближался к отметке, после которой снисходительно говорят «бальзаковский», черпала молодость в объятиях юных любовников, что обычно затратно. Но — это ее дело.

По рекомендации экс-супруги и дочери авиатор выбрал из вороха приглашений три наиболее актуальных, после чего, обрядившись в модную фрачную пару, выводил обеих тигриц — молодую и увядающую — знакомиться с высшим парижским светом. Как-то услышал голос дочери, воркующей с кавалерами в уединенной нише одного из парижских дворцов. Она бесцеремонно сняла перчатку и продемонстрировала поклонникам обнаженное запястье:

— Смотрите, месье, какие у меня синие жилки. У меня настоящая голубая кровь.

Перед отъездом Самохвалов оказал дочке еще одну, довольно странную услугу. Она извела его жалобами на Марсея, полинезийского слугу маменьки. Чернокожий привратник прилип к Петру и не отходил от него ни на шаг, кроме случаев, когда Луиза нагружала арапа поручениями. Заметив, как споро двигаются его руки, авиатор сжалился и взял полинезийца с собой. У неба нет национальных границ.

Глава 5

20 сентября 1893 года — 31 декабря 1894 года.

Санкт-Петербургская губерния

Дома!

Как бы ни было хорошо Петру за границей, купаясь во славе аэропланного первопроходца, русский человек чувствует себя дома только в России. Если нет — он не русский, что бы ни было писано в его бумагах.

Как всегда, Родина-мать приняла сына без радости. Оболенский извел литр чернил на пасквили, суть которых Ванновский был вынужден передать в послании на высочайшее имя. Оправдываясь перед Самохваловым, министр вздыхал:

— Я бы мог просто списать его доносы в архив. Но его папенька-князь, он же генерал-лейтенант Николай Николаевич Оболенский, 1-й Гвардейской пехотной дивизией командует и к государю вхож. Сообщил бы. Поездка поручика Владимира Оболенского задумана была как шагок в его карьере, ему сказано было — тихо следить и шума не делать. Решил значение свое показать, недоросль.

— Я как дворянин имею право просить личной аудиенции у его императорского величества. Могу все сам объяснить.

— Полноте, не стоит. У вас заступники появились поважнее Оболенских — германский кайзер и французский военный министр. Они государю нашему писать изволили, что вашими полетами впечатлены, просят продать аппараты и обучить их летчиков.

— И что император?

— Будет его воля — узнаете. А пока сидите в Гатчине. Да, по поводу кредита на двухместный аппарат — отказано. Но можете готовить подрядные документы на продажу шести машин пятой серии. Только, голубчик, оплата в следующем году, в этом казенные расходы давно расписаны. И, слышал я, орлы Кованько снова один аппарат насмерть разбили?

— Увы, господин министр. Но, прошу прощенья за каламбур, не насмерть — летчик выжил. Второй аппарат тоже изношен, он уже раз десять бился и чинился. Мы пробуем модернизацию «четверки» — с более мощным мотором, двухместной кабиной и спаренным управлением курсанта и инструктора. Надеюсь, аварийность снизится.

— Дай-то бог. Пишите в контракт еще две учебных «четверки», лучше — двухместных. Я выгадаю нужное настроение и дам императору на утверждение. Извини, любезный Петр Андреич, сумма изрядная, сам я такой не распоряжаюсь. И так рискую, прыгая через голову великого князя.

Намек понял, подумал Самохвалов, выходя из арки Военного министерства. Надо попытать братца о технике вручения взятки министру. Размер интереса уточнить, дабы его в смету заложить, плавно размазав по комплектующим машины. Но каков Ванновский! И нашим, и вашим. Ябеду на авиаторов царю передал, прикрыв начальственный зад от происков Оболенских, и со мной умудрился другом себя показать.

Несмотря на трудности, финансовые дела «Садко» поправлялись. Европейский вояж принес прибыль. Джевецкий умудрился продать за безумные деньги «тройку» одному из знатных семейств — как же, первый в мире реально летающий аэроплан, если не считать экспериментальные логойские модели. Слава Богу, вписал в контракт запрет на полеты ради

сохранности уникального экспоната и насверлил дырок в картере, исключив запуск двигателя. «Верить ли, — сказал тогда Стефан Карлович. — Когда в графском зимнем саду аппарат собирали, на месте вечной стоянки, я увидел, как на правом борту из-под белил выступила фамилия Можайского. Будто Александр Федорович еще раз с нами простился».

Обещанную активность проявил брат Василий. Сначала он привел одесских купцов, заказавших «четверку» и просивших обучить полетам начинающего, но уже известного в Одессе спортсмена — Сергея Исаевича Уточкина, сироту из купеческой семьи. Потом, изучив по газетам организацию французского и германского шоу, рассчитал выгоду от показов в России и ждал лишь согласия на демонстрационные полеты. Наконец, обеспечил кредит на постройку машин под военный заказ. Под него уже не хватало мощностей, в Гатчине появился новый деревянный ангар, Костович расширял производство под субподряды от «Садко», сократив выпуск чемоданов, ведер и другой арборитовой экзотики.

Подвел Дорожинский, оказавший медвежью услугу. Русская императорская армия — место, где тайное скоро становится явным, и штабс-капитан узнал о доносе Оболенского. Военлет расспросил Самохвалова о штабном офицере. Петр, не подозревая о последствиях, не смолчал о конфликте с княжеским сыном в Карлсхорсте. Увидев, как потемнел лицом Станислав Фаддеевич, на помилуй Бог просил бретера ничего не предпринимать. Тот не послушался. Как результат Владимир Оболенский обрел покой в двух метрах под землей, а разжалованный до поручика Дорожинский отправился в далекий сибирский пехотный полк, где его таланты авиатора решительно никому не нужны. Садясь в поезд, дуэлянт обнял Петра и шепнул:

— Я на весь гарнизон заявил, что если тебя какая-нибудь б...дь заденет, тотчас прилечу из Сибири и новую оградку на погосте поставлю. Только сам не дерись и дождись меня. Хорошо?

Самохвалов его тискал в ответ, благодарил, а сам проклинал судьбу, что дала ему во враги второе могущественное княжеское семейство. Будто Трубецких мало.

А в Крыму безо всякой дуэли тихо скончался замечательный человек, чья смерть осталась почти незамеченной газетами, но которого оплакивали тысячи исцеленных им людей — земский врач и планерист Николай Андреевич Арент.

Минуло Рождество. Лютые крещенские морозы, ничем не напоминавшие 1892 год с первыми пробежками в зимнюю метель, приморозили авиацию к земле. Тем временем акционеры «Садко» думу думали, куда двигаться дальше.

Самохвалов терзался, что за весь прошлый год они не выпустили ни одной новой модели. Даже «пятерка», устойчиво ставшая на крыло лишь к осени, начала строиться еще в конце позапрошлого года. Модернизированная «четверка» с двойным управлением оставалась лишь на бумаге, требуя нового двигателя под увеличенную нагрузку. Ничего удивительно, самолетостроителей было слишком мало, а суммарный налет всех аэропланов мира исчислялся примерно одной или двумя тысячами часов.

Как ни странно, свежую идею подкинул Марсель Пля, веселый полинезийский негр — протеже мадемуазель Самохваловой, пристроенный на завод простым мастеровым и приставший как банный лист к авиамоторам. Именно он придумал «звезду». Не умея толком разговаривать по-русски, он в конце января притащил корявые наброски. Четырехцилиндровый двигатель, по его замыслу, должен был иметь все цилиндры в одной плоскости, а штоки клапанов приводились от кулачкового механизма в центральной части

мотора. Марсель махал руками, изображая порывы ветра и показывая, что теперь цилиндры стоят в первом ряду, исчезает перегрев задней пары.

Костович, немного ревновавший, что новация родилась не у него, сопротивлялся поначалу, доказывая, что смещенный вверх воздушный винт по-любому неравномерно обдует цилиндры. Но вдохновленные «звездным» вариантом Джевецкий с Жуковским смогли-таки вывести геометрию пропеллера, эффективного при более чем полутора тысячах оборотов в минуту. К лету родился силовой агрегат, без значительных изменений производившийся потом несколько лет — шестицилиндровый двигатель воздушного охлаждения с воздушным винтом непосредственно на валу. Благодаря отсутствию маховика и редуктора его вес лишь незначительно отличался от массы мотора, стоявшего до той поры на самолетах четвертой и пятой серий, зато развивал взлетную мощность в сто двадцать лошадиных сил и мог без вреда для себя поддерживать крейсерскую скорость самолета, отдавая на винт сотню лошадей.

Уже выпущенные машины постепенно переоборудовались звездообразными четырехцилиндровыми двигателями, более технологичными и легкими, а новый мотор позволил наконец выполнить давнее обещание военному ведомству и создать двухместный самолет на базе «четверки». К осени новая модель, схожая с прародительницей, но с улучшенной аэродинамикой, удлиненным фюзеляжем и увеличенным верхним крылом, совершала первые пробежки, когда в тройке единомышленников начался раскол.

Он вытекал из разных интересов тройцы. Лишь Самохвалов не хотел ничего, кроме неба. И Джевецкий, и Костович имели массу идей для судостроения и прочих отраслей, к которым Петр был равнодушен. Глава «Садко» упустил момент, когда Огнеслав и старший брат предложили открыть ему моторный завод, больше не считая выгодным размещать на стороне заказы на основные узлы двигателей и ограничиваясь лишь сборкой. Естественно, одни только авиадвигатели не могли загрузить производство полностью: в 1894 году в Гатчине было собрано всего двадцать три самолета четвертой, пятой и один — шестой серии. Даже с двухмоторными потребностями военных «пятерок» и необходимостью замены двигателей по мере износа, у заводчиков получалось пристроить к месту менее сотни единиц продукции плюс некоторые расходные запчасти, что приемлемо для мастерской, но категорически мало для серьезного предприятия.

Василий Самохвалов и Костович с ходу решили максимально увеличить сбыт бензиновых двигателей за счет предложения их флоту для адмиралтейских катеров. Как в самой старой своей модели восьмидесятых годов серб применил жидкостное охлаждение, установил четыре цилиндра вертикально и получил идеальный вариант силовой установки: парогазовая турбина на катер не станет, а обычный паровой мотор имеет слишком низкий КПД и куда худшее соотношение масса/мощность. Реверс-редуктор и дейдвуд изготовить уже проще, поэтому акционерное общество «Костович, Самохвалов и К0» без труда получило приличный флотский заказ. Не остался в стороне и Джевецкий, гидродинамика — его конек.

Петр не мог пожаловаться, что он оставался один. Партнеры не изымали капиталы из «Садко», охотно выполняли заказы на поставку всего необходимого. Но изобретательский огонь у них полыхал совсем в другом направлении.

Чтобы изобрести что-то новое и рациональное, а не «орнитоптерный пароплан», автор должен неделями и месяцами жить в придуманном мире, где словно из кристалликов льда вырастает новая идея. Механик даже во сне видит, как крутятся шестерни. Гидродинамик

чувствует себя то каплей, то потоком воды, разбиваясь о форштевень, скользя под ватерлинией, наматываясь на гребной винт и ударяясь о руль. Гидравлик печенью чувствует давление жидкости в трубопроводах, если, конечно, это не цирроз. Электрик даже в обычной комнате видит магнитные поля и потоки электронов. Изобретатель не может просто явиться на работу к восьми утра, включить мозг с перерывом на обед, в пять вечера выключить и забыть о работе до завтра. Так же — поэт, писатель, художник. Неудивительно, что гениальными поэтами, писателями, художниками и, конечно, изобретателями часто становились психически больные люди, слишком глубоко и безвозвратно ввалившиеся в мир своих грез, заполненный неважно чем — рифмами, метафорами, голубыми далями или ажурными решетками из лонжеронов, нервюр и стрингеров.

Больше не считая компаньонов единомышленниками, Петр сделал ставку на своих наемных сотрудников: Кшесинского, Таубе, Пля, Аюка. Господи, в мозговом центре ни одного русского, не считая меня, думал авиастроитель.

Через полгода после Арендта в Крыму случилась еще одна смерть, на этот раз встряхнувшая всю страну — умер император Александр III, так и не оправившийся от железнодорожного крушения. Как бы к нему не относились и не осуждали за консерватизм, для Самохвалова он стал первым в мире монархом, поднявшимся в небо на аэроплане, приказавшим создать первый центр подготовки военлетов и первую авиационно-разведывательную часть РИА.

За год в Воздухоплавательном парке насмерть разбились три летчика, двое из них — в штопоре. Парк, преобразованный в Офицерскую военно-воздушную школу, разделился на два отдела. Подготовку на аппаратах тяжелее воздуха возглавил бывший летный инструктор капитан-лейтенант Константин Константинович Арцеулов, который объявил своей целью найти выход из штопора и донимал Самохвалова своими опытами в аэродинамической трубе.

В том же году в Гатчину попал первый образец пулемета конструкции Хайрема Максима. Военные тут же начали умолять установить его в передней кабине «пятерки». До этого там побывала многостволка Гатлинга, с боекомплектом тянущая под центнер и забракованная. Тело «максима» без воды и патронов весило всего двадцать четыре килограмма. Самохвалов посчитал, что при посадке в самолет стрелка веса пера — менее сорока килограмм — «пятерка» без нарушения центровки утянет пулемет, станок под него и боеприпасы. Деревянно-металлическую конструкцию, выдерживающую отдачу пулемета, придумали втроем Кшесинский, Аюк и новый мастеровой Йордановский.

Так самолет, задуманный военный моряком Можайским, вернулся к своему исходно запланированному назначению — убивать, а в летную школу начали набирать женщин — пулеметчиц и летных наблюдателей, легко укладывающихся в весовой норматив. Если не переждать на ночь.

Глава 6

5 июля — 17 сентября 1895 года.

Санкт-Петербург — Лондон

Британские гастроли Самохвалову высочайшим повелением навязало лично его императорское величество. Оно рассчитывало произвести на престарелую королеву Викторию, бабушку императрицы Александры Федоровны, нужное впечатление.

Брак по любви не принес династической пользы, Британская империя по-прежнему оставалась главным конкурентом России в азиатском геополитическом соперничестве. Хорошо хоть, не врагом в открытой войне, как уже было в Крымской кампании в правление той же королевы.

Николай II отверг предложение Петра отправить вместо себя на Запад команду из военных летчиков и техников «Садко». Совсем недолго протирая трон, царь не имел собственного мнения и пока опирался на слово отца, ценившего Самохвалова, поэтому был категорически настойчив.

Вдоволь натешив честолюбие восторгами берлинских и парижских болельщиков и не желая работать лишь ради престижа, Петр предложил компаньонам максимально продвинуть коммерцию, разместив на самолете рекламу «Садко» и судовых двигателей. Естественно, в этот раз на авиашоу отправилась двухместная модель, шестая по счету — одномоторный биплан с шестицилиндровой «звездой» воздушного охлаждения.

Выторговав у царя казенную финансовую поддержку, Самохвалов предложил крайне смелый вариант — перегнать самолет в Англию своим ходом. С учетом запаса дальности всего в триста километров по пути предстоит множество посадок для дозаправки, профилактики и отдыха. Компаньоны навесили запасные баки, одна емкость заняла место в кабине летного наблюдателя.

Город Кале показался под крылом спустя двое суток с момента вылета из Питера. Петр, измотанный донельзя, спавший за время перелета лишь урывками, просто свалился на руки встречающим и уснул во время пресс-конференции. Восторгов журналистской братии это никак не уменьшило. Репортеры захлеб писали о скором открытии авиасообщения с русскими столицами, игнорируя факт, что на дозаправке и обслуживании аппарата во время промежуточных посадок было занято около пятидесяти рабочих, а цена билета, если кто-то захотел бы путешествовать во второй кабине и полностью оплатить издержки, составила бы тысячи рублей.

Пока авиатор отсыпался в отеле, Кшесинский с техником перелопатили самолет до винтика, заменили прежний мотор на свежееобкатанный, поставили новые шины, тяги управления, трубопроводы. Никогда до этого не летали над открытым морем, лишь вдоль береговой полосы Финского залива. Не было и опыта аварийных посадок на воду — никто толком не знал, как долго аппарат продержится на поверхности до прихода помощи.

На рассвете хмурым утром 9 июля 1895 года Самохвалов принял аппарат у Яна, не спавшего ночью и лично сторожившего технику вместе с французской полицией — опыт парижского вредительства был весьма памятен. В пролив вышли два скоростных миноносца, на которых возлагалась надежда в случае, если авария случится до британского берега. Еще одна проблема, неизвестная в полетах над сушей, — отсутствие видимых ориентиров на поверхности, на которые Петр и другие пилоты ориентировались раньше.

Отсутствие солнца можно компенсировать ручным компасом, хотя из-за двигателя и иного металла, коим обильно наполнен самолет, компас давал погрешность. Хорошо хоть, Англия большая, пролив неширокий, а уж там как-нибудь разберусь, решил Самохвалов и закрутил магнето, когда Янек рванул лопасть винта. Новая «звезда» зашлась выхлопом, прогрелась.

Он сделал пробный круг, качнув крылом и поприветствовав немногочисленную публику, высыпавшую проводить его в шесть утра, уклонился на километр к востоку, выровнял курс на Дувр по наземному ориентиру — маяку — и направился вверх, вонзившись в облака. Вспарывая белесую муть, не имеющую ни верха, ни низа, где, казалось, само время вязнет в тумане, Петр про себя решил, что это — последняя модель, не имеющая приборов. На более мощном самолете придется пожертвовать несколькими килограммами дополнительного веса и установить компас, датчик уровня топлива, часы, приборы для измерения высоты и скорости. Теоретически, можно встроить маховик гироскопа, относительно которого вычислять крен и тангаж, когда не виден горизонт, вот только это устройство пока слишком массивно для авиации. Плюс циферблаты контроля за двигателем — обороты, давление и температура масла... Нет, хватит! Иначе придется постоянно пялиться в шкалы, на остальное времени не хватит.

Машина выскочила из облаков с легким креном, хотя внутри тумана казалось, что она держится ровно. Причуды вестибулярного аппарата в отсутствие видимых ориентиров, стало быть. Трудно дышать — набрана высота свыше двух с половиной тысяч метров. Солнце проступило за спиной. Значит, с направления не сбился и компас не врет, Альбион прямо по курсу, в каких-нибудь двадцати минутах.

На душу легло чувство романтического одиночества. Здесь, над облаками, Петр не просто один, он уникален — никого нет в воздухе на многие тысячи километров. Никто не летает над облачностью, разве что редкие аэростаты. Даст Бог, наступят времена, когда в воздухе будет не протолкнуться, придется принимать какие-то меры против столкновений.

Облака неслись под крылом иллюзорной землей. Всего в сотне метров над ними они кажутся плотной субстанцией, на которую можно совершить посадку.

Двадцать минут подошли к концу. Петр вошел в пологое пике, снова нырнув во влажную вату. Очень неприятный момент. Облакам края нет, кажется, что плотный английский туман заполнил пространство до земли, о близости которой оповестит страшный удар или, в лучшем случае, плеск волн, достающих до шасси.

Внизу слева мелькнул паром. Самохвалов отклонился от намеченной прямой не более чем на километр — фантастическая точность. Внес поправку, увидел встречающих и полосу около дуврского порта. Не пожелав там садиться — перелет Кале — Дувр лишь маленький отрезок по сравнению с этапами пути через Центральную Европу, — помахал крылом и отправился на поиск железной дороги к Чатему и Лондону.

Чуть обиженные отказом пилота совершить здесь посадку репортеры наперебой рванули к ближайшему телеграфу: до прибытия «Садко» в британскую столицу надо протрубить на весь мир, что Канал покорен и Англия теперь на континенте, а не на острове!

Самохвалов летел. В воздухе он был выше этой мелочной суеты. Сверху люди, их проблемы и заботы выглядят такими мелкими. Счастье, что абсолютное большинство жителей планеты ни разу не взмывало ввысь. Пусть они чувствуют себя хорошо, не подозревая, какого наслаждения лишены.

Наконец внизу показался лондонский Ист-Сайд, считающийся промышленным и

сравнительно бедняцким для проживания. Петр, предпочитавший западную часть города, в которой прожил несколько лет, снизился и взял правее, к Темзе. Проплывавшие внизу главные достопримечательности Англии — Тауэр, Вестминстерское аббатство, Букингемский дворец, многократно виденные им в прошлой жизни, с борта самолета казались макетами, будто некий лондонский богач изволил заказать себе модель столицы в масштабе один к ста.

Перемахнув через до боли знакомую центральную часть и Гайд-Парк, авиатор направил машину в сторону ипподрома в западном пригороде. Там он был один раз после открытия и уже на месте вспомнил о неприятной особенности стадиона, о которой совершенно не подумал раньше. Кемптон-Парк рассчитан на стипль-чез, то есть скачки с препятствиями, коими изрядно уставлена дорожка, а ровные отрезки между ними невелики и не дают безопасной возможности остановить пробег, коли мотор закапризничает на взлете.

Самохвалов приземлился на травянистом поле в центре Кемптон-Парка и до вечера ожидал представителей технической команды, отбиваясь от репортеров и любопытствующих зевак. Лошадники, не ожидавшие столь скорого прилета, изволили громко протестовать, что аэроплан перепугал их любимцев. В общем, в Англии с прибытием русского появился очажок российского бардака.

За три дня демонстрационных полетов «Садко-б» не просто произвел впечатление, он поверг аборигенов в шок. Машина не только преодолела «детские болезни» предыдущих аппаратов и имела очень приличные аэродинамические свойства. Она стала намного прочнее «четверки» и тем более «тройки». Шестицилиндровая «звезда» получила систему питания, в которой подача топлива не прерывалась в любом положении аппарата, даже вверх брюхом. За год полетов обитатели Гатчины придумали несколько сложных и чрезвычайно зрелищных маневров, весьма отличных от горизонтального движения первых моделей с плавными виражами, кабрированием и пикированием. К тому же Арцеулов открыл, как спастись, если в результате пилотажной ошибки самолет сваливался в штопор.

На неискушенных британцев, далеко не все из которых видели проход над Лондоном, даже взлет-посадка выглядели изрядным аттракционом. Сделав плавный круг над ипподромом, Самохвалов выписал горизонтальную восьмерку с глубокими виражами. Кемптон-Парк взорвался овациями.

Затем Петр разогнал машину, круто взмыл вверх и назад, оказавшись в перевернутом виде, затем вернул ее в обычное положение, опустив шасси вниз. Публика ахнула: русский самолет развернулся в вертикальной плоскости.

«Садко» удалился за пределы ипподрома, вернулся назад на большой высоте и проделал тот же трюк в обратном порядке — перевернулся на спину, с ускорением провалился вниз и выровнялся над самой травой, снова развернувшись в вертикали. Потом продефилировал над полем, неторопливо вращаясь вокруг собственной оси, последний раз набрал высоту, спустился по пологой спирали и сел.

За какие-то четверть часа спокойные британцы, гордившиеся своей чопорностью и сдержанностью, превратились в орущую толпу, готовую прорваться на поле сквозь цепочку полисменов и растащить самолет вместе с Самохваловым на мелкие сувениры. Несмотря на заоблачные цены, в очередь за право подняться в воздух в кабине «Садко» выстроилось более сотни желающих. Пардон, выстроились — не совсем верное слово. Воспитанные джентльмены кричали, ругались, толкались, пускали в ход трости и зонтики, вспоминали приемы английского бокса. Первый же пробившийся к аэроплану счастливец потерял

котелок, порвал летнее пальто-крылатку и имел ссадину на лбу, но был невероятно счастлив возможностью потратить двадцать фунтов стерлингов.

Конечно, фигуры сложного пилотажа Петр в присутствии пассажира не исполнял, ограничиваясь взлетом, набором высоты, нисходящей спиралью и посадкой. Но джентльмены приходили в восторг и от этого, совали фунты и умоляли покатать их еще. Почти каждого британца полиция оттаскивала силой. Такова непреодолимая тяга человека к полету. А уж предложения продать аэроплан, поступить с ним на службу к кому-то из богатых лордов или взять в обучение летному мастерству сыпались как из рога изобилия.

Петр радовался успеху, не понимая лишь одного — зачем лично ему, руководителю и владельцу основного пая предприятия «Садко», далеко не самому опытному летчику и техническому эксперту, пришлось ехать в Англию. Ах да, чтобы произвести правильное впечатление на бабушку божественной Алекс. Ничего, что по прямому приказу сей бабушки британцы убивали русских в Крыму, поддерживали польских бунтовщиков и сепаратистов, ставили палки в колеса любым русским начинаниям в Азии от Порты до Кореи?

Три дня непрерывных полетов, а потом еще и долгих приемов у всяких важных особ настолько вымотали Самохвалова, что в последний день пассажирским извозом занимался Ян. Устал и двигатель: к вечеру последнего дня начал пропускать вспышки, коптить и брызгать касторовым маслом, на чем представление было решено закончить, не подвергая никого опасности.

Предчувствуя возможность каких-то неприятностей и памятуя о диверсии у Эйфелевой башни, Петр постоянно был начеку. Самолет многократно проверяли и перепроверяли перед каждым вылетом. На приемах рядом с ним постоянно находился кто-то из русского дипкорпуса, а номер в отеле охраняла полиция.

Проблемы начались, когда казалось, что уже все позади.

Тринадцатого июля рано утром, когда уставший от шоу и непрерывных празднований авиатор предавался сладкой дреме, в его гостиничный номер вошел представительный джентльмен.

Он объявил, что ему крайне неловко за беспокойство, но дело не терпит отлагательства, посему взял на себя смелость потревожить русского гостя в столь неурочный час.

— Что вам конкретно нужно, сэр? — не слишком вежливо буркнул Самохвалов, присаживаясь на кровати и стаскивая с волос ночную сетку. Можно было бы вообще послать британца подальше, но сам факт, что он проник через полицейскую охрану, трое суток сдерживавшую желающих прорваться к Петру посетителей, включая достаточно влиятельных особ, говорил о незаурядном статусе незваного визитера.

— Вы, вероятно, не запомнили меня. Позвольте представиться повторно. Маркиз Керзон, заместитель министра иностранных дел, — он сделал внушительную паузу, давая собеседнику возможность проникнуться почтением к высокопоставленному визави, снял котелок и перчатки, тем показывая, что намерен задержаться для серьезной беседы. Стряхнув остатки сна, Самохвалов лихорадочно вспоминал, что слышал ранее об этом господине, который, безусловно, мелькал на вчерашнем приеме, но вовсе не был птицей столь высокого полета, как премьер-министр Примроуз и члены его кабинета. Что-то всплыло в голове об азиатской направленности Керзона и его участия в Большой игре — многолетнем противостоянии России и Британии за влияние в центре континента. Гораздо больше, чем репутация, о дипломате говорила его внешность, особенно умные холодные глаза под высоким лбом, устремившимся к темени языками залысин.

Прекрасно понимая, что перед ним враг, Петр подумал, до чего это холеное чисто выбритое лицо контрастирует с привычным видом питерских чиновных старцев, пытающихся длинными бородами походить на византийских мудрецов. Тысячу раз был прав Петр Великий, боровшийся против мужской растительности. Борода есть маска, скрывающая ограниченность и безвольный подбородок. Римские императоры, Наполеон Бонапарт и современные английские чиновники не нуждались в декоративном прикрытии. Пусть Николай II прячется за бороду и усы, если они так по сердцу несравненной Алекс.

— У меня есть предложение. Крайне выгодное и весьма деликатное. Поэтому избрано раннее время, когда вы одни.

— Предложение — от вас лично?

— Нет. От господина министра иностранных дел маркиза Солсбери с одобрения премьер-министра.

— Слушаю. Только кратко, пожалуйста. Мне действительно пора вставать, нужно проконтролировать разборку самолета и его отправку в порт.

— Если вы примете предложение, можно не спешить. Британский кабинет предлагает вам миллион фунтов стерлингов на переезд в Англию и организацию производства аэропланов.

— Не обсуждается. У меня есть завод в России, и я достаточно обеспеченный человек. За щедрое предложение спасибо вам и британскому правительству, но — нет.

— Почему? Здесь условия для жизни и работы лучше, рынок сбыта не сравним с российским. Обещаю полное понимание и покровительство со стороны властей. Здесь немыслимо, чтобы по надуманному обвинению вас посадили в тюрьму как в Минске. Мы заинтересованы, чтобы человек с вашими талантами трудился на благо Британской империи.

— Вы хорошо осведомлены. Но как джентльмен должны понять, что интересы моей страны для меня на первом месте, даже если наше правительство не всегда сразу осознает значение авиационного прогресса.

Керзон глянул на авиатора с любопытством. Понятно, что джентльмен обязан быть лояльным к своей стране, если страна — Великобритания. А вот по отношению к другим странам у него это в голове не укладывалось. Ну не может быть русский настоящим джентльменом, как орангутанг не может оказаться английским лордом. Биологически невозможно.

— Другое предложение. Продайте аэроплан.

— Пока патентная защита наших изобретений не доведена в Британской империи до конца — никак невозможно. Завершим процедуры, тогда милости просим покупать самолеты «Садко». Причем не изношенные долгим перелетом и трехдневным авиашоу, а новые. Прошу простить, я желаю одеться и принять кофе. До свидания, сэр.

— Не торопитесь меня выставлять. Не хотите по-хорошему, будет по-плохому. — Маркиз протянул несколько бумаг. — Восемь лет назад вы провели в Сити несколько весьма рискованных финансовых операций. Здесь судебный приказ на ваш арест и арест вашего имущества в Англии, включая аэроплан.

— Не пытайтесь меня шантажировать. Тогда банк и две компании подали на меня в суд, я легко выиграл дело. Их вклады в финансовую операцию были признаны коммерческим риском, который не оправдался. Решения суда остаются в силе.

— То были гражданские иски. Сейчас за вас взялось государство, а разбирательство будет идти в порядке уголовного судопроизводства.

— Факт, что мой визит происходит по личной договоренности между российской императрицей и ее бабушкой королевой Викторией, ни на что не влияет?

— Конечно, влияет. Но не на правовую оценку ваших проступков восьмилетней давности.

— Я могу взять одежду? Или меня арестуют прямо в постели? Кстати, хочу уведомить о ваших претензиях русского посланника.

— Одевайтесь, а я пока передам ордер констеблю. Последний раз спрашиваю: соглашаетесь на сотрудничество. Тогда правительство отзовет иск.

— Маркиз, шли бы вы подальше... из номера. Не люблю, когда мужчины подглядывают, как я одеваюсь. Вы не находите в этом нечто нездоровое, сэр?

Дежа-вю. Тюремные стены, мерзкий запах мочи и немых тел, угрюмые уголовные рожи. Вот же планида такая, думал Самохвалов. Что в России, что здесь — одинаково. Находятся уроды, страждущие заработать на чужом изобретении и чужой славе, а коли дела пошли не так, как хотелось, — милости просим в тюрьму

На славу, впрочем, не стоит зря грешить. Об авиационном шоу знал весь Лондон, включая тюремных обитателей. Узнав, что в камере поселилась звезда, урки прониклись уважением и даже выделили сравнительно приличное местечко.

Несмотря на расстояние в тысячи километров и разницу культур, опыт минской отсидки помогал. Английские уголовники сразу смекнули, чем им выгоден новый зек. В неволе крайне скучно. Оттого и проистекают дикие забавы и развлечения, которыми заключенные себя тешат, нарушая однообразие отсидки.

Самохвалов стал сказочником. Он часами говорил сокамерникам о небе, самолетах и полетах. Когда последний лондонский карманник знал досконально проблемы запуска мотора «тройки» зимой, Петр перебрался на классическую литературу, по памяти пересказывая Шекспира, Диккенса и Киплинга, о которых окружавшие его жители британской столицы ни разу не слышали.

Так проходили день за днем, неделя за неделей, пока русский дипломат и нанятый им местный адвокат-барристер добивались освобождения хотя бы под залог до суда. Удивительно, но в авторитарной России эти вопросы решались быстрее, чем в сравнительно демократичной Великобритании.

Самохвалова посетил инспектор Скотланд-Ярда, такой же чопорный джентльмен, как и Керзон, только мелкого пошиба. Как только тюремный надзиратель оставил Петра наедине с ним, инспектор чуть смягчил брезгливо-холодное выражение на физиономии и неожиданно совсем по-человечьи спросил:

— Почему вы женщин не катали?

— Сожалею, но женский организм устроен иначе. Их, бывает, тошнит, голова болит и кружится, когда мужчинам это не свойственно. Поэтому небо не для женщин. В России, правда, есть женский авиаотряд, но там долго подбирают по здоровью.

— Да. Жаль. Моя супруга так хотела взлететь, но ее даже в очередь не пустили.

— Сожалею. А сами?

— Что вы, сэр! Она бы меня дома поедом ела. Так — мы оба пострадавшие.

Понятно, суровый инспектор — гроза для жуликов, боится только свою благоверную. Знакомо.

— Увы, господин инспектор. В Англии, понятно, мне уже не летать и не устраивать

шоу. И в Россию не могу пригласить, пока здесь сижу.

— Мистер Самохвалов, должен признаться, ко мне подходил джентльмен с Даунинг-стрит, рекомендовал устроить вам не самые комфортные условия пребывания, если вы не передумаете по поводу сотрудничества с ними. Но я поступлю иначе.

Полицейский вытащил «Санди ивнинг тайме» с фотографией Петра у «шестерки» в Кемптон-Парке и перо. Авиатор написал под диктовку прямо поперек фото: «Дай Бог, обязательно покатаю вас по небесам, леди Мэри».

— Для жены, — улыбнулся в усы инспектор, поднялся, спрятал газету и попрощался.

— Извините, сэръ! А почему вы не исполните поручение по поводу моих условий содержания?

— Я же английский джентльмен! — ответил блюститель законности и покинул авиатора.

Англия одна, а джентльмены такие разные. Самые высокопоставленные четко отличают мораль для внутреннего употребления и на экспорт. Соотечественников, продающих наркотики англичанам, — презирают, а сами много лет вели войну с китайским правительством, неосмотрительно запретившим неограниченную поставку опиумной дури в Поднебесную. Рядовые британцы проще и честнее.

Самохвалова таки выпустили под залог, причем объектом залога стал «Садко-б» с полуразобраным мотором и снятым верхним крылом. Англичане перевезли его прямо в таком виде на военную базу в Портсмут. Оказавшись на свободе, пусть весьма ограниченной, недавний арестант выпросил пропуск к самолету, объясняя необходимостью забрать личные вещи, на которые судебное постановление не распространяется, и удостовериться в надлежащих условиях хранения. Достав из машины летный шлем, он пристроил под топливным баком небольшое устройство из бензиновой зажигалки и ручных часов, шепнув самолету: «Прости!» До первого судебного заседания умудрился проникнуть на борт российского торгового судна, отправляющегося в Питер.

Российский император изволил гневаться. Александра Федоровна пыталась его успокоить, но Николай считал, что здесь задета честь короны и лично божественной Алекс, посему не знал удержу. Вдобавок британцы заявили протест, так как предмет залога при непонятных обстоятельствах сгорел после посещения его Петром. Государь вызвал Самохвалова лично и выразил свое решительное недовольство, как тот смел напакостить в Англии, что угодил под арест, а потом еще трусливо сбежал.

Наученный Ванновским, Самохвалов даже не пытался оправдываться или объяснять нелепость царской обиды. Мысль о том, что арест и конфискация аэроплана были английской провокацией, была, по мнению Петра, слишком велика, чтобы поместиться в маленькую голову Николая II. Оспаривать мнение императора, право, не стоило. Монарх отлично оправдывал расхожую шутку: на Руси три царя, Царь-Пушка, Царь-Колокол и Царь-Тряпка. Император почти никого не наказывал всерьез, более того, помнил заветы отца о важности авиации, в которой разочаровавший его Самохвалов оставался монополистом.

Отмолчавшись на высочайшем разносе, авиатор дал себе волю перед журналистами. Он рассказал о демарше Керзона, о враждебности английского правительства всему русскому, о наглой провокации со старыми финансовыми счетами, с помощью которой его шантажировали и пытались силой завербовать для организации авиационной промышленности на островах.

Петр в запале заявил об отказе от какого-либо сотрудничества с британцами в области авиации и призвал к бойкоту английских товаров, а также экспортных поставок в эту страну. Он заявил, что узкий пролив между материком и островами более не защищает империю, открытую к атакам с воздуха. Что теперь он будет ратовать за авиационный прогресс у явных и скрытых врагов британской короны. Наступит час, когда авиационные бомбы и гранаты полетят на беззащитные английские города, унося тысячи жизней.

Он не думал о том, что могут натворить авиабомбы, бросаемые с самолета на жилые кварталы. Если бы Самохвалов увидел горящие города, он устыдился бы своих жестоких и необдуманных слов, в горячке брошенных журналистам.

Глава 7

20 сентября 1895 года — 3 февраля 1897 года.

Санкт-Петербургская губерния

— Надеюсь, я не рискую казаться невежливым, господа, собрав вас в неофициальной обстановке?

— Ни в коем разе, ваше императорское высочество. Напротив, для нас огромная честь — высочайшее внимание к нашим скромным начинаниям, — Самохвалов не только словами, но даже телом изобразил некое подобие поклона, желая отработать спектакль и быстрее убраться к своим делам.

Великий князь скривился.

— Петр Андреевич, мне рекомендовали вас как умного человека. Стало быть, вы понимаете, что от моего присутствия в Гатчине у вас прибавляется хлопот. Более того, назначение меня главнокомандующим воздушными силами империи, когда самих сил еще нет, есть выражение недоверия государя императора, приставившего к вам соглядатая в моем лице. Позвольте предположить, дорогой наш авиационный первопроходец, что вы ведете себя со мной неискренно.

— Ваше императорское высочество! — решился подать голос Джевецкий. — Мы, право, удивлены, что к авиации, еще не вышедшей из детского периода и пока не имеющей военно-экономической ценности, приставлен представитель императорской семьи. Посему не можем уразуметь, как относиться к государевой воле — считать ли ее поощрением, недоверием либо чем-то другим. Потому и прячемся за учтивыми фразами.

— Волю императора надлежит исполнять, другого отношения к ней я не приемлю. Что же касается высокого уровня назначения, когда дядя государя занимается вашими делами, прошу, господа, учесть следующее. Это — не честь для вас, а ссылка для меня, — великий князь Александр Михайлович посмотрел на акционеров «Садко» с грустной усмешкой. — О неафишируемых причинах своей отставки с флота я расскажу чуть позже. Однако не престало члену правящего дома бездельничать. Кроме того, удивительно совпали интересы. Инициаторы моей отставки — великий князь Алексей Александрович и министр финансов Витте — приветствуют направление на незначительный с виду пост. Я хочу многого добиться через авиацию, поэтому упросил государя утвердить меня на этой должности. Поздравляю: благодаря моим настойчивым потугам реформировать флот и вашей, Петр Андреич, несдержанности перед британской прессой мы все — немного изгой. На сем извольте завершить официальную часть. Нам придется много общаться, полное мое титулование займет изрядное время. Посему вне официального протокола прошу именовать меня просто — Сандро.

Александр Михайлович приблизился к мангалу и проверил готовность шашлыков. Родившись и проведя юные годы в Тифлисе, великий князь, пусть даже отделенный от простых жителей Сакартвело стенами дворца наместника и социальными барьерами, кое-что перенял у горских народов: любовь к простой мясной пище, жареной на углях и запиваемой молодым вином, широту души и некоторую простоту нравов. Эти качества не вытравило до конца традиционное домашнее воспитание, прививавшее нетерпимость к любым нациям и вероисповеданиям, кроме православных русских, и сословное высокомерие ко всем, в ком менее четверти крови правящего монарха.

Пока высочайший хозяин пикника ворочал мясо, трое авиаторов, сидя в уютной беседке на берегу гатчинского Белого озера, лихорадочно соображали, как им вести себя. Когда Грибоедов опубликовал бессмертные слова «минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь», он лишь озвучил вековые чаяния простых русских людей. Если верить великому князю, «Садко» получил двойной удар — непрерывный высочайший надзор за всем, что делается на заводе, плюс рикошет от неизбежных напастей, что падут на голову опального Романова. Желание «многого добиться» возвещает о грядущих высочайших инициативах, которые никак не помогут нормальной работе. Удивительно, но воздушные экзерсисы в непосредственной близости от Гатчинской царской резиденции практически никак не привлекали повышенного внимания, не считая памятный полет Александра III. И вот — на тебе.

— Александр Михайлович, позвольте обращаться к вам по имени-отчеству, — решительно отметил дистанцию Самохвалов. — Я ценю ваше предложение об общении накоротке. Но позвольте заметить, мы с вами виделись единственный раз, когда усопший император своим рескриптом даровал мне дворянство. Посему звать вас Сандро и просить называть меня Петей, как бы яснее выразиться... несколько опрометчиво с моей стороны.

— Петр Андреевич, я ходил на учебном корвете с простыми курсантами недворянского звания. Вы, верно, думаете, что когда мы ставили топсель на бизань-мачте, боцман обращался: «господа курсанты и вы, ваше императорское высочество, будьте так любезны потянуть за кончик, ибо он совсем ослаб». Нет, он орал на всех нас, что если мы, рыбы дети, не натянем канат как следует, он лично вобьет адмиралтейский якорь каждому в пятую точку и провернет. Я и подзатыльники от него получал. Сейчас себя чувствую в таком же положении, ибо о состоянии дел в авиации знаю понаслышке. Сиречь — такой же курсант.

— Тогда, быть может, и начинать с азов? Я лично походатайствую перед Кованько чтобы вас обучили пилотированию или хотя бы работе летнаба. Без понятия, каково оно в воздухе, вы вряд ли многого достигнете, — предложил Костович, и его компаньоны затаили надежду, что хотя бы на несколько месяцев чересчур энергичный вельможа оставит «Садко» в покое.

— Огнеслав Степанович, я ценю ваш совет и непременно научусь управлять самолетом. Но, к вашему сожалению, так просто от меня не избавиться. Если вас не затруднит, завтра же прошу показать сборку аппаратов. И на производство авиадвигателей недурственно взглянуть. Но хватит о деле, господа. Шашлык поспел, я предлагаю под него тост за будущее российской авиации.

В Лондоне Самохвалов не вгонял «шестерку» в пилотажные фигуры, имея пассажира на борту, не только из-за опасения рвоты в кабине. Лишние семьдесят—восемьдесят килограмм веса заметно нагружали аппарат, который без пассажира имел взлетный вес менее полутонны. Но ради попытки отвадить высочество от высоты он пошел на риск. Исключив из программы вертикальный разворот — могло просто не хватить энерговооруженности в восходящей фазе маневра — Петр выжал из самолета все, на что тот был способен. Начал со змеек и восьмерок, закладывая такие виражи, что крыло становилось почти перпендикулярным земле. Прокрутился над Гатчиной одной длинной бочкой, насчитав двенадцать оборотов вокруг продольной оси. Закончил обратным разворотом — полубочка и полупетля с длительным пикированием.

Великий князь был извлечен из кабины в бело-зеленой цветовой гамме лица, рухнул на

траву и вывернул туда завтрак вместе с содержимым печени. Когда его перестало рвать желчью, с трудом поднялся. Ни в Индийском океане, ни в Атлантике, ни в проливе Лаперуза его так не штормило. Летчик, на голову ниже своего пассажира и обладавший гораздо более хрупким телосложением, стоял и приветливо улыбался.

Сандро глянул на мучителя со смесью ненависти и зависти, взял себя в руки и прохрипел:

— Приведу себя в порядок и жду обещанной экскурсии на завод. Коли погода позволит, прошу завтра еще один вылет. Спасибо, Петр Андреевич. Эка вы меня укатали.

Через час визитер в образцовом виде, ничем не напоминая себя послеполетного, осчастливил высочайшим присутствием сборочный ангар, где замучил мастеровых вопросами. Как и Можайский, он имел неплохую техническую флотскую подготовку.

Великий князь, немец по происхождению и русский шовинист по воспитанию, не мог не отметить чрезвычайную национальную пестроту авиационного гнезда: серб Костович, поляки Джевецкий и Кшесинский, немец Таубе, полинезиец Пля, калмык Аюк. Самохвалов повел гостя в свою каморку демонстрировать вызревание новых конструкторских идей. Первоначальный ледок отчуждения между ними начал таять. Как увлеченный человек, Петр невольно тянулся к любому, кто проявлял интерес к его работе. Александр Михайлович не был праздным зевакой или энтузиастом-дилетантом вроде Талызина и Трубецкого-младшего. К моменту прощального рукопожатия директор «Садко» поймал себя на мысли, что, возможно, Николай II сделал важный шаг в управлении страной — назначил умного человека руководить областью, самому императору непонятной. Так бы и везде.

В последующие дни Сандро навестил моторный завод и начал занятия по летной подготовке у Кованько. Самохвалов решительно пресек поползновение великого князя учиться у мэтра — то есть у него самого. Он объяснил Александру Михайловичу, что инструкторы Гатчины имеют гораздо больший опыт первоначального обучения, и обещал дать со временем ему мастер-класс. На этом жизнь в авиационном мире вернулась в прежнюю колею.

Высокородный отставной моряк разок-другой в неделю забегал на авиазавод, потолковать с Самохваловым «за жизнь» и уничтожить пузырек Шустовского коньяка. Но у него не было шанса стать наперсником Петра, каким был Можайский. Несмотря на почтенный возраст контр-адмирала, тот при необходимости носился на Обуховский завод, на фанерную фабрику Костовича, неделями просиживал на сквозняках у аэродинамической трубы, не считая себя мальчиком на побегушках, а действовал по принципу «надо — значит надо». Великий князь был в два с лишним раза моложе Можайского на момент знакомства того с Самохваловым, но у последнего и в мыслях не могло возникнуть, например, отправить внучатого дядю правящего императора проверить заказ на изготовление свечей зажигания или поругаться за просрочку доставки магнето.

В конце октября начались дожди, и из-за распутицы в школе Кованько прекратились практические занятия по рулежке на земле. Понятно, что сессии с огненной водой участились, и великий князь наконец приоткрыл завесу над страшной тайной своего падения из флота в авиацию.

Веришь ли, дорогой Петр Андреич, — начал высокопородный гатчинский курсант, когда собеседники почти добрались до стадии насыщения организмов коньяком, при котором можно называть друг друга Сандро и Петя. Невзирая при этом на августейшее происхождение одного и пожалование дворянства другому лишь через императорский указ.

— Меня в Зимнем дворце никто не понимает. Разве что Ксения — но она жена моя и умница, даром что сестра Никки.

— Я тебя понимаю. И уважаю, Александр Михалыч, — Самохвалов плеснул в себя совсем уж лишнюю стопку и наполнил следующую.

Не заметив реплики и разговаривая скорее с собой, чем с авиазаводчиком, Сандро продолжил:

— Не, не скажи, Никки — хороший. Умный он вообще, семью любит. Но не готов на царя, хоть плачь. Его батюшка император всероссийский в поезде разбился, вечная память ему, всего сорок девять было, думали Николая еще лет десять к трону готовить. Он порядочный — вот в чем его напасть. Император должен быть сволочью ради своей страны. И сильным. Знаешь, Александр Александрович монеты двумя пальцами гнул, колоду карт руками рвал, кочергу узлом вязал. Э-э, о чем это я? Да, помню, мы с отцом гостили у него в Гатчине, тут прилетает посланник английский, что твоя Баба Яга в ступе, и высочайшей аудиенции требует — ситуация, мол, в Европе трагическая. Знаешь, что папа Никки ответил? Когда император всея Руси рыбу удит, Европа пусть изволит обождать. А сейчас государю нашему неудобно перед англичанами, что твой залог сгорел. Как же-с. Хотя претензий-то было тысяч на пять фунтов, когда самолет не меньше десяти стоил. Мерзавцы... Выпьем еще по одной.

— Да сам я его спалил, — в порыве пьяной откровенности раскололся Самохвалов. — Зажигалку с часами оставил.

— И правильно... Нефиг им. Привыкли весь мир грабить. Ух, как я сегодня хорош. Ты как, Петр Андреич?

— Но... нормально.

— Пошли прогуляемся. Люблю осень, мать ее.

Пара набравшихся коллег-авиаторов, ветеран и новичок, выбрались из заводоуправления и потащились к Гатчинскому дворцу под морозящим октябрьским дождем. Верховой лакей, зацепив уздечку великокняжеской кобылы за луку своего седла, почтительно двинулся в отдалении. На свежем воздухе Александр Михайлович начал приходить в себя, а речь его стала правильной.

— Эх, Русь, страна бедовая. Знаешь, были мы как-то с Витте в Соединенных Штатах. Я ему говорю — вот страна для нас пример. Тоже пространства огромные, богатства несметные. Волю народу дать, чтобы сам богател и государству доход нес. Вернулись домой, куда там. Никки всего боится, чуть что — к великому князю Николаю Николаичу за советом, а от того реформ ждать — что снега в августе. Или к Сергею Александровичу, который свой талант проявил еще на коронации, устроив празднества для молодого императора на Ходынском поле, на ямах после учений саперных полков. Тысячи людей насмерть задавило, царствование Никки с рукотворного горя началось, а великому князю что с гуся вода.

Тут пьяный штурман направил свою мысль по прежнему курсу.

— Беда для нас — что не на Америку, на Европу равняемся. Витте по примеру Вильгельма решил казенное управление в хозяйстве развивать. Веришь ли, любезный Петр Андреич, он императору предложил выкупить «Садко» за сто тысяч рублей и самим «самолетное воздухоплавание» двигать.

— Не продам-с! — пьяная приветливость и откровенность сменилась у Петра пьяной же упертостью.

— Господи, да кому ж твое мнение интересно. Продал бы как миленький. Новые

казенные заводы работают страсть как скверно. Но они казенный заказ выполняют. И наш разлюбленный министр финансов им такие деньжищи отваливает, что купить у нашего частника, да и в тех же Германии-Франции, раза в три дешевле. Ну, в два. Я говорю Никки — сколько наш Витте с тех заказов в карман кладет? И слышу в ответ — не моего ума дело, а порочить людей достойных есть недостойно, прости мой французский. Потом он министру про мою ябеду как анекдот рассказывает. Витте с каждым разом все больше, елико возможно больше, меня ненавидит. Потому предложат продать «Садко» — продавай. Сараи свои поставишь на любом поле, кроме Ходынского. В казенных руках старый завод за год зачахнет, если ты Военному министерству предложишь обновленный аэроплан дешевле, чем умельцы Витте смету нарисуют.

— Понимаю, почему вас со службы попросили.

— Да ни хрена ты не понимаешь. Прости, Петр Андреич. Я в Японии был, и кораблестроительную программу знаю. Веришь ли, но следующий враг наш — Япония. Не смейся. Лет через семь-восемь они смогут так нам дать прикурить, что Дальний Восток потеряем. Я доложил генерал-адмиралу нашему, Алексею свет Александровичу, надс реформу флотов делать. Армады Балтийского и Черноморского флота потихоньку к Владивостоку направлять — в случае войны за месяц их через полмира не перегонишь. Закладку новых бортов начинать, качество наращивая, а не только тоннаж и число стволов. Бронепалубные крейсера в прошлое уходят, полное бронирование надобно. Не за калибром одним гоняться, а за мощностью минутного огня, темп стрельбы учитывать. По пироксилину масса вопросов — зело гигроскопичен он. Японцы меланин осваивают, но и это не дело — неустойчив, хранится плохо. Куча проблем.

— И что великий князь? — Самохвалов спросил из вежливости, морские проблемы его интересовали не больше погоды в Тасмании. Но Сандро, похоже, впервые за много месяцев решился выговориться, и его снова понесло.

— А ничего! Послал меня на х... Ему реформы флота — лишняя головная боль. Я понятно, к Никки. И не за посиделками, официальное отношение направил, сопроводив графиками роста флотов. Объяснил, что в войне с турками флот мало что значил, с Германией будет какой конфликт — он на земле решится, а не в Балтике. С англичанами у нас толкотня в Азии, туда мы по суше армию доставим, пусть джентльмены по морю таскаются. Стало быть, на повестке Япония. Ее от Китая, Маньчжурии, Кореи и нашего Дальнего Востока флотом отрезать — и все, удите рыбу с берега, самураи.

— Государь император одолел ваши построения?

— Зря, Петр Андреич, его за дурака принимаешь. Никки все изучил, понял, проникся согласился с выводами и объявил мне, что не может Алексея Александровича обидеть, мою сторону приняв. Он его родной дядя, опытный адмирал, на флоте сколько десятилетий. А я? Боковая ветка, внук Николая I, правящему царю внучатый дядя. Даром что мы друзья детства, и Никки знает мою преданность. Ну да, я его зять. Дальше вот как вышло. Генерал-адмирал, последние лет пятнадцать ходивший в плаванье только по будуарам доступных дамочек, поставил вопрос ребром: на флоте или он, или я. Император испугался двух вещей: дядю Алексея обидеть и флот без его ока оставить. Мне сказал — ты молод, Саша, успеешь карьеру сделать. И вот я тут.

Самохвалов, принципиально далекий от высокой политики, услышав из первых уст правду о развале руководства страной, похолодел. От пьяного великого князя он узнал гораздо больше, чем ему положено было. С такой правдой и жить опасно.

Однако вместо того, чтобы разорвать дистанцию, уйти в кусты, вроде как не мое это дело, остановился, взял августейшего родственника за рукав, почти сфокусировал глаза и спросил:

— Ты говоришь, Сандро, что царь мягок и не может править. Вокруг неспособные родственники в компании казнокрадов. По твоим словам, Россия гибнет?

— Мы с тобой все исправим, Петя. Больше, пожалуй, некому. Только молчи, друг.

У самого дворца заговорщики добавили из носимого лакейского запаса, что, наложившись на ранее принятое, дало убойный эффект. Князя увели, Самохвалов также был уложен в гостевых покоях. Впервые в жизни он ночевал в императорском дворце.

Отменное здоровье моряка и отличное качество неумеренно потребленного напитка позволили великому князю выйти к завтраку безо всяких следов вчерашнего разговения. Петр чувствовал себя хуже, но большей частью контролировал свое положение во времени и пространстве. С ужасом вспомнив заключительную часть вечернего разговора, он был морально готов к изложению плана государственного переворота, дабы у власти оказались не мягкотелый монарх сотоварищи, а волевые и уверенные в себе люди. Ковыряясь серебряной вилкой в серебряном же блюде, Самохвалов мысленно примерял кандалы Кюхельбекера, в панике осознав, что у него нет выхода — отказаться от соучастия и стать ненужным свидетелем великокняжеских откровений почти такая же верная смерть, как и участие в крамоле.

— За ваше здоровье, спаситель России! — подняв рюмку с грузинским на этот раз коньяком, Сандро подтвердил его худшие опасения.

— Спасибо, ваше императорское высочество. Как же ее спасти, родимую?

— Создать самолет, коему под силу нести мину Уайтхеда на расстояние в триста миль.

— Простите, что это?

— Все забываю, что вы гений лишь в сфере авиации и банковских афер. Не обижайтесь. Это самодвижущая мина, способная поражать корабли на расстоянии от четырехсот до восьмисот ярдов. Такие мины стоят на вооружении всех крупных флотов мира. Но чтобы выйти на дистанцию удара, крейсер или миноносец попадает в зону огня прямой наводкой. Поэтому мины Уайтхеда — оружие добивания поврежденных кораблей. Если не выпрашивать у казны десятки миллионов на постройку броненосцев и броненосных крейсеров для защиты Дальнего Востока, а поставить на вооружение полсотни самолетов с минами Уайтхеда, японский флот нам не страшен.

Самохвалов промокнул лоб салфеткой. Казнь за подготовку к цареубийству откладывалась на неопределенный срок.

— Сколько весит мина?

— От 600 до 1200 фунтов.

— Простите, Александр Михайлович, сегодня голова плохо соображает. Можно в метрической системе?

— 272 или 545 килограмм соответственно, — ответил Сандро, исчеркав салфетку. — Причем интерес представляет именно тяжелая мина, получив которую миноносец непременно затонет, а крейсер или броненосец получит изрядное повреждение и будет стремиться выйти из боя.

— Максимальный взлетный вес «шестерки» 570 килограмм, «пятерки» — 630. Машины, способной нести груз в полтонны, нет даже в проекте.

— Простите, что напрягаю вас на большую голову, но прошу, Петр Андреевич, посмотреть некоторые прикидки.

По команде хозяина лакей быстро принес из недр дворца красивую кожаную папку.

— Я позволил себе вывести графики зависимости грузоподъемности ваших моделей от третьей до шестой с учетом мощности двигателя, максимальной скорости, массы аппарата и площади крыла. Очевидно, что все показатели растут, кроме площади — у «шестерки» она даже меньше, чем у пятой серии. Стало быть, увеличивается удельная нагрузка на единицу площади. Я предлагаю, не дожидаясь постройки сверхмощных моторов, спроектировать машину с большим удлинением крыла и четырьмя моторами от шестой модели. Возможно, ее скорость упадет по сравнению с последним аппаратом, который делает до сотни миль в час.

— Больше. Сотня миль — это 160 километров. Без пассажира я разогнался почти до 175 километров в час.

— Я меряю в морских милях.

— Еще раз прошу, извольте придерживаться французской системы.

— Хорошо. Не важно. Если воздушный миноносец будет покрывать сотню километров в час с миной или сто двадцать порожним, в радиусе ста миль от базы он уничтожит или повредит любой японский корабль. Ну, пусть в радиусе сто восемьдесят километров. Достаточно иметь в качестве базы Порт-Артур или какой иной китайский порт в Желтом море плюс держать авиаотряд во Владивостоке, и японцам не позавидовать.

— Допустим. А теперь давайте представим, как наш монстр выходит на цель, — Самохвалов представил несущуюся на него конструкцию Эйфелевой башни, с которой ненавистный автор железного недоразумения строчит по самолету из пулемета. — Вся корабельная артиллерия бьет по миноносцу шрапнелью. Надо на дистанции 500-600 метров выровняться на малой высоте, сбросить мину, отвернуть, пройдя в каких-то двухстах метрах от врага и дотянуть до базы, несмотря на повреждения. Сюжет по правдоподобию напоминает гоголевского «Вия», не находите?

— А я и не говорю, что будет легко. Даже готов допустить, что из четырех машин, выходящих на броненосец, лишь одна добьется попадания и одна вернется на базу. Но всадив ему в борт мину калибром 457 миллиметров, наши летчики убьют сотни моряков противника и выведут до конца войны корабль ценой больше пяти миллионов рублей. Наши потери — шесть летчиков и на шестьдесят тысяч рублей техники. Более того, если держать нашу секретную карту в рукаве и перебросить к театру боевых действий к самому началу войны, противник не успеет подготовиться к отражению воздушных атак. Я по собственному опыту сужу — мы пробовали стрелять в аэростат. Крайне неблагоприятное, скажу вам, дело.

Собеседники замолчали, приканчивая закуску. Самохвалов не мог заставить себя включиться в стратегические расчеты военного и государственного уровня. Обычно на войне стороны несут потери одного порядка. Если победитель добился соотношения сам-три, это грандиозный успех. Чаще же выигравшая сторона несет большую убыль пушечного мяса, считая победой захват городов и территорий, а мужиков бабы еще нарожают. Посему на шесть или даже на десять погибших пилотов уничтожить сотню-две вражеских моряков и уберечь сотни русских душ от японских снарядов — великое дело. Но при этом строить самолеты, рассчитанные на рейс в один конец, готовить летчиков-смертников... Ужасно. Неприемлемо. Он попытался высосать из пальца последний контраргумент:

— Строительство огромного самолета-миноносца не скрыть. Эффект неожиданности

не сработает.

— Не поверите, дорогой Петр Андреевич, и об этом я подумал. На испытательно-демонстрационных полетах превратим нашего антисамурая в воздушную цистерну. Совершим беспосадочный перелет из Европы в Америку.

— Александр Михайлович, вы с ума сошли. Простите великодушно. Да и кто согласится висеть над океаном двое суток на аэроплане?

— Например, я. Или любой русский офицер по моей просьбе. Дорогой Петр, иногда мне кажется, что свою нацию вы знаете куда хуже, нежели я, германец по рождению. Предвижу последний вопрос, о финансировании проекта. Про казну можно забыть, оплатится только готовый миноносец. Годовое содержание великого князя обходится империи в двести тысяч рублей ежегодно. Постараюсь ужаться наполовину. Сто тысяч вам хватит? Принимайте заказ! Убережем Родину на восточных рубежах — глядишь, и в центре как-нибудь образуются.

Воля великого князя не равна императорской, но тоже очень много значит. Однако, увы, есть неумолимые законы физики и техники, которым начхать на цареву веленье и великокняжье хотенье. Строительство одного только деревянного эллинга шириной в тридцать пять метров и длиной в полсотни растянулось на месяцы.

Месяц ушел на подготовку технического задания. Сошлись на следующих параметрах: размах верхнего крыла до тридцати метров, суммарная площадь обоих крыльев от ста пятидесяти метров, взлетная масса порядка пяти тонн, минная или бомбовая нагрузка не менее восьмисот килограмм, боевой радиус не менее пятисот километров. В ипостаси самолета-разведчика, без бомбовой нагрузки, машина должна держаться в воздухе не менее шести часов.

На сомнения Самохвалова, хватит ли летающему динозавру четырех моторов от «шестерки», Джевецкий ответил ему, что шестицилиндровую звезду можно дорастить до восьми цилиндров и даже поставить двенадцать цилиндров в два ряда. Неизбежно возрастет расход топлива, поэтому стоит плясать от печки — от планера, заставить его летать на «жалких» шестистах лошадей имеющихся моторов, а там уже смотреть, сколько мощности нужно.

Грандиозная задача по строительству четырехмоторного биплана, миноносное будущее которого великий князь и авиаконструктор пока никому не раскрывали, на время снова сплотила акционеров «Садко». Пока чудесные озарения чередовались с многомесячной рутинной расчетов, моделирования и испытаний макетов в аэродинамической трубе, произошло одно малозаметное событие, которое впоследствии имело достаточно серьезные последствия. В конце февраля санный экипаж доставил в Гатчину молодого артиллерийского поручика, который отрекомендовался как Глеб Евгеньевич Котельников, изобретатель. Услышав об артиллерийском офицере, пытающемся облагодетельствовать авиацию, Самохвалов тотчас вспомнил Талызина, велел было гнать посетителя, но решился на пятиминутный диалог с ним только из вежливости, узнав, что поручик специально приехал из Царства Польского.

Пять минут превратились в час, по истечении которого Петр приказал извлечь на свет божий остатки шелкового полотна, сохранившегося со времен экспериментов с первыми двумя планерами, выделил Котельникову Аюка и Кшесинского в помощь, попросив артиллериста задержаться хотя бы на несколько дней. Пока создавался первый в мире

ранцевый парашют, изобретатель рассказал, как родилась его идея.

Поручик был впечатлен рассказом о гибели летчика из школы Кованько. На его «четверке» отказал двигатель, высота была большая, но до полосы не дотянуть. Курсант совершил вынужденную посадку на лес и погиб. Тогда Котельников задался вопросом: почему на самолете нет средства аварийно его покинуть. Он перечитал по этому поводу все, что можно найти в Варшаве, и узнал, что единственный способ спуска с летательного аппарата — парашют. Но изготовленные ранее экземпляры представляли собой большие зонтики вроде того, на котором в Британии прыгал Самохвалов. С аэростата, специально запускаемого для парашютирования, прыгать еще туда-сюда. Но прикрепить зонтичную конструкцию к самолету и тем более воспользоваться ею невозможно.

Однажды в опере офицер увидел даму, случайно уронившую с балкона скомканный платок из тончайшей ткани. Прямо в воздухе он развернулся и плавно опустился на лысину сидевшего в партере пана.

Эврика! Парашютная ткань должна быть уложена в стопку так, чтобы раскрыться от набегающего потока воздуха. Котельников продемонстрировал модель, привязав бечевки к концам восьмиугольного полотнища, подвесив груз и забросив ее на высоту метров семи. В падении комок раскрылся, купол наполнился воздухом, и грузило мягко опустилось на землю.

Конечно, недели не хватило. Шелк порезали на десяток прототипов, он закончился, пришлось купить дополнительно несколько рулонов. Лишь через два месяца четырехпудовый мешок картошки, сброшенный с высоты пятисот метров, показал, что нижние картофелины не превратились в пюре от удара.

— Можете прыгать, барина, — Аюк продемонстрировал ранец с лямками.

— Ты — первый, — ответил Самохвалов.

Калмык насупился, испросил еще неделю, настоял на втором пробном сбросе картошки, потом навесил на себя сразу два ранца — основной и запасной — и с криком отчаянья покинул кабину летнаба на высоте около тысячи метров. Приземлился на снег, заполучив перелом лодыжки и премию в виде мешочка пятикопеечных монет: любой летчик предпочтет месяц в гипсе, нежели верная смерть в падающем самолете. Очевидно, не только конструкция парашюта стала причиной травмы. Полет на куске материи и приземление, равное прыжку с метров шести-восьми, есть наука, которую в будущем предстояло придумать. В октябре 1896 года Самохвалов и Котельников получили российский патент на ранцевый парашют.

Великий князь, наконец, получил удостоверение об окончании Гатчинской офицерской школы и надолго съехал в Киевский авиационный отряд. В подчинении командующего Военно-воздушными силами империи была всего одна боевая часть, общей численностью равная двум пехотным ротам, причем половина состава приходилась на аэродромную службу. Жизнь в цехах «Садко» утратила некоторую нервозность, возникавшую каждый раз, когда его императорское высочество переступало порог ангаров. Нет, Александр Михайлович не бросался командовать или иным образом обильно влиять на работников либо давить авторитетом. Просто он — дядя и зять Помазанника Божия — императора Всероссийского, фактически воплощение Бога на земле. Поневоле дрогнет стамеска или отвертка.

К концу лета аэродинамическая труба приняла макет миноносца в масштабе один к трем. Казалось бы, нет принципиальной разницы между двухмоторным и четырехмоторным

бипланом. Но результаты обдува принесли множество проблем, над которыми Самохвалов, Джевецкий, Костович и Жуковский бились почти до нового года, внося изменения в макет и снова стучась головой об стену от новых аэродинамических данных. Дошло до того, что модель монстра превратили в полноценный самолет с четырьмя двухцилиндровыми двигателями, облетали за декабрь и только после этого утвердили чертежи аппарата.

Сборка первого экземпляра началась лишь в январе 1897 года. Тогда стало очевидно, что выделенных ста тысяч рублей категорически не хватает. По всем прикидкам, серийный экземпляр миноносца должен обходиться в пять-шесть раз больше одномоторной «шестерки». Расходы на его проектирование также были невероятно высоки. Если бы не настойчивость великого князя, субсидировавшего проект, никто в конце XIX века не взялся бы за подобное.

Глава 8

2 апреля — 22 декабря 1897 года.

Санкт-Петербургская губерния

В апреле, к первым выкатам самолета, Александр Михайлович решил вернуться в Гатчину. Он не мог пропустить момент, когда его птица вылупится из яйца.

Великий князь — фигура, привлекающая внимание и обязанная появляться на публике. Народ желает знать, в какую прорву уходят десятки миллионов рублей, списываемых на содержание семьи Романовых. Поэтому торжественные выходы — часть рутинных обязанностей императорской родни.

Недлинный путь от Гатчинского дворца до «Садко», где якобы впервые великокняжеское творение будет извлечено из ангара и прокатится по площадке на своих моторах, Александр Михайлович с Ксенией Александровной проделали в открытом экипаже, запряженном парой отборных лошадей. Конные лейб-гвардейцы впереди и позади, парадно одетая публика и репортеры по бокам.

К показушной акции крылатый миноносец, естественно, выкатывался трижды, бегал по взлетно-посадочной полосе, шумя моторами на половинных оборотах, и отправлялся обратно под крышу на устранение очередного списка огрехов. Кто же возьмет на себя ответственность за неудачу от первого запуска на глазах приглашенной толпы и журналистов? Вот и готовились, оделись в новые рабочие спецовки и ждали у машины. Но публике и газетчикам подробности знать не обязательно.

Когда до открытых дверей ангара оставалось метров двести, случилось то, что уже несколько раз происходило на Руси в последние десятилетия и, к огромному сожалению, может стрястись еще. Моложавый прилично одетый господин кинулся к великокняжескому экипажу, прохрюкал что-то вроде «долой самодержавие!», замахнулся непонятным предметом и метнул его под передок, при этом споткнувшись и повалившись вперед.

Огненный букет на миг скрыл ландо, громовой раскат ударил по ушам и толкнул в грудь.

Может, бомбисты ждали верховое появление Сандро. Или не рассчитали заряда. Бомба убила кучера, лошадь и самого террориста. Верховой гвардеец из сопровождения августейшей четы отделался ранением, а великокняжескую семью просто оглушило.

Самохвалов и его работники бросились к развороченному экипажу. Лейб-гвардейцы достаточно бесцеремонно оттирали посторонних от места трагедии — бомбисты нередко действовали группой, и другой фанатик мог совершить вторую попытку Петр с трудом втолковал офицерам, что за толстыми бревенчатыми стенами завода более безопасно.

Гатчину наводнили жандармы. Каждый из инженеров и мастеровых «Садко» был с пристрастием допрошен и передопрошен, такой же процедуре подвергся состав офицерской школы до последнего денщика и кухарки.

Через пару дней великий князь пригласил Самохвалова к себе. Он выглядел неплохо, но неважно слышал да был непривычно бледен.

— Как вы, Александр Михайлович? — Петр никогда не считал экс-моряка таким же другом, как Можайский, или соратником, как Джевецкий с Костовичем, но искренне за него переживал. По мнению авиатора, Сандро был наиболее симпатичным представителем весьма неоднозначного императорского семейства.

— Нормально. Ксению перепугали, мерзавцы.

— Уже выяснили, кто именно?

— Нигилисты-народовольцы и тому подобная сволочь. Перевешать бы их всех. Бесхребетность Никки, связывающего руки жандармскому корпусу, до добра не доведет. Вышьем.

У великого князя подрагивали руки. Вероятно, он получил легкую контузию. Далеко не первая за утро рюмка коньяка, как и в прошлый раз, развязала ему язык, и на Самохвалова посыпался поток частных сплетен из высших сфер власти, кои были ему не интересны и даже вредны, но и уклониться от разговора решительно невозможно.

— Было несколько покушений на прежнего государя императора. Жандармы их выслеживали и арестовывали. В 1887 году присяжные признали виновными группу из пятнадцати негодяев, которые уже и взрывчатку подготовили, и планы расписали. Суд не колеблясь прописал вздернуть пятерых главарей, остальным — каторгу, хотя я бы всем одел веревочный галстук. В Европе либеральные газетки взвыли, император их не соизволил заметить. А Никки перед всеми смущается.

Императорский родственник продолжил накачиваться и налил Самохвалову, продолжая откровения.

— Младший брат одного из казенных подонков, некто Владимир Ульянов, получает возможность учиться в университете за счет казны. Его выгоняют за, естественно, революционную деятельность и бунт. А что еще ждать от гнилой яблони? Цветущий персик? Нет, кучу гнилых яблок. Но теперь правит Никки, многое дозволено. Ульянов оканчивает Казанский университет, становится помощником присяжного поверенного и начинает заниматься чем? Правильно — угадал, Петр Андреевич, сей персонаж весь в революционной деятельности! Вот только убить императора или кого-нибудь из нашей семьи уже мало им. Долой самодержавие, мать их... Р-революционеры хреновы. Никки плохо умеет править страной, однако больше вообще ничего не умеет. Его — в пастухи? Что же делает наш повелитель, чтобы не менять скипетр на пастуший рожок? Он вызывает министра юстиции и говорит: ни-ни, Европа на нас смотрит. И революционным мерзавцам вместо пожизненной каторги, как того Уложение о наказаниях требует, дают, не смейся, по три года высылки! Понимаешь, что это значит? Объявлено высочайшее соизволение: на Романовых сезон охоты открыт! Стреляйте в нас, взрывайте нас, свергайте нас, больше трех лет отдыха вам ничего не грозит!

Срываясь на крик, Александр схватил авиатора за грудки и проревел:

— Понимаешь, Петр, я — не человек и не великий князь, я — дичь! И моя жена, сестра императора — тоже дичь! И дети мои не люди, а просто мишени на охоте...

Самохвалов вспомнил предупреждение Плевако о некоторой вероятности, что взрыв ракеты меж ногами Трубецкого-младшего могли бы расценить как нападение на чинов войска и вообще должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей, наказуемое военным судом по статье 279 Военского устава о наказаниях с лишением всех прав состояния и смертной казнью. Спасло лишь то, что княжич был в отпуске, и его самоподрыв квалифицировать как теракт не смогла даже минская юстиция. Для Петра казалось невероятным, что за весьма сомнительный и явно неосторожный проступок он проскочил на волоске если не от смерти, то от длительного лишения свободы, а за тяжкое государственное преступление брат казенного бунтовщика отправляется на три года подышать свежим воздухом. Российская фемида действительно слепа. По воле случая,

чиновничьего самодурства или высочайшего бесхребетия она кидается в крайности — от необузданной жестокости до бессмысленного либерализма.

— Скажи, Сандро, как мы спасем Россию, вооружив ее воздушным миноносцем? Главные враги, выходит, внутри — такие, как Ульянов.

Князь поднял мутные глаза и сказал неправдоподобно трезвым тоном:

— Огульно проблемы империи, Петя, мы и не решим. Хотя бы одну, важную. Если каждый, да что каждый — пусть бы один из десяти россиян сделал для страны все что мог на своем месте, мы бы жили в другой России, счастливой. Но у нас нет другой России, а есть одна задача. Выкатывай миноносец без меня. Деньги кончились? Скажи, сколько надо. Кстати, напиши на его борту имя моего святого — Александра Невского. А то наречешь бесцветно, какой-нибудь «семеркой». Героическому делу полагается такое же название. Ступай работай. Я чуть позже подъеду, и без помпы.

Фрегат «Александр Невский» был на слуху по поводу его бесславной кончины из-за разгильдяйства экипажа. Сам православный святой был известен двумя небольшими стычками на Неве и к северу от Чудского озера, а также многолетней беспорочной службой татарским ханам по выколачиванию дани из соотечественников. Рассказав великому князю о суевериях, по которым авиаторы убоятся самолета с именем погибшего фрегата, Самохвалов с трудом уговорил его именовать машину как-то иначе. Ну, хотя бы «Русским Витязем».

Он оказался крайне труден в управлении. Огромной площади элероны, руль высоты и направления создавали непривычно большую нагрузку на штурвал и педали, пока миноносец не получил серворули. Хвостовой крюк многотонной машины вспахивал землю наподобие плуга, мешая рулению на взлете, длинный пробег тихоходного аппарата оказался почти неуправляем. Крюк уступил место колесу, а на передних стойках шасси появились тормоза.

Пилотская кабина заполнилась приборами — альтиметром (высотомером), анемометром с крыльчаткой для определения скорости, компасом, часами и множеством шкал для контроля за двигателями — обороты, давление и температура масла каждого мотора. Наконец, датчики уровня топлива в каждом из емкостей и вентили переключения баков. Понятно, что в одиночку уследить за такой массой циферблатов человек не в состоянии. Экипаж «Витязя» должен состоять не менее чем из двух человек, второй летчик — бортовой техник — надзирает за двигателями и имеет возможность доступа к ним в полете. Для этого участок верхней поверхности нижнего крыла до моторов покрыт арборитом, а не перкалью, страховочный трос препятствует падению с крыла.

Великий князь впервые поднялся на борт заказанного им биплана лишь в июне, на осторожном полете по кругу. Он с ума сходил от восторга, а Самохвалов хмурился. Ему не нравились прочностные характеристики крыльев: в глубоком вираже или пикировании градусов на сорок каркас плоскостей трещал по всей длине, рвались тросы, деформировалась обшивка. Набор предстояло укреплять, а кроме того вводить серьезные ограничения по эксплуатационным режимам, совершенно не нужные легким самолетам. Да и отвлечение лучших сил «Садко» на огромного «Витязя» не могло не сказаться на текущем выпуске серийных аппаратов. Работы по перспективной «семерке» — скоростному моноплану — вообще оказались замороженными.

В июле курсант офицерской школы в сложной ситуации покинул «четверку» с парашютом, угробив машину. Александр Михайлович счел, что у летчика не хватило мужества выправить положение и посадить самолет. Командующий не придумал ничего

лучшего, как запретить в российских ВВС парашюты, дабы пилоты боролись за машину до последнего и не прыгали за борт на изобретении Котельникова.

В начале августа «Русский Витязь» получил новые двигатели и, перегруженный штатными и подвесными баками, совершил беспосадочный перелет по маршруту Санкт-Петербург—Москва—Киев—Одесса. Великий князь лично пилотировал его и после приземления объявил о готовности к трансатлантическому рейсу.

Самохвалов категорически отказался от поездки в Европу на подготовку к историческому старту. Дошло до ссоры, причем в совершенно трезвом виде. Вечером 2 сентября 1897 года августейший пилот объявил Петру, что тот обманул наилучшие великокняжеские ожидания, и вообще Александр Михайлович считал директора «Садко» своим другом, оказывается — зря.

— Ваше императорское высочество! — Самохвалов умышленно подчеркнул дистанцию. — Я в рекордные сроки построил для вас уникальный самолет. О его военном назначении никто не знает. В Англии меня ждет арест за покрытые мхом финансовые счета многолетней давности, ваше заступничество ничего не даст. Более того, я настоятельно рекомендую вам отказаться от личного участия в аванюре. Машина новая, сложная, не до конца освоенная. Если ваш напарник Сергей Уточкин с кем-то из опытных пилотов долетит до Америки, они так же прославят Россию.

Великий князь посмотрел сверху вниз на своего малорослого собеседника с откровенной жалостью.

— Никки сто раз прав, опираясь на родственников. Только мы, Романовы, до конца чувствуем ответственность за Россию, хоть и по-разному понимаем эту ответственность. В крайнем случае, выходцы из старых дворянских семей. Я доложил императору о цели создания миноносца, он поддерживает меня. Но для обширной программы строительства целой эскадры «Витязей» нужен общественный резонанс. Никки даже подумывает о всенародном сборе средств. Вот почему должен лететь член царской семьи. Тебе, Петр Андреевич, не понять бремени императорского родства. Что до риска — лучше опасность в кабине самолета, нежели разлететься на куски от бомбы очередного нигилиста. Последний раз спрашиваю: ты со мной?

— С вами. Построю столько «Витязей», сколько потребуется, надо — еще какое чудище создам. Но в Европу не поеду и в Америку не полечу.

— Значит, ты со мной ровно на проплаченную сумму. Досадно слышать такое от умнейшего и способнейшего человека.

— Оскорблять изволите. Но я не обижаюсь, потому как сам недавно таким был — горячим, несдержанным, лез в любую дырку, носился как угорелый. Испытывать новые машины — только сам. А потом повзрослел, хоть и поздно. Помните, вы говорили, что пусть один из десяти русских делает все что может на своем месте? Так я нашел это место, и никто меня не вправе упрекнуть, что занимаю его без пользы для России. Даже летать меньше стал, разве что для удовольствия. Пусть другие рискуют, моя сила в другом. И вы, Александр Михайлович, руководить должны, а не над океаном болтаться. Пилотировать «Витязя» может любой опытный офицер, оно большого ума не требует. Ваша стезя — воздушные силы во всероссийском масштабе налаживать.

— Ладно. Пожелай мне удачи.

— Ни пуха!

— К черту.

Каждый остался при своем мнении. Несмотря на дружеское прощание, Самохвалов отметил в тоне и в глазах князя легкое презрение. Таким ему и запомнился Сандро перед вылетом — красивый, увлеченный и немного разочарованный.

О последующих событиях обитатели Гатчины узнали из газет.

8 сентября на рассвете великий князь получил каблогранму, что на американском побережье Атлантического океана ясная погода. В Ирландии она также была сравнительно неплохой. Перегруженный сверх меры дополнительными топливными баками, занявшими весь объем фюзеляжа и внешнюю подвеску, «Русский Витязь» стартовал из Дублина, взяв курс на Нью-Йорк. Запас топлива позволял Александру Романову и Сергею Уточкину преодолеть пять с половиной тысяч километров.

10 сентября никаких известий об их прибытии в Америку не поступило, как и в последующие дни. В течение месяца экипажи всех судов, пересекавших Атлантику, опрашивались на предмет нахождения следов катастрофы «Витязя». Безрезультатно. Потом начались осенние шторма, и шансы подобрать с воды хотя бы фрагмент крыла упали к нулю.

Ванновский решительно отверг саму возможность обсуждения с Государем программы строительства самолетов, один из которых погубил императорского зятя.

Великого князя отпевали заочно.

К новому году отменили запрет на парашюты в ВВС.

Глава 9

12 января — 31 декабря 1898 года.

Санкт-Петербургская губерния, Архангельская губерния

Александр объявился в январе. Худющий, с лиловыми пятнами термических ожогов, он совершенно не напоминал героя, коим отправился в трансатлантический полет. Когда князь добрался до российского посольства в Бразилии, там просто не поверили, что оборванный, обожженный и невероятно грязный бродяга — член царской фамилии. О чуде спасения пресса узнала, лишь когда родственника признал император. До этого опасались появления самозванца, что на Руси бывало не раз.

Вернувшись к жизни официально, он первым делом рванул в Гатчину.

— Понимаешь ли, Петр Андреич, я на бензин грешу. Миль пятьдесят вроде как ничего было. Потом правый крайний мотор начал чихать. Сергей к нему по крылу пробрался, сказал — фильтр забит. Такого добра ты нам вволю дал. Только, значит, он его поменял, мотор завелся, тут два средних мотора насморком заболели. Возвращаться не хотелось — ужас. Но когда четвертый мотор захандрил, я понял — баста.

Они сидели в тех же апартаментах, где в прошлом году пьяный Сандро разоткровенничался про тайны высокой российской политики. Интерьер тот же, но отношения между двумя авиаторами изменились существенно. Самохвалов больше молчал, изредка изображая глоток коньяку, а князь выговаривался, оставаясь трезвым как стекло.

— Представляешь, машина перегружена, бензина спалили всего ничего. В общем, пока Уточкин боролся с движками, я развернул «Витязя» на обратный курс и потащился к Дублину.

— Но моторы стали раньше.

— Да. Хорошо хоть место оживленное. Увидел паруса торговца, идущего с севера, и повалился в воду перед его носом.

— Могло затянуть за самолетом на дно.

— Не поверишь, но «Витязь» с ходу не затонул. Верхнее крыло вообще над водой осталось. Меня сняли, а Серега исчез. Думаю, не успел вернуться в кабину к посадке, и его просто сбросило с крыла при ударе об воду. Прими Господь его душу.

Князь перекрестился. Странно, отметил Самохвалов, раньше у него подобных жестов среди разговора не наблюдалось.

— Меня спасло бразильское судно, которое мне принесло следующее испытание. Если читал газеты, знаешь, мы потерпели кораблекрушение в районе Антильских островов.

— Читал.

— Теперь скажу кое-что, незнанное писателями. На обломке мачты я выбрался на крохотный островок, где жил монах-отшельник. Даже не знал про таких. Православные старцы — да, но тот был католик и англичанин. Я прожил у него больше двух месяцев, питаюсь только выловленной рыбой и плодами пальм.

— Потом вас забрал пароход.

— Не совсем. У монаха была лодка с парусом, он легко меня мог подкинуть к людным местам. Я сам не спешил. В нем было что-то такое... В общем, мы разговаривали и молились.

— С католиком?

— Да. Потому газетам не престало об этом знать.

Александр смотрел мимо собеседника, словно восстанавливая перед взором картины тропического архипелага.

— Там я многое понял. В том числе — в чем мой грех, за который меня покарал Господь. Гордыня, любезный Петр Андреевич, это и ваш грех тоже. Создатель наказал летать ангелам и птицам, но никак не людям.

— А также насекомым и летучим мышам, летучим рыбам и семенам растений. Покажите мне место в Писании, ваше императорское высочество, где Господь запретил авиацию.

— Не считай меня мракобесом. Конечно же, мы будем летать. Просто чересчур дерзновенно себя повели. И десяти лет не прошло, как первый самолет оторвался от земли. Или от снега. Но ведем себя как хозяева неба. До Одессы перелет, трансокеанский перелет. Океаны-то столетиями осваивали.

Самохвалов чуть заметно улыбнулся, что не укрылось от княжьего ока, как будто витавшего в тропических широтах.

— Знаю, ты можешь сказать — сам виноват, Александр Михайлович. Действительно, самый большой самолет, самый дальний рейс и прочие глупости именно я придумал. Не отказываюсь. Но ведь именно ты построил «Витязя»! Неужели самому не приходило в голову, что мы зарвались?

— Я делаю то, что у меня получается. Если бы Бог был против, он не позволил бы мне взлететь.

— Гордыня. Господь не всегда пресекает грех. Он позволяет грешить, а потом нам воздастся. Скажи лучше, друг мой, отчего будто и не рад моему возвращению? Почему со мной только на вы и «ваше императорское высочество»?

Может, Самохвалову стоило смолчать. Но он не привык гнуть хребет даже перед особами императорской крови. Да и момент оказался такой — расставить все по своим местам.

— Вспомните, как мы расстались.

— Полноте. Неужели ты злопамятен на резкие слова, сказанные в запале? Извини, Петр, я немножко горец. Холодная немецкая кровь разогрета южным солнцем.

— Причем тут запал? Вы ясно выразились, что с полным доверием можете общаться только с Романовыми. Со мной лишь те отношения, что проплачены по военным договорам. — Увидев протестующий жест, Петр продолжил: — Не надо! Меня самого такое положение вполне устраивает. Стало быть, только на вы, ваше императорское высочество. Иначе как друг я был бы вынужден сказать вам много неприятных вещей.

— Например? — напрягся Сандро.

— Сколько угодно. Я вам говаривал, что жалел о своих иностранных авиашоу. Самолет — это оружие. Зачем хвастаться перед всем миром, что имеем такую мощную модель как «Витязь»? Чтобы все флоты и сухопутные силы заранее вооружились пушками, стреляющими вверх?

— Рано или поздно они об этом узнают.

— Вы сделали все от вас зависящее, чтобы дать повод для перевооружения именно рано, а не поздно. Не говоря о том, что в рекордный полет могли отправить других. Будто здесь нет дел. Продолжать?

— Конечно, — ответил князь тоном, не предвещавшим ничего хорошего.

— Вы рассчитывали вернуться в конце сентября. То есть рисковать собой вторично,

пересекая океан на «Витязе». Допустим, попали в аварию. Но у меня в голове не укладываются ваши два с половиной месяца на острове в созерцании пупка. Здесь по вам убиваются, запрещают «Витязь» к производству, верстают бюджет, урезав затраты на ВВС, да и просто некого назначить командующим авиацией, кроме как отставного кавалериста.

— Вы с такой позиции судите меня...

— Я — нет. Вас, как офицера, загоравшего в тропиках вместо возвращения на службу, должен судить трибунал. Молиться и исповедоваться можно в православном храме. Но вам не грозят суд и анафема. Вы — Романов, вам открыто сакральное знание о долге перед Родиной. Мне оно не доступно. Поэтому императорская армия получит оплаченные самолеты в срок и хорошего качества. Тем ограничусь.

— Как вы смели мне такое сказать? Вы... — великий князь едва сдерживался, дабы не наговорить в запале гневные слова,

— На сем разрешите откланяться.

— Ступайте.

Бледный от гнева, Александр смотрел вслед нахальному промышленнику, не зная, как поступить. Разумеется, члены императорской семьи нередко одаривали своей дружбой приближенных. Но это была дружба сверху вниз. Ни один князь или граф, не говоря о простых людях, с которыми Сандро сталкивался в жизни, не посмел бы говорить подобным тоном с представителем царской фамилии. С выходцами из подлого сословия бывает так — откроешь ему душу, он в душу плюнет. Не важно, что слова Самохвалова справедливы. Непочтительно в принципе нельзя разговаривать с правящим домом. Это же не боцман на корабле. На том стоит самодержавие.

Где-то через месяц предприятие «Садко» получило предложение подписать договор на организацию государственного завода по строительству боевых самолетов. Само собой, сия инициатива не из тех, которыми можно пренебречь. Петр Андреевич согласился и начал строить предприятие, которое отнимет у него оборонные заказы. Его старший брат пребывал в прострации от глупости меньшого, рассорившегося с императорским зятем, и от упущенной выгоды.

Александр, ранее постоянно бывавший у Самохвалова в ангарах и частенько зазывавший к себе, теперь общался с ним подчеркнуто редко. Лишь к осени, когда пришла пора запускать производство «Витязя» на государственном заводе «Дукс», им пришлось многое обсудить.

Великий князь развернулся с размахом, который и не снился создателям «Садко». Когда помогает сам император, некоторые проблемы решаются удивительно просто. Два квадратных километра под Архангельском лишились лесного покрова, на их месте как по мановению волшебной палочки выросли ангара, подъездные железнодорожные пути, электростанция, корпус механического завода, жилые дома. Не мудрствуя лукаво, государство российское пошло по проторенному пути и бросило на стройку десятки тысяч невольников. От петровского строительства столицы лишь одно отличие. Первый император сгонял крепостных, нынешний — осужденных.

Александр широким, чуть по-морскому раскачивающимся шагом ступал по деревянной мостовой авиационного городка. Коротконогий Петр Андреевич поспевал за ним не без труда.

— Простор! Есть где новые машины облетывать. И от вражьих глаз далеко.

— Далеко. И от помощи тоже, если сырой самолет рухнет на лес. Ровных площадок,

чтобы на вынужденную сесть, в радиусе сотен верст не наблюдается.

Об этом великому князю говорил не только Самохвалов. Место действительно сложное. Холодный климат, ветреная погода, трудности с доставкой всего, что не производится на месте. Но Александр принимал решение о месте строительства, находясь под впечатлением отповеди в Гатчине. Он пытался доказать не столько Петру, сколько себе самому, что понимает правильно чувство долга и может послужить Отечеству не хуже купеческого сынка.

Самохвалов догадывался о внутреннем раздрае августейшего князя, но не пытался прийти на помощь. Царедворец имеет достаточный стимул развивать авиацию — и ладно. Снова налаживать с ним доверительные отношения не нужно, так как опять начнутся пьяные откровения и выбалтывание государственных секретов.

— «Витязь» отлично летал. Но пока я числился погибшим, вы успели защитить патентом главные конструктивные решения, несмотря на мое финансирование постройки первого образца.

— Извольте за один гривенник выкупить документацию и право строить четырехмоторный биплан. Дело не в патентной защите.

Князь остановился у распахнутых ворот главного ангара, где ожидается окончательная сборка миноносца.

— В чем же по-вашему?

— Мы строили рекордный, а не боевой аппарат. У миноносца будет совсем другая развесовка. Экипаж требуется много больше, в том числе не менее двух стрелков с пулеметами. «Четверки» пытаются втихую скопировать не менее чем в трех странах, надо заранее думать о защите. Я много думал после вашего рассказа о последнем вылете «Витязя». Рейсы над морем — особое дело. Морской самолет должен уметь садиться на воду. В идеале — и взлетать с нее.

— Вот и отлично. Море рядом. Что еще нужно?

— Обученный инженерный персонал. Пробы, испытания. Вы, конечно, можете сманить кого-то из моих. Но не всех. Война с Японией не завтра, но и не за горами. Здесь вы не успеете довести миноносец до ума.

Александр помрачнел. Полгода назад он бы высказал то, что рвалось из него в ответ на обвинения в пляжном отпуске. Но за месяцы руководства стройкой князь в какой-то мере влез в шкуру промышленника, понял, насколько новое дело сложно и неоднозначно. А ведь он строил завод, а не самолет. Какие бы просчеты ни были допущены, ангарам не суждено взлетать и падать.

— Есть предложения или снова будут увещевания о долге Романовых перед империей?

— Как не быть. Во-первых, начинать лучше с простых, освоенных и обкатанных моделей, одно- и двухмоторных. Во-вторых, миноносец проще облетать на Ладоге.

Князь повернулся и посмотрел в упор.

— Вы продолжаете настаивать на своем участии в разработке «Витязя»? Объясните.

— Извольте. И давайте поставим все точки над *i*. Если вы желаете доработать проект самостоятельно — ваше право. Определитесь, что для вас важнее.

— Я хочу, чтобы у России была авиационная промышленность, выпускающая лучшие в мире самолеты и не зависящая от желания частных заработать на них. По примеру судостроения знаю, такое возможно. Пока у меня не хватает знаний и опыта, вынужден прибегать к вашим консультациям. Затем наши пути разойдутся окончательно.

Самохвалов втянул носом сырой архангельский воздух, ароматизированный свежей сосновой стружкой. Хорошо-то как. Почему люди умудряются портить себе жизнь мелкими амбициями и обидами? Без них не обошлось и в авиации.

— Знаете, лет семь-восемь назад я тоже был максималистом, хотя, казалось бы, давно вышел из молодого возраста. Сейчас смотрю на жизнь иначе. На машинах моей конструкции погибло четырнадцать человек. Мое персональное кладбище, оно куда больше, чем у иных врачей. Ответственность за Уточкина мы разделяем с вами. Да, князь, если вы в авиации всерьез и надолго, у вас тоже будет расти кладбище. Вы как-то о гордыне рассуждали. Грех-то в другом. Мы в ответе за православные души, которые возносятся к Господу из-за наших просчетов. Кстати, из-за удаленности завода здешние «Витязи» обойдутся казне дороже, чем построенные с моей прибылью на «Садко». Поэтому вам надобно определяться, а не мне.

— Вы никогда столько о Боге не говорили, Самохвалов. Удивляюсь. Вы же прагматик. Я даже полагал, что не верите в него вообще.

— В старого дедушку, сидящего на облаке, которого по случайности могу крылом сшибить, действительно нет. А в Творца и Спасителя не веровать глупо.

Он повернулся, чтобы идти к железнодорожной станции.

Князь дернулся, чтобы двинуться вслед, притормозил, не смея ронять августейшую честь, снова шагнул, понимая, что по-порядочному пристало извиниться, но так и остался на месте после смешной пантомимы.

Проведя день в терзаниях, Александр принял соломоново решение. Он начал слушать советы Самохвалова, но извинений не принес, дабы не ронять августейшую честь.

Меж тем Петр Андреич не терял времени, прошедшего с крушения «Витязя». Еще с осени начал набрасывать эскизы почтового самолета на базе «шестерки», но одноместного, с грузовым отсеком и повышенной дальности. Самохвалов-старший энергично пробивал сие новшество в почтовых кругах. Если российское ведомство чесало бороду, то над Европой уже летом появились первые почтовые голуби, выпущенные «Садко». Несмотря на изрядную цену доставки, авиапочта развивалась. Шутка ли — по скорости доставки бумажные письма почти догнали каблогаммы.

Когда в октябре великий князь приехал в Гатчину, там начинались первые выкатки двухмоторного пассажирского полутораплана. Александр увидел его и обомлел. Он, давно не посещая «Садко», предполагал, что с прекращением военного финансирования у завода начнутся проблемы. Слышал, что начались-таки продажи спортивного моноплана седьмой серии и возобновила работу пилотская школа, дабы обеспечить сбыт «шестерок» и «семерок». Но о революционной машине Самохвалова слухом не слыхивал.

Благодаря находкам Жуковского самолет получил эллиптическое верхнее крыло и такое же горизонтальное хвостовое оперение. Исчезла паутина тросиков и расчалок, между крыльями остались только алюминиевые подкосы.

— Потрясающе! Сколько он возьмет пассажиров?

— Без багажа или с минимальным багажом — шесть.

— Думаете, шесть проданных билетов окупят перелет?

— С лихвой. Поначалу, Александр Михайлович, воздушный транспорт рождается как удовольствие для богатых. Брат считает, что на рейсы между главными городами — Санкт-Петербургом, Москвой и Киевом — пять или шесть человек непременно наберется. Затем Гельсингфорс, больно неудобен туда морской путь из Питера. И, конечно, международные рейсы.

— Фантастика. Жюль Верн какой-то. Петр Андреевич, нижнее крыло не маловато?

— Расчеты показывают — хватило бы и верхнего. Вопрос в креплении моторов. Памятуя ваш опыт над Атлантикой, боюсь оставить движки без доступа механика. Но скоро ремонт в воздухе отойдет в прошлое. Моторы надежнее, да и скорости растут. Будет не до прогулок по крылу.

— Внутрь можно? — не дожидаясь разрешения, возбужденный князь поставил ногу на первую ступеньку лестницы, ведущей в кабину.

— Конечно. Но «восьмерка» пока не летает. Не обессудьте. Раньше зимы не прокачу Александр пробрался внутрь и положил руки на штурвал. Господи, ну и машина! Несмотря на умеренный летный стаж, он пилотской интуицией почувствовал, сколько потенциала заложено в «восьмерку».

Проглядывал опыт создания «Витязя». Приборная панель стала богаче, создавая проблему — как следить и за землей, и за циферблатами.

— Покататься можно?

— Да. Но не нужно. Рабочее место конструктора на земле. Лучше подумаем, что из новых идей можно применить на «Витязе».

В кабинете Самохвалова на пресловутом рабочем месте великий князь разоткровенничался.

— Честно говоря, не знаю куда броситься. Могу приказать начать сборку «пятерок» и «шестерок» на «Дуксе», там все готово. Но они устаревают на глазах! И «Витязь», самый могучий в мире самолет — старье перед вашим цивильным извозчиком.

Петр про себя ухмыльнулся. Где же твоя гордыня, Романов? Совсем недавно чаял справляться в одиночку. Но лишний раз пинать князя не стал — себе дороже.

— Не отчаивайтесь. У потенциальных противников вообще нет ВВС. Сколько лет до войны с Японией?

— Вероятно, три. Не более четырех. Вспомните, Петр Андреевич, миноносцы задумывались не против авиации, а для борьбы с кораблями, для удержания превосходства на море.

— Успеем. Возьмите, я набросал прожект. Почитайте на досуге, с августейшим родственником обсудите. Пардон, финансовую сторону тоже.

Князь пробежал листки по диагонали.

— Вы считаете, нам людей не хватает больше, чем самолетов?

— Именно. Потому создание высшего авиационного училища под патронажем Жуковского — первостатейная задача.

— Добро. Так что с гидропланами?

— Если даете согласие, я немедленно начинаю эксперименты на Ладоге. Для начала хочу понять, насколько обычная «четверка» способна взлететь с воды, если вместо шасси ей установить поплавки. То есть в перспективе делаем один базовый проект «Витязя» с двумя модификациями — взлетом-посадкой с земли и воды. Либо придется разработать специализированную летающую лодку, способную нести мину.

— Сроки начинают поджимать. Лучше единый самолет.

— Не хочу обещать заранее. К сожалению, некоторые проблемы видны и сейчас. Например, моторы низко. Есть опасность удара пропеллера о воду и забрызгивания впускного коллектора. Время покажет.

Самохвалов лукавил. Старая учебная «четверка» на поплавках уже была

отбалансирована, продута в аэродинамической трубе и прокатилась по местной речке метров сто для проверки плавучести. Но до великокняжеского заверения, что опыты будут оплачены, они держались в секрете.

Через три дня, в относительно ясное погодное окошко среди октябрьской сырости гидросамолет отчалил от дощатого настила в пруду Гатчинского городского парка. Петр Андреевич взялся пилотировать сам.

Он несколько раз прокатился по водной глади, отмечая весьма посредственную управляемость корабля-самолета рулем направления. На третьем проходе дал газ и чуть потянул ручку на себя. Плоские лыжи поплавков начали смачно шлепать по озерной зыби, а «четверка» начала опасно раскачиваться вперед и назад, прыгая, словно резвый дельфин на море. Про себя Петр отметил, что, видимо, только что поставил рекорд скорости для малого судна.

Взлет получился крайне тяжелым. Машина несколько раз отрывалась, проваливалась, снова уходила поплавками в воду и заметно тормозила. Фактически набор высоты получился лишь с четвертой или пятой попытки.

В воздухе оказалось легче, но парусность поплавков сказывалась и тут. Самолет удерживался в горизонтальном положении только ручкой на себя.

Самохвалов позировал в воздухе, пройдя пару раз по прямой линии на Кшесинского, который возился с «Кодаком», затем мысленно перекрестился и зашел на посадку.

Казалось бы — вода более мягкая субстанция, нежели земля. Но раз ударив по полосе, колесо свободно катится, а поплавков на водной поверхности проявляет дурной характер. Машину немилосердно встряхнуло, раздался треск. Правая плоскость ушла вниз. Вращающийся на холостых оборотах винт погрузился в воду, потянув туда носовую часть фюзеляжа. Зубовно заскрежетало в двигателе, после чего высоко взметнувшийся хвост ухнул назад, подняв множество брызг.

Автор эффектного приводнения, мокрый до нитки, выбрался из затопленного кокпита на капот, из-под которого валил пар. На берегу началась суeta по отправке лодки, а невозмутимый фотограф запечатлел патрона на носу загубленного самолета.

— Счет за «четверку» тоже выставите мне, — скорее утвердительно, нежели вопросительно вымолвил Александр Михайлович, рассматривая на следующий день фотоотчет об испытаниях гидросамолета.

— Полагаете, эксперимент на новом «Витязе» стал бы дешевле? — парировал Самохвалов.

— Вряд ли. И, замечу, вы мне солгали по поводу рабочего места.

— Признаю, грешен. Просто «четверку» я знаю как никто другой. И кроме купания мне ничего не грозило.

— Глядя на самолет, не скажешь.

— Опять вы правы. Разломало стойку правого поплавка. Двигатель хлебнул воду и получил гидроудар. Треснула правая нижняя консоль. Мотор и винт поменяем, шасси и крыло лечится. Так что, уважаемый Александр Михайлович, счет будет не слишком велик.

— Утешили. Лучше расскажите, польза от вашего трюкачества есть?

В том же неизменном княжеском кабинете Самохвалов чувствовал себя куда комфортнее, чем в январе. Он закинул ногу на ногу и закурил.

— Это же очевидно. Мы с вами доказали, что самолет может взлетать и садиться на воду. Убедились, что конструктивно гидроплан куда сложнее, чем обычная машина, из-за

сопротивления воды при разбеге и пробеге. Джевецкий получил задание разработать обводы нижней части корпуса для скоростного режима движения.

— То есть на универсальном варианте с разным шасси ставим крест?

— Пожалуй. Обратите внимание, насколько приходится подымать фюзеляж над поплавками. Опять-таки лишний груз. Я согласен, ту же «шестерку» с более мощным двигателем можно научить сносно летать с воды, но по поводу четырехмоторного аппарата — увольте.

Князь выбил трубку и извлек из папки эскиз «Витязя» с минным вооружением.

— Машина с обычным шасси несет мину Уайтхеда под фюзеляжем. Простите великодушно, как мы закрепим ее на летающей лодке? Под килем в воде? Или в пусковом аппарате, как на эсминце?

— Ни то и не другое. Снаряд в полтонны — никак. Только пару по четверть тонны с каждого борта.

Князь потеревил усики.

— Плохо. Техническое задание было именно в расчете на носителя тяжелого снаряда.

— Ничто не мешает двигать первоначальный проект. Но подумайте сами. Возможный враг целиком зависит от снабжения с Окинавы. Его флот служит для завоевания господства на море для спокойного вояжирования транспортов без ожидания атак русских кораблей. Если топить транспорты, вообще не слишком важно, кто доминирует на море. Я читал, что дуэль корабля с береговой артиллерией выиграть сложно.

Александр Михайлович с новым интересом глянул на эскиз летающей лодки.

— Если сухопутная армия врага проиграет, можно, действуя с берегов Китая, посадить островитян на голодный паек. Для летающей лодки любая бухта сгодится в качестве аэродрома. Желтое море не замерзает. И, думается мне, торпеда в четверть тонны броненосцу тоже здоровья не прибавит.

— А постановку морских мин осилим?

— Да. Но слишком много вылетов понадобится. Все решаемо. Добывайте средства, князь.

Глава 10

11 января 1899 года — 31 декабря 1902 года.

Санкт-Петербургская губерния, Архангельская губерния

Жизнь часто представлялась Самохвалову чем-то вроде железнодорожного полотна. Он не знал точно, что откроется за следующим поворотом, но достаточно хорошо представлял дальнейший маршрут и ближайшие станции. Конечно, еще будут развилки, перед которыми предстоит подумать, куда перевести стрелки и направить свой поезд, но это не скоро. Петру шел пятый десяток, молодежная импульсивность начала оставлять его. Жизнь становилась более упорядоченной и даже немного скучной. Покорение неба превратилось из подвигов и спорта в производственную рутину.

Когда все распланировано заранее, не будет неожиданных радостей. Пожалуй, решатся проблемы и возникнут новые — предсказуемые или неприятные сюрпризы, как давешний перелом ноги, когда всего-навсего оступился, вылезая из кабины «восьмерки». Через месяц перелом срастется окончательно, в течение года новая машина, первый пассажирский полутораплан, окончательно станет на крыло. Даже такие трагические моменты, как гибель Уточкина, крушение первого «Витязя», аварии молодых русских летчиков, не могут остановить неспешного планомерного движения вперед.

Иногда человек не знает, что уже на следующем километре судьба положила поперек его рельсов бетонную стену, к которой он мчится на всех парах. Не будет следующей станции и развилки со стрелками. Завтра не наступит никогда. В лучшем случае, удастся выбраться из-под обломков, переползти через препятствие и тащиться дальше. Но это, разве что очень повезет.

Взрывы, какие-то удары, крики. Через пару секунд в маленькую избенку, так сказать, заводоуправление предприятия «Садко», вбежал Аюк и торопливо залопотал:

— Беда, барина, самалета гарять.

Кшесинский схватил летную куртку, вынесся на улицу и увидел, что огонь с поразительной скоростью распространяется по деревянным ангарам, лижет две «шестерки» и спортивную «семерку», подбираясь к бочкам с топливом. Если они рванут — всё, тушить будет некому и нечего. Ян рванулся к ящику с песком, когда от горячей стены ангара пламя просто прыгнуло к бочкам. Он бросился на снег, прикрыв голову руками, когда на него обрушился огненный армагеддон...

В это время «барина» тяжело выбрался из-за стола, волоча ногу в лубке и вздыхая от не до конца зажившего перелома ноги, оперся на трость и поковылял к выходу. На проходе стоял Пунцуков, полуграмотный и беспредельно преданный маленький человек, редкий талант во всем, что касалось работы с деревом. Но оказалось, авиатор еще многое не знал о своем помощнике.

— Где горит, Аюк?

— Везде, барина!

На улице грохнуло, хлопнула дверь, посыпались стекла. Аюк неожиданно сильными руками сгреб Самохвалова и потащил наружу. Петр Андреевич беспомощно оглянулся на чертежи с последними изменениями «Витязя», но даже не попытался объяснить спасителю, как они ценны.

Черные клубы горящего масла, разогретые адской температурой бензинового пламени,

превратили площадку в филиал преисподней. Дыхание перехватило. Наверное, здесь бы Петр и грохнулся, теряя сознание, но маленькие жесткие ручки упрямо тащили его вперед. Потом оба упали — завод окончился и у азиата. Последнее, что запомнил Самохвалов, как его волоком тащат по снегу, обдирая льдинками кожу с лица, а к хрипам калмыка и реву пламени добавился звук авиационных моторов. Затем на него опустилась ночь без конца и края.

Таубе заставил пилота сделать круг, глядя вниз и не веря своим глазам. Над «Садко» бушевало огненное озеро. Носились какие-то людские фигурки, пытавшиеся справиться с пожаром, но тщетно.

— Сажай машину. Задание окончено. Не останавливай близко от огня.

Пассажирский самолет дробно застучал по мелким неровностям плотно утоптанной полосы. Владимир, словно насмехаясь над легендами о немецкой пунктуальности, спрыгнул на снег, не дожидаясь остановки винтов и находясь в опасной близости от правого. Он побежал, как не бегал с молодости. Со стороны армейской авиашколы неслись какие-то военные.

Таубе отыскал тела Петра и Аюка, обгоревшие и покрытые сажей до неузнаваемости. Других таких низкорослых на «Садко» просто не было. Дым опал, стало возможно дышать.

— Отмучались? — спросил гатчинский курсант.

— Не знаю. Пусть медики разбираются. Срочно ищи подводу. Надо в больницу. Будет воля Божья — спасут.

Князь увидел пожар из окон дворца и мобилизовал всех кого мог. Вечером отыскал Самохвалова в гатчинской больничке, наполненной выжившими на авиазаводе.

Замотанный бинтами, в которых остались лишь щели для глаз и рта, Петр больше был похож на мумию, чем на человека. Тем не менее, завидев Сандро, первым делом спросил:

— Будьте любезны, найдите Аюка. Хочу к нему сходить.

— Отчего не сам? Выглядишь не хуже жениха.

— Мне не разрешают. Вам же никто перечить не будет.

Александр аккуратно поднял авиатора с койки, вспомнив, что у того вдобавок нога сломана, и не менее аккуратно доставил в соседнюю палату Столяр тоже был в бинтах и в сознании. Узрев посетителей, прошептал:

— Дай пять копеек, барина! Аюк кушать будет.

Из воспаленного глаза шутника на бинты скатилась крупная желтая слеза.

Лишь через месяц Самохвалов вернулся к активной жизни. Он выздоровел, но перед фоторепортерами ему лучше было не позировать.

В пожаре погибло девять человек, включая Яна Кшесинского. Четверо выживших получили увечья, с которыми получить работу невозможно. Марсель Пля отделался легким испугом, а на его темном лице ни сажа, ни ожоги для русского человека неразличимы. Он получил расчет и убыл во Францию.

Собрав компаньонов, Петр легко убедил их, что начатое стоит продолжить. На самом деле, не считая человеческих жизней и готовых к поставке самолетов, ущерб оказался достаточно умеренным. В ангарах не было высокотехнологичного оборудования, а документация продублирована и хранится в особняке на Васильевском.

— Как тебе удалось от суда отмазаться? — пробасил Самохвалов-старший.

— Князь помог. Да и семьям пострадавших денег подкинул за болезнью или потерю

кормильца. Не жаловался никто. Так и замяли на несчастный случай.

— На будущее мы должны помнить, что горючее и масла нельзя в бочках хранить. Только в поземной цистерне, — Костович морально поддержал Петра, не упрекая в небрежности. Все были на заводе, все видели бочки, никто не задумался о пожаре. Потому и отвечать вместе. — А ангары дешевле из дерева ставить. Только бы баки с водой и песок был, тогда местное возгорание не мудрено погасить.

— Хорошо, что с Александром Михайловичем опять дружишь, — протянул Василий на своей волне, для которого хорошие отношения с августейшей семьей были дороже авиации. — Больше не дерзи ему.

— Поддерживаю, — присоединился Джевецкий. — Теперь скажи, что будешь делать с «Витязем» и людьми до того, как завод снова отстроим.

— К сожалению, господа, каркас фюзеляжа миноносца и многие материалы сгорели. Это наш чистый убыток. Страховое общество, как вы знаете, возместило лишь небольшую часть. Князь настроен либерально, если до ввода в строй нового производства я с остатками нашей команды переберусь на «Дукс» и соберу хотя бы один планер «Витязя».

— Часть людей там и приживется, — вздохнул Костович.

— Да, неизбежно. Потеря персонала — наш главный убыток. Но прошу смотреть на вещи оптимистичнее. Я пробил с князем открытие авиационного технического училища. Заведовать будет профессор Жуковский.

— Ох уж мне эти ученые от чистой науки, — скривился Джевецкий. — В том числе Жуковский с Менделеевым.

Компаньоны с удивлением посмотрели на поляка.

— Они гонятся за научной славой, не задумываясь о практических последствиях. Жуковский опубликовал основные положения теории аэродинамики, расчетов крыла и пропеллеров. Наш уважаемый Дмитрий Иванович лучше бы занимался своей периодической системой элементов. Нет же, он издал фундаментальный труд о физико-химических свойствах бензина. Господа ученые застолбили научный приоритет и увековечили свои имена, но сделали информацию открытой для конкурентов. В общем, любой предприимчивый человек ныне может грамотно сконструировать самолет и двигатель к нему, особенно когда под рукой есть хоть один экземпляр наших машин.

— М-да, — согласился Костович. — Петр, не хотел тебя огорчать. Вчера прочитал в газете, что в Париже мать и дочь Самохваловы вошли в альянс с неким богатым промышленником, основали фирму «Моран», перекупили одну из наших «семерок» и пригласили мастером твоего Марсея. Как бишь его фамилия?

— Пля! — Петр Андреевич выплюнул фамилию неверного ученика так, будто она начиналась на звонкую букву.

— А в Германии Отто Лилиенталь, измученный нашими отказами, скопировал некоторые не защищенные в Германской империи конструктивные решения «Садко» и построил свой вариант чего-то летающего. Не знаю подробностей, но, думаю, ввернул пару шурупов иначе, и по немецким законам получилось новое изделие. Поэтому разрешите поздравить нас, период монополизма заканчивается. Скоро им надоест копировать наши идеи, и они начнут двигаться вперед. Нам важно сохранить темп. Но не только. Посему, господа, у меня есть еще одно предложение, Василий о нем в курсе, — Костович сделал театральную паузу. — Открыть автомобильный завод!

Самохвалов-старший, главный поставщик лошадиных, в прямом смысле слова, сил в

Русскую императорскую армию, согласно кивнул мохнатой головой.

— Давеча я с Ванновским чаевничал пуншем. Армия решительно против авто. Лошадей проще кормить и содержать в порядке. Но токмо сегодня. Надобно руку на пульсе держать, не упустить день, когда железные кони начнут живых теснить.

— Простите, господа, но я как поучаствую? Мне в авиации дел выше крыши, — Петр тронул верхушку собственного черепа с плотно сидящей повязкой. — Средств свободных мало, надо «Садко» восстанавливать.

— Средства найдем. Автомобиль потому распространяться начал, что бензиновые моторы через нас развились. Коли б не авиация, до сих пор Европа каталась бы на трехколесных тележках, как та, на которой тебя к кайзеру возили.

Александр Михайлович, в отличие от компаньонов «Садко», весть об автомобилизации пропустил мимо ушей. Зато ворох идей, которые на него обрушил Самохвалов, едва сойдя с поезда, вдохновил изрядно.

— То есть стрельбы боевыми минами мы сможем провести уже этим летом?

— Да. Это наброски модернизации моей «пятерки», по существу — новая модель. Тот же биплан, но усиленный, две звезды-восьмерки. Он поднимет двух военлетов и мину двести пятьдесят килограмм. — Увидев протестующий жест князя, продолжил: — Из-за пожара работы над «Витязем» отстают на три месяца. Хорошо, если полетим к концу лета. О боевой учебе в текущем году можно забыть.

— К сожалению.

— Вот. Я же предлагаю вполне боеспособный аппарат на отработанных решениях, с которым вы сможете подготовить два или три десятка экипажей до ввода в строй «Витязя», умеющих попадать в корабль. А случись война, этот самолет сможет безнаказанно топить транспорты в радиусе двести километров от базы.

— Никки меня убьет.

— А потом простит. Эта машина раза в три дешевле «Витязя».

Выжив в пожаре, Самохвалов вернулся к суматошному ритму, что был в начале знакомства с Можайским. Почему-то именно сейчас он осознал, насколько быстротечна жизнь, и каждый шаг может стать последним. Хотелось успеть довершить начатое: миноносец, летающую лодку, пассажирский извозчик. И автомобилизация тоже важна. Огромные четырехмоторные птицы, к которым топливо и снаряды везут гужевым транспортом, есть нонсенс. Количество вылетов ограничится не погодой, а снабжением.

«Дукс», несмотря на старания князя, оказался тем самым скверным казенным заводом, о которых Александр презрительно отзывался до конфликта с Самохваловым. Четыре собранных здесь клона «пятерки» летали редко и кое-как, один уже разбился вместе с пилотом. О производстве четырехмоторного гиганта здесь не могло быть и речи, пока на ключевых местах не оказались заезжие частники.

— Поймите, Александр Михайлович, не будет успеха без двух вещей: ответственного человека во главе завода и контроля за каждым болтом. Авиация не прощает мелких ошибок, не вам ли это знать лучше других после аварии в Атлантике.

— Порядок с контролем наладить можно. Человек пять нанять, и так в смету не вкладываюсь. Но где директора взять?

Самохвалов хитро глянул на высокородного собеседника снизу вверх.

— Наверно, не догадываешься, почему я хороший директор. Секрет прост. Я — хороший пилот. Поэтому знаю, каково будет человеку за штурвалом. Ищи кого-нибудь с технической

подготовкой, кто прошел школу Кованько. Пока мы здесь, я научу работать ваших мастеров. К лету нужен пастух, который заставит их работать как надо, а не как им хочется. И уж простите, ваше высочество, но инженерные разработки придется возвращать под Питер. Тут — сами понимаете, не комильфо.

— Признаться, я порой жалею, что заварил кашу здесь, — признался князь. — Но отступить не могу.

— Простите за банальность, лучше сделать и жалеть, чем жалеть о несделанном. В одном это место замечательно. Здесь в стороне от посторонних глаз сможете таскать на буксире макеты судов, а ваши военлеты будут кидать в них деревянные мины. Посему завод в любом случае пригодится — хотя бы как ремонтно-учебная база.

Александр постарался не выдать своих чувств. Полоса неудач и трудностей, начиная с крушения в Атлантике, подорвала его самооценку. Сейчас он услышал хоть что-то положительное о своих деловых начинаниях от самого авторитетного в авиации человека. Пусть и низкого происхождения.

Так совпало, что трудная пора на этом закончилась и для Самохвалова, хотя оставалось много частных проблем. Путь в небо по определению не усыпан розами. Главное, ему удалось запланированное. В 1900 году «Русский Витязь» был принят на вооружение, а для массового производства казна выделила кредит владельцам «Садко» на строительство следующего завода под Питером — «Руссо-Балта». С той же торговой маркой на капоте первые российские авто однажды появились на улицах двух столиц и других крупных городов.

Бурный успех пассажирских авиалиний породил спрос не только на «восьмерку», но и на более крупные лайнеры. Не в силах бороться с утечкой технологий, хозяева «Садко» пошли по пути продажи патентов и франшиз, сохраняя первенство.

Так русская авиация вошла в двадцатый век и с разбегу ударилась об экономический кризис. Спрос на самолеты и авиалинии в одночасье сократился в разы. И тут оказалось, что Самохвалов-старший как в воду глядел. Их на плаву поддержал госзаказчик в лице его императорского высочества. Авиация — не дешевая игрушка. Но по сравнению с кораблестроением просто ерунда.

В полемическом пылу, сцепившись раз перед императорскими очами, командующие флотом и ВВС заключили совершенно людоедское пари. В сотне миль от Архангельска русский крейсер, ошестившийся кучей пулеметов и стреляющими шрапнелью вверх шестидюймовками, был атакован четверкой «Витязей» с учебными полутонными минами. В борт ткнулись две, взорвавшиеся и обмазавшие корпус колером позорно-коричневого цвета.

Великий князь Алексей Александрович, согласившийся считать себя побежденным и при одном минном попадании, чуть не лопнул от злости и швырнул Александру Михайловичу проспоренный золотой рубль. Один «Витязь» сел на воду, двое из экипажа погибли. Остальные машины получили повреждения, но уверенно вернулись на «Дукс».

— Скоро флот научится сбивать ваши коробки! — заявил генерал-адмирал.

— Так и мы на месте не стоим. Я бы сказал — летаем, — парировал Александр.

Императорское величество снова не захотело ссориться с Алексеем, но повышение расходов на авиацию подписало, увеличив госдолг России перед русско-японской кампанией.

Часть третья
ВОЙНА

Глава 1

1 декабря 1904 года — 14 января 1905 года.

Маньчжурия

Штабс-капитан Станислав Фаддеевич Дорожинский спился бы, если не война. Беспросветная жизнь в забайкальских гарнизонах, по сравнению с которыми Хабаровск показался столицей мира, окрасила его маленькую вселенную в беспросветно-серый цвет. Лишь через четыре года после перевода (читай — ссылки) из Санкт-Петербурга ему восстановили звание. Несмотря на официальное разрешение дуэлей в армии, предполагалось триста раз подумать, на кого можно наставлять клинок или пистолет, а на кого — нет. Поэтому над ним висело пожизненное проклятие. И теперь, когда большинство его бывших сослуживцев и сверстников заполучило старшие офицерские звезды, он и штабс-капитана вернул с трудом.

Не смотря ни на что, офицер продолжал считать, что сломал себе жизнь не зря. Однажды перед Ляодунским отступлением он наблюдал над маньчжурскими сопками группу бипланов «Дукс-Х», родословная которых уходила к самохваловской «пятерке», способных нести бомбы или противокорабельную мину. Глядя на самолеты, Дорожинский был уверен, что, защитив авиаконструктора от происков княжича и его семейства, он чуть-чуть распрямил извилистую дорогу русского авиапрома. Петра, смешного маленького человека, бывший курсант уважал всем сердцем и готов был порвать на куски любого его врага.

Естественно, он не знал, что убийство Владимира Оболенского не только не спасло Самохвалова от неприятностей, но даже осложнило его жизнь. Это ничего не меняло. Экс-военлет считал себя неприметным благодетелем русской авиации, тихо гордился собой и вспоминал о сем самопожертвовании каждый раз, наполняя рюмку. То есть часто.

Русская армия никак не могла считать для себя успешным 1904 год. Накопив в мирное время на корейском полуострове значительные сухопутные силы, армия микадо нанесла сокрушительный удар. Несмотря на жертвы в десятки тысяч солдатских жизней, принесенных в мясорубке на юге Ляодунского полуострова, Порт-Артур был сдан врагу. За китайскую землю, которую Российская империя лишь арендовала, сражались, как за свою. Получая известия о трагедии Порт-Артура, защитники которого таяли под огнем превосходящих японских сил, офицеры не могли понять: какого черта бездействует огромная российская армия в Маньчжурии?

Под Ляоляном Дорожинский был ранен в ногу, прикрывая со своей ротой отход разрозненных частей 10-го армейского корпуса. В этой войне только так и продвигались по службе — обороняясь, отступая, снова отступая, чуть огрызнувшись, еще раз отступая. Им, низовым офицерам, доводились лишь жалкие обрывки гениальных стратегических директив генерала Куропаткина. Несмотря на бодрые утверждения, что после очередного отступления русская армия сократит линию фронта, получит подкрепления, измотает противника в обороне и ка-ак вдарит, между строчками читалась совсем другая стратегия: отступать чуть ли не до Урала, пока слабенькая японская армия, устав от прогулки на тысячи километров вдогонку за русской, истощится и капитулирует. Или до Москвы, как Кутузов, — ведь победили француза такой стратегией.

По слухам, единственный род войск, который сражался успешно, был именно тот, где

ему больше всего хотелось нести службу. Авиация под командованием великого князя Александра Михайловича непринужденно завоевала господство в воздухе, задавив слабые военно-воздушные силы японцев.

Гениальная стратегия русского командования, по частному мнению штабс-капитана, зиждилась на необычайно эффективных действиях миноносного корпуса, расположенного на востоке Шаньдунского полуострова, на китайской земле, оккупированной кайзеровской Германией. По-родственному Вильгельм ссудил Николаю II приличный кус земли, где расположилась авиабаза и две пехотных дивизии. Пехота — на случай, если японцы наплюют на опасность войны с Германией и высадятся на полуострове.

На пределе дальности «Русские Витязи» контролировали практически полностью южное и юго-восточное побережье Кореи, а ближние воды находилось под присмотром летающих лодок «Морской Витязь». Их не хватало для полной морской блокады японских сил в Маньчжурии и Корее, но количество пущенных на дно транспортных судов было настолько угрожающим, что Япония за полгода истощила запас грузового тоннажа. Стало быть, отважный Куропаткин ждет, когда армия противника настолько оголодает, что сдастся без боя.

Ныне Пензенский 121-й пехотный полк 1-й бригады 31-й пехотной дивизии, куда экстренно забросила судьба после череды переводов и ранения, стоял под Мукденом и вкушал прелести военнопалаточного быта действующей армии в зимний период. Громадное количество войск, перемещенных в Маньчжурию накануне решающих победных битв девятьсот пятого года, не позволяло их толком разместить. Лишь офицеры 121-го полка ютились в китайских домишках, палатки рядового состава и унтеров гнездились на звенящей от мороза земле, разрываемые шквалистым ветром и сохраняющие минимум тепла.

Китайцев выселили заблаговременно. Князь Куропаткин, тщательный и методичный человек, всегда все предусматривал. Ему не удавалось ни разу предсказать лишь действия японских генералов, которые вносили неразбериху в его академически правильные построения и заставляли отступать на территорию, где он мог снова навести образцовый порядок.

Опрокинув рюмку-другую после обеда, весьма скудного и не намного лучшего, чем солдатский паек, Дорожинский одел зимнюю летнюю куртку, фуражку, замотался башлыком и покинул дом, заполняя время проверкой работ 3-го батальона. Армия, отказывающаяся наступать, вынуждена воевать от обороны. Шансы полка встретить японцев именно здесь стремились к нулю, но командование бригады дало приказ окопаться, полагая, что перед боями солдат необходимо чем-то занять. Вот только трудоемкие земляные работы на пронизывающем ветру в промерзшем грунте, с минимумом шанцевого инструмента и в основном подручными средствами, не соответствовали рациону питания и обмундированию пензенцев. Кутаясь в нелепый башлык, офицер думал о том, что у противника из южной страны зимнее обмундирование куда лучше, чем у нас, северян. Даже солдатская зимняя шинель в армии микадо теплее русской офицерской, а воротник оторочен собачьим мехом. Игнорируя глухое ворчание комполка, Дорожинский извлек старую куртку гатчинских времен, которую носил с пехотными фуражкой и башлыком. Наплевать, фронт — не брусчатка Дворцовой площади.

— Вашбродь, тута подпоручик от соседей, подсобить просят, — унтер Довженко то ли честь отдавал, то ли прикрылся рукой от ветра.

— Кто таков? Давай его ко мне.

Низкорослый офицер в куртке подозрительно знакомого покроя приподнял заиндеветые усы, явив миру синие от стужи губы, и представился:

— Командир роты аэродромного обслуживания Киевского отдельного авиаотряда подпоручик Гильшер. — Промерзший авиатор увидел необычный наряд стоявшего перед ним военного и нерешительно добавил. — Господин штабс-капитан, вы из наших?

— Командир 3-го батальона 121-го пехотного полка Дорожинский. Коль интересно, бывший курсант Гатчинской офицерской школы. Пойдем, как вас по имени-отчеству? Милости прошу, Юрий Владимирович, отогрейтесь, там подумаем, чем помочь с вашей напастью.

Отменив землеройную инспекцию, комбат отпоил подпоручика чаем, под который военные приняли остатки привезенной пензенцами водки, — завтра уже предстоит глушить себя китайской бурдой.

— Рассказывай, подпоручик, что занесло вас из солнечной Киевщины в нашу мясорубку?

— Рядом с вами приказано летное поле подготовить.

— Здесь будет базироваться весь авиаотряд? Не чинись, Юрий Владимирович, тут военные тайны из вагончика Куропаткина до солдатских окопов докатываются меньше чем за сутки. Тем более со старым авиатором, который тебе помогать будет, не пристало секретничать.

Гильшер вздохнул. Фронтной бардак угнетал его привыкшую к порядку германорусскую душу.

— Весь. Как ветер стихнет, велено перегнать остатки Порт-Артурского отряда и слить с нашими. Киевские сейчас на станции, там тоже подготовили полосу. Как машины соберут, перелетят ближе к фронту.

— Юрий, это же под четыре десятка машин, полоса метров пятьсот, стоянки, рулежка, углубления под топливные танки. Твоей роте месяц работы по такой погоде. Там, наверху, вообще понимают, что они накомандовали?

— Зачем понимать. Приказ отдан, это уже наша проблема, а не их.

Офицеры замолчали. Любимое занятие русских — костерить начальство — оставалось таковым и в Маньчжурии, особенно когда начальством служит штаб Куропаткина. У японцев генералы — орлы, особенно Ногу, у нас одно слово — куропатка. Тьфу.

— Станислав Фадеевич, сколько у вас налета?

— Ерунда. Шестнадцать часов.

— А самостоятельных?

— Все. Тогда не было двухместных учебных машин. Двадцать девять вылетов.

Аэродромщик завистливо вытаращился.

— М-да. Я шесть рапортов написал о переводе на летную. Хотя бы летнабом. Не пушают. Теперь и с аэродромных турнут, что чуда не родил.

Пехотинец подумал минуту и решился.

— Довженко!

— Я, вашбродь.

— Офицеров и унтеров ко мне, быстро.

Через десять минут крохотное китайское строение начало заполняться шинелями, башлыками, резким запахом сапог и уже несколько суток не мытых военных тел. Исторические решения принято именовать как-то по названию населенного пункта, вроде

«Военный совет в Филях». Жалкое скопище глинобитных хижин на карте ничем не поименовано, а китайцев не спросишь, как сей париж зовется, — выгнали их.

— Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие.

— К нам едет ревизор? — схохмил взводный, отогревшийся одним из первых.

— Хуже. Летит по воздуху. Заславский, какова средняя глубина окопов?

— По пояс, господин штабс-капитан. Где камни — по колено.

— Так, слушайте и запоминайте, что вы этого не слышали. Роты и взводы оставляете на унтер-офицеров. Затем следуете в самый просторный дом, да хотя бы и этот сгодится, для военно-штабной игры «отражение атаки отдельного японского отряда численностью до тысячи штыков на заранее подготовленные позиции». Начальник штаба разъяснит подробности.

Подчиненные привыкли к некоторой экстравагантности комбата, щеголявшего в неуставной форме, но тут явно зрело что-то необычное.

— А что мы должны слышать, но не запоминать, командир?

— Пока вы два дня играетесь, две роты перебрасываются в расположение авиаотряда на расчистку летного поля, третья рота изображает продолжение работ в окопах. Что неясно?

Дорожинский обвел глазами команду.

— Ежу понятно, что полку здесь не воевать. Зато, если аэродром расчистим, нас сии ангелочки с неба прикроют, — он кивнул на Гильшера. — Только не надо мне напоминать про устав. Летуны — другой род войск. Взаимодействие с ними на уровне армии. Я обязан доложить полкану, тот комбригу, он комдиву, затем командующему армией. Смекаете? Война кончится. Командира полка информировать не буду, помощь — моя инициатива, вы ни о чем не знали. Вопросы? Исполнять!

Три роты могут гораздо больше, чем одна рота. Через двое суток, когда ветер не стих, но уже перестал сводить с ума, к летному полю потянулись подводы с многочисленным авиационным скарбом. Пехотинцы, волей случая попавшие в аэродромные условия, хотя бы на несколько дней сели на авиационный паек. Штабс-капитан не понимал, куда Гильшер спишет столько продуктов. Хотя спишет не подпоручик, а война. Через три дня роты двинулись в расположение полка. Там им снова копать окопы, а штабс-капитану надеяться, что никто не заметит отставание в кротовьем спорте по сравнению с другими батальонами.

Потеплело. Может, температура воздуха осталась прежней, но утих резкий мордодуй, превращавший жалкие минус десять в непереносимую стужу. И тогда на рассвете прогудел вдалеке одинокий звук самолетного мотора. Потом послышался хоровой гул.

Дорожинский извелся. Как припахать пехоту, так горазды. А зазвать командира, вытащившего их из задницы с аэродромной подготовкой, пардон, увольте-с. Хотя по прибытии на новое место базирования у них и без него хлопот выше киля.

Бывший военлет зря обижался. Через три дня к вечеру раздался цокот копыт. Только сунулся Довженко: «Вашбродь, тутака...», как унтера смел подполковник в летной форме, который сгреб штабс-капитана и прижался щетинистыми ледяными усами к его щеке:

— Славка!..

— Лемка!

Потом, как водится, они долго судачили на тему «ты как? — а ты как?», вспоминали сослуживцев, Петра Самохвалова и наконец, перешли к самому больному вопросу, который начальник сводного авиационного отряда Эрнст Крисланович Леман озвучил лишь на

втором часу и третьей бутылке:

— Каково оно, без неба?

Экс-пилот молча, добил третий пузырь, посмотрел на военлета поразительно трезвым взглядом и не в тему спросил:

— Лемка, ты пробовал гашиш?

— С ума спрыгнул? Я же летчик.

— А я раз пробовал. Слава тебе, Господи, что не втянулся.

— При чем тут...

— Не торопи. Старые гашишисты говорят: если его не потреблять, тело начинает выворачивать наизнанку. Они называют это «ломка». Она может длиться несколько дней и свести с ума. Но если выдержал, плоть приспособится. Человек, брат ты мой, такая сволочь — ко всему привыкает. Ломки нет, жить можно. Но незачем. Гашиш дает неповторимый мир красок и образов, в обычной жизни таких нет. Тускло все и противно. Так я — исцеленный гашишист. Жить можно, но незачем. Раза три брал ствол в рот. Оказывается, даже самострел для меня скучен.

Леман встряхнул пустую тару. Принесенная им водка перекочевала в офицерские организмы, а травиться местной бурдой пока не приперло.

Помолчали.

— Пошел я, Славка. Завтра сможешь явиться часам к десяти?

— Зачем?

— Полетишь на «Дуксе».

— Да хоть щас!

— Сейчас ты пьяный в говно. Не допущу до полета. Завтра — милости прошу. Не добавляй и не похмеляйся. Отдыхай, друг.

Утром в расположении авиаотряда первым посторонним оказался не пехотный офицер, а совершенно экзотическая личность.

— Ваше высокоблагородие! Негру поймали!

Что после вчерашнего не почудится, встряхнул подполковник головой, оделся и вышел навстречу китайской зиме. Алкогольный глюк воплотился в сморщенного человечешку, доходившего рослому военлету лишь до подбородка. Воротник пальто поднят, шапка низко натянута на уши, но торчащий из-под всего этого нос — точно, коричневый.

— Парле ву франсе? Шпрехен зи дойч? Спик инглиш?

— По-английски плохо, господин офицер. А что, надо английский знать?

— Анафема, откуда ты здесь взялся? — подполковник применил куда более сильное слово.

— Марсель Пля, господин офицер. Служил на «Садко» у Самохвалова. Жил во Франции. Хочу воевать с русскими за Россию.

— Ты умом тронулся! Даже не русский подданный. Что здесь забыл? Так, давай в Мукден и домой, — тут в голове авиатора замкнул какой-то контакт, и он вспомнил, что в пестрой шайке Самохвалова действительно был арап. Один хохол из мастеровых дразнил его примерно так: «голодны, людына? бананов нема».

— Стоять. Ты, правда, работал у Петра Андреича?

Коричневое недоразумение извлекло из-за пазухи старое фото. На фоне знаменитой «четверки» и правда — Самохвалов, Джевецкий, Кшесинский да негр, правда, не столь скукоженный, как сейчас. Командир отряда чуть оттаял.

— Бананов нема?

— А сало е? — улыбка на темном лице была белее маньчжурского снега. — Знаю, что не подданный. Вольноопределяющимся возьмете?

Так же как Дорожинский лично уводил со службы налево две пехотные роты, не подставляя никого из выше- и нижестоящих офицеров, Леман сам усадил формально не относящегося к авиации штабс-капитана в носовую кабину биплана «Дукс-Х».

— Осваивайся.

— Ого! У меня штурвал, педали и газ.

— Так точно. Дублирующее управление. Но у нас не учебная модель. За тобой передняя полусфера, я кручу головой назад. Если вижу японца у нас на хвосте, перед тобой красная лампочка. Как загорится — хватай штурвал и держи машину ровно, я ваю заднего. Понял? Погаснет — я снова управляю.

— Здорово.

— Ну, само собой, если нас обстреляют и машина завалится, знай — я ранен, на тебя вся надежда. Без всякой лампочки бери управление и дуй домой, — Леман рассказал еще несколько условных сигналов. Летнаб, сидящий впереди и чуть ниже пилота, мог обернуться к нему и показать руками что надо. Переговорных труб, как на судах, увы — не было, а голосом два мотора не перекричат.

— Теперь самое главное. Мой летнаб заболел, тебя взял наблюдателем. Вылет разведывательный. Карту читать не разучился, пехота?

— Обижусь.

— Сколько влезет. Смотри, идем на юго-запад к реке Ляохэ, проходим километров тридцать за японские передовые позиции. Отмечай, где и что увидишь. Не забывай о зенитках и «Моранах». Помни, все хорошее рано или поздно закончится, вернешься к своему батальону и будешь останавливать желтых, которых сегодня разведаем. Ясно? Тогда надевай парашют системы Котельникова и — с Богом! С остальным разберешься по ходу дела.

Живя в России в третьем поколении, Леманы стали, очевидно, совсем русскими людьми. Лишь русский, посадив перед боевым вылетом много лет не упражнявшегося пилота и поручив ему дело, которому летнабов в школе учат шесть месяцев, мог сказать просто — с остальным разберешься.

Загremели «звезды» воздушного охлаждения, потянуло до боли знакомым запахом бензинового выхлопа и касторки. Оставшись наедине с рабочим местом летчика-наблюдателя, Станислав осмотрелся. Планшет с картой и карандашом. Впереди, выше штурвала — «максим». Только не на станке или треноге, как в пехоте, а на турели. Короб с патронами, лента вставлена. Под ногами запасная коробка. Если что — повоюем.

Он натянул на лицо черную маску, опустил очки на глаза. Огромные меховые унты укрыли ноги. Зимой в Маньчжурии холодно. Тем более зябко на высоте свыше тысячи метров и на скорости сто тридцать километров в час. Давно прошли гатчинские времена, когда курсанты с удовольствием подставляли лицо встречному потоку воздуха. Прозрачный щиток впереди пилота и летнаба лишь частично спасал от ветра.

Пока штабс-капитан осваивался с непривычной носовой кабиной, аэроплан тронулся, повернул к началу полосы и, взревев моторами на полную мощь, рванул на взлет.

Когда схлынул восторг от новой встречи с небом после столь долгого перерыва, Дорожинский понял, насколько он потерял квалификацию. Земной ландшафт под крылом с

километровой высоты стал непривычным, тем более что однообразная степь, мелкие поселения, русские полевые укрепления да морщины редких замерзших речек были настолько однообразны, что привязывать положение машины к карте было довольно сложно.

Пилот моргнул красной лампочкой. Вряд ли видны самураи, скорее всего Эрнст дает возможность попробовать управление в спокойной обстановке. Приборы у него — не беда. Дорожинского учили пилотировать именно так — без приборов и по наитию.

«Дукс» покорно покачал крыльями, затем выписал небольшую горку. Закладывать виражи штабс-капитан не рискнул, боясь потерять направление.

Красная лампочка погасла. С некоторым сожалением убрал руки со штурвала, летнаб приступил к своим прямым обязанностям — внимательному разглядыванию земли и неба.

Линия фронта, проходящая здесь по реке Ляхэ, обозначила себя разрывами шрапнели зенитной артиллерии. Японские пехотные орудия, установленные на специальных лафетах почти вертикально, пытались достать разведчика. Они еще не умели правильно целиться, устанавливать трубку на нужную высоту, но своей массовостью представляли опасность — один или два снаряда могли разорваться вблизи хотя бы по теории вероятности.

Дорожинский оттолкнулся от точки на карте, отмеченной до старта как место выхода к линии фронта, и начал торопливо наносить на бумагу артиллерийские батареи, расположения пехотных частей и прочие детали, которые могли теоретически иметь интерес. Пустая топографическая карта, стыдливо скрывавшая размещение русских войск на случай приземления у врага, заполнялась пометками. Ветер трепал карту, карандаш норовил выскользнуть из меховых перчаток, но это пустяки — впервые за более чем полгода на этой странной войне штабс-капитан почувствовал, что приносит реальную пользу. Уже не донимал режущий ветер, свирепствующий в кабине, — если есть дело, остальное не важно.

Увидев странную темную полосу на западе, офицер поднес к глазам бинокль, затем замотал руками перед лобовым стеклом Лемана, предлагая уклониться в ту сторону. Пилот заложил плавный вираж, через двенадцать минут наблюдатель отметил выдвигание пехотной бригады на краю левого фланга японцев к передовой.

Возвращение не обошлось без приключений. Они прошли на юг до Сандепу и повернули домой на северо-восток. Зенитный огонь при обратном пересечении линии фронта был настолько плотным, что один снаряд разорвался прямо под брюхом «Дукса». Шрапнельные пульки забарабанили по нижнему крылу, Дорожинский почувствовал толчки, потом — резкую боль. В темном полу кабины появились светлые точки шрапнельных отверстий. Вдобавок командир экипажа явно сбился в ориентировке, кидая машину в виражи на уклонение от зенитного огня. Он сделал несколько кругов и уже задумался о посадке, выбирая ровное место близ русских укреплений, чтобы элементарно уточнить направление. Несмотря на боль, летнаб увидел в километре одинокий биплан, плывший куда-то в сторону Мукдена и, достучавшись до пилота, указал на него. В хвосте «Руссо-Балта» они дотащились до аэродрома.

К севшему «Дуксу» подбежал механик, приставив лесенку-трап к борту. Леман выкарабкался из кабины первым, непрерывно ругаясь из-за раны в левой ноге. Дорожинский полез вниз вслед за ним, едва не рыдая от боли и унижения — шрапнель застряла в неприличном месте.

На земле в поле зрения оказались и другие люди, неразличимые по званиям и должностям в единообразном аэродромном зимнем одеянии. Один из летчиков, чей низкий

рост и крайне мелкое телосложение не скрывала летная форма, спросил:

— Штабс-капитан, вы ранены? Куда?

Голос неожиданно оказался женским.

— Ранен. Сзади, — даже под расстрелом он не смог бы сказать при даме, в каком именно месте застряла злосчастная шрапнелина.

Подбежал штабист и похитил карту, на которой Дорожинский отметил продвижение японских войск. После этого двое бойцов авиаотряда уложили офицера на носилки животом вниз и отнесли в лазарет.

Оказавшись на больничной койке второй раз за полгода, штабс-капитан отметил главную разницу: в первый раз его никто не навещал, кроме денщика и пары друзей-офицеров, сейчас отбою не было от посетителей. Самым неприятным, естественно, был визит командира полка на следующий день, от которого Дорожинский надеялся скрыть факт полета.

— Удружил, Станислав Фаддеевич, как есть удружил. И наказать тебя нельзя — смельчак, привез ценные разведданные из-за линии фронта, и как выпутаться, решительно не знаю.

— Позвольте, господин полковник, я рапорт подам, что-де по своей инициативе вызвался уточнить наличие и состав вражеских сил напротив расположения полка.

— Молчи, герой хренов. Я тебе точно скажу, какие силы впереди полка и бригады находятся. Там — 2-я бригада нашей же 31-й дивизии. Мы в тылу, штабс-капитан! А теперь объясни, как мне крутиться перед комбригом, что командир батальона самовольно покинул расположение части и валяется с дыркой в заднице в лазарете соседей. Шальная пуля, мать твою? За пятнадцать километров от японских позиций? Лучше бы сел своей ж...й на гвоздь.

— Виноват, господин полковник. Что прикажете делать?

— Как двигаться сможешь — бегом в батальон. Если, не приведи Господь, снова будет приказ отступ..., тьфу, зараза, приказ на передислокацию, от бригадира ничего скрывать не собираюсь. Объявит тебя дезертиром — пеняй на себя.

— Ясно, господин полковник.

Леман, ранение, в ногу которого оказалось болезненным, но пустяковым, заскочил после перевязки и визита комполка.

— Отдыхаешь, пехота? С боевым крещением в небе!

— Спасибо, друг.

— Не за что. Дырка в задку зарастет — милости просим за новыми. Жаль, парашют испорчен. В нашей бюрократии проще человека в расход списать, чем военное имущество.

— А машина?

— Что ей сделается? В моторы попаданий нет, а дырки в перкали и фанере мы даже не заделываем — в следующий раз самураи новые насверлят.

Командир отряда говорил тоном бывалого человека, оттрубившего на фронте многие годы, хотя вылет со Станиславом был для него всего вторым боевым. Так и нужно — предводитель должен внушать подчиненным чувство уверенности, лишь бы оно не обмануло его самого.

— Ладно, выздоравливай, завтра забегу.

Заместитель командира бывшего Порт-Артурского авиаотряда, второй обитатель лазарета, имел гораздо большее количество вылетов в зону боевых действий, но отличался

молчаливостью, и Дорожинский с трудом разговорил его. Услышанное могло вогнать в уныние самого отъявленного оптимиста.

Несмотря на многократное количественное и существенное качественное превосходство русской авиации над японской, в воздухе все делалось через то место, куда был ранен штабс-капитан. Не хватало топлива, касторки, запчастей и других расходных материалов. В благоприятную погоду японцы, бывало, несколько вылетов делали, русские — один в два-три дня. Конечно, расходку для авиации нужно через всю Евразию везти, но японцам сложнее: через англичан купить во Франции и везти морем вокруг Индии и Китая, а потом как-то прорываться в Корею, молясь богам, чтобы не попасть под мины «Витязей».

Несколько архаичных бипланов, которые были у пилотов микадо в начале войны, погибли буквально в первый месяц, и на вооружении остался лишь моноплан «Моран», собираемый в Японии по французской лицензии с французским же двигателем. Вряд ли у них в строю оставалось более пятнадцати-двадцати машин, что на линию фронта в десятки километров совсем ерунда. Поэтому японцы пытались использовать свою авиацию крайне аккуратно. Одиночные «Мораны» просачивались через линию фронта на разведку, остальные действовали против русских над своей территорией.

— Не преувеличиваете, Иван Александрович. Что-то не помню я частых полетов «Моранов» над нашими позициями. В каждом полку есть шестидюймовки ПВО, да и вы не всегда без бензина сидите.

— По логике — так. Только, Станислав, у японцев своя логика, нам не всегда понятная. Это в пехоте у них забитые крестьяне под ружьем, в наступлении храбрые, а как прижать и окружить — бросают оружие. В летчики особая каста идет, потомки самураев, мать их. Им смерть не страшна, наоборот, гибель в бою во славу императора — особенная честь. Хотя специально умереть не пытаются, стремятся как можно больше нашего брата извести. Два случая знаю, что подбитые «Мораны» тянули к своим, но садились на нашей стороне. Тогда летчик поджигал самолет и стрелялся. Ни одного пленного.

Подполковник Лойко надолго замолчал. В китайской хижине, которую домом назвать можно лишь с натяжкой, пахло карболкой и прочей медициной, которую перебивал табачный дым: офицеры решили проигнорировать запрет на курение в палате, ибо старший из них с трудом опирался на давече вывихнутую лодыжку, а штабс-капитан практически постоянно лежал на животе, стараясь не бередить подживающую ранку и надеясь вступить в строй в ближайшие дни.

— Пленный пехотный подофицер рассказывал, что у них сохранился самурайский обычай, когда князь, командир отряда, занимается содомским грехом с летчиками.

— Они все... уроды?

— Нет, Станислав. Как и мы, женщин предпочитают. Совокупление с командиром, при котором князь мужчиной работает, для самурая есть знак демонстрации преданности до самоуничтожения. Формально каста самураев в прошлом веке распалась. Но японские летчики летают в белых повязках — хатимаки, на которых намалеваны солнце и иероглифы «бусидо», «банзай», «Ниппон». Стало быть, кодекс самурая чтут и командиру зад подставляют.

Дорожинского передернуло, правая булка отозвалась нытьем в ране. Хорошо, что раненым местом не надо доказывать преданность Леману.

Легка на помине, лишь вспомнили женщин, в палату постучалась и заглянула та самая дама-военлет, которую штабс-капитан видел после посадки.

— Как наши раненные герои поживают? Присядьте, я вам гостинцев принесла, — от летчицы и ее манеры общения вдруг повяло чем-то неуловимо тыловым, домашним.

— Вашими молитвами. Только присесть не могу-с.

— Не стесняйтесь. У нас один из молодого пополнения как о вашей травме услышал, к японцу полетел на чугунной сковородке. Говорит — от винтовочной пули не спасет, а от шрапнели — в самый раз.

— Гениально. А если Черный самурай в спину зайдет — что, за спинкой чугунную ванну возить? — хмыкнул Лойко.

— Расскажите пехотинцу, что за зверь такой.

Авиаторы переглянулись.

— Никто точно не знает, — протянула Александра. — Говорят, мало, кто выжить смог, кто с ним в воздухе схлестнулся. Может, вы больше слышали, господин подполковник.

— Даже видел. — Порт-артурец удобно вытянул больную ногу. — Его не спутать ни с кем. «Моран» не серебристо-серый, а черно-белый. Крыло белое, фюзеляж антрацитовый, как и хвостовое. Мотор особенный. Их машины «Дукса» догоняют, а с «Руссо-Балтом» обычно наравне. У «Балта» движок мощнее, у японца одно крыло, стало быть — лоб менее парусный. Так вот, шли мы втроем — я на «Дуксе» и два «Балта» к северу от Порт-Артура. Он набросился один на троих, упал сверху от солнца. Первой же очередью зацепил истребитель. Второй «Балт» увернулся от огня, вы же знаете, у биплана вертикальный маневр лучше. Покувыркались они, в выражах «Мораном» до «Руссо-Балта» не достать, потом самурай вывернулся и по горизонтали двинул на нас. Верите ли, он от нашего истребителя по прямой оторваться смог! Я по нему из «макса» саданул, вряд ли попал. Но, может, у японца патроны кончились, он из боя вышел. Поручик Кокорин его пытался догнать, но куда там! Вернулся и стал за мной, несолоно хлебавши.

— Вот и я о таком же слышала. Охотится всегда один, на полтора-двух тысячах наших высматривает. Коршуном пикирует на жертву, с солнца заходя, бьет и убирается. Свалку с «Балтами» не жалует, — Турчанинова поправила короткую челку. — Ладно, с ранеными не полагается о грустном говорить. — Лучше расскажите, господин Дорожинский, вы — тот самый военлет из Гатчинского, что молодого Оболенского застрелил, дабы тот под авиаторов не копал?

— Уже не тот. Постарел, и летать разучился.

— Надо же! Знаете, как из первых шести маленьких барышень создали первую учебную группу летнабов, вы для нас живой легендой стали, вторым после Самохвалова. Кстати, вы же его знать должны!

— Конечно. Энергический был человек, хотя и почти такого роста, как вы. С тех пор его не видел. Простите, сударыня, для вас маленький рост — украшение, мужчине он в тягость.

— Полноте, штабс-капитан. Вы не привыкли к женщинам в армии. Нас убивают точно так же, посему не надо меня от других отделять. Да и не прижилась традиция. Моторы мощнее придумали, в авиацию перестали брать лилипутов.

— Вот оно как. И много в авиации женщин, Александра Степановна?

— Трое уволились со службы, одна погибла над Ляодунским заливом. Еще с одной связь потеряла. Может, я и последняя. Не приспособлена русская армия к женщинам. Я как стала фельдфебелем в Гатчине, так и погибну им, если до пенсии не доживу.

— Не накликайте. Не знаю, как у вас, но пехота в окопах вся обросла суевериями.

— В авиации даже хуже, чем на флоте. Станислав Фаддеевич, выздоравливайте, не буду

мешать. И вам, Иван Александрович, быстрее в строй вернуться, к птенцам зеленым, необстрелянным.

Турчанинова, чем-то действительно похожая на птенца, упорхнула. Без нее обитель двух раненых офицеров стала тем, чем и раньше была — унылой палатой полевого лазарета.

Днем позже, рассматривая газету с бодряческим описанием воздушного боя, в котором Казаков сбил «Морана», Дорожинский спросил соседа:

— Не устаю удивляться, как они на одноместном моноплане разведку делают. Вниз обзора никакого, земля перекрыта крылом. Машина, какого-никакого внимания требует. Я когда с Леманом ходил, потому только вражескую бригаду срисовал, что свободен был.

— Точно не скажу. Одно знаю — все разведанные они лучше используют, чем гении в вагончике Куропаткина. О том, что японские миноносцы к Порт-Артуру идут, мы с воздуха засекали часа за два до атаки. И что? Не придумали наши военные, как на нападение реагировать. Только когда русская кровь рекой полилась, изволили шевелиться. С «Морского Витязя» засадили флагману в борт, он и сейчас, верно, где-то там лежит.

Летчик умолк. Зрелище беспомощного перед русской авиацией вражеского корабля грело ему душу на фоне сплошных неудач на твердой земле. Потом он продолжил.

— Вот ты движение японских войск засекал, так генералы начнут в гармошку играть. Увидят японца в середине — сжимают ряды, плотность обороны наращивают. Сейчас сообщение с фланга получили, снова меха растянут, изволят окружению препятствовать. Когда летал, ты видел, что у врага нет сплошной линии обороны. Так нет же — решительным ударом отрезать фланг и разгромить окруженцев. Япония — не Россия, нет столько ресурсов. Да и половина тех подкреплений на дно идет. Несколько дивизий потеряют и покатаются на юг. Ни за что! Наступление для трусов, смелая Куропатка на гармошке музицирует и организованно пятится.

— А на миноносцы не пробовал перевестись?

— Туда не переберешься простым рапортом. У них своя особенная школа у Архангельска. Да и, кстати сказать, служба на «Русском Витязе» не мед. Машины хватает на десяток вылетов. А потом падает в море — и вечная память.

— А «Морские Витязи»?

— Вестимо, тем легче. На воду сядут, и, дай Бог, их подберут. У них число погибших экипажей меньше чем цифра потерь самолетов.

Штабс-капитан, не общаясь с летным составом, не знал, насколько высока цена морской блокады. На фронте бывает затишье. А на миноносцах, стало быть, гибнут почти каждый день.

— Скажи, дорогой Иван Александрович, генералам нашим ты не веришь, поставленным царской волей. Как же тогда воевать, жизнью рисковать на чужбине? Маньчжурия, Китай и Корея — не русские земли.

— Что тебе сказать, я не поп полковой. Русь — это не только Куропаткин. Пусть командующий ведет себя, как крыса, я, офицер и дворянин, себе позволить такого не могу. Повалюсь пару-тройку дней — и в воздух. Да и ты, Станислав, вернешься к батальону, и, Бог даст, вставишь врагу пыжа по самые гланды.

Вышло иначе. Когда Дорожинский начал уверенно ходить и даже боком присаживаться, к ним вновь заскочил Леман, показав бумагу из штаба пехотной бригады — штабс-капитана вернуть, а коли из-за ранения сие невозможно немедленно, обеспечить по выздоровлении его перемещение на восточный фланг, куда бригада срочно передислоцировалась.

— Ясно. У реки Шахэ не всё окопами изрыли.

— Зря зубоскалишь, пехота. Японцы там кучкуются, за Шахэ, со стороны Пхеньяна. Поговаривают, и мы ближе к Фынхуачену перелетим.

— Вы перелетите. Моя летная карьера ограничилась одним рейсом.

— А что, остаться хочешь? Авиаторов куда больше гибнет, чем пушкарей, инфантерии и конницы, я уж про флот, в портах стоячий, не говорю. Хочешь к смертничкам?

— Не трави душу, ирод. Лучше день в небе, чем год среди окопных вшей.

— Ой, ли? Тогда завтра пиши рапорт. В связи с убытием моей части в неизвестном направлении к новому месту дислокации прошу дать возможность сложить голову здесь.

— Что, правда?

— А я хоть раз в жизни шутил? Кто-то расстрелял группу летчиков по пути сюда. На станцию пришли шесть «Садко-12». Я на них опытных людей посажу, а кто на «Балтах» полетит — не знаю. Тебя проще натаскать, старые навыки в тебе дремлют, не умерли — я это на «Дуксе» почувствовал. Погоняешь над аэродромом, научишься крутить петлю с бочками да разок из штопора выйдешь — дуй японских разведчиков сбивать.

Получилось настолько здорово, что Дорожинский боялся верить своему счастью и благодарил Бога за столь своевременную дырку, им (Богом) начально не планированную. На следующее утро оделся по форме, накатал рапорт и, не дожидаясь резолюции, стал в строй.

Леман, чернее тучи, распекал Юру Гильнера и прочую аэродромную команду. Ночью казус случился, который можно было бы смешным считать, если не война.

Фельдфебель, поверяя часовых, заметил огонек самокрутки у часового. Наорал на него, мол, пожарную безопасность нарушаешь, в самолетах бензин, а ты куришь рядом с ними, нехристь татарская. Потом, для пущей убедительности, плеснул на мерзлый песок полведра бензина и швырнул окурок. Топливо и вправду воспламенилось, с ним «Руссо-Балт» Крутеня сгорел дотла.

Татарченок схлопотал мелкое наказание, фельдфебель ждал отправки в арестантские роты, а Гильшер угодил под суд офицерской чести. Глядя на обвислые усы начальника наземной службы и разъяренного командира отряда, Станислав прикинул, что и без того малые шансы подпоручика когда-либо переметнуться в летный состав превратились в величину отрицательную.

Подуспокоившись, командир отряда поздравил Лойко с выпиской из лазарета, затем представил двух новобранцев — вольноопределяющегося летнаба Марсея Пля и пилота Дорожинского, странным образом и в трудное время влившихся в отряд.

Глава 2

15 января — 2 марта 1905 года. Маньчжурия

Учебных спарок для освоения «Руссо-Балта» в отряде не было. Как и в далекие времена, штабс-капитан поупражнялся в кабине на земле, привык к приборам, покатался взад-вперед по полосе с Эрнстом на крыле и уже на следующий день был отправлен в первый самостоятельный вылет. Наверное, гатчинские инструкторы пришли бы в ужас от сего экстерна, но Дорожинский довольно уверенно взлетел, описал пологий круг и почти без «козления» прижал машину к земле, снова взлетел и снова сел, описав вираж в другую сторону.

Через день, имея на «Руссо-Балте» около четырех часов налета, Станислав увидел в небе едва заметную точку. Понимая, что полетным заданием схватка с японцем не предусмотрена, но на войне все не предскажешь, он кинулся наперерез, попутно набирая высоту.

Это действительно был «Моран», обычной раскраски. После лазаретских страшилок в небесах мерещились Черные самураи. Тот крался по нижнему краю облачности, периодически исчезая в лохмотьях небесной ваты и уходя с русской территории на юг. Облака — это зло, твердо усвоил Дорожинский еще в Гатчине. Но неизвестно, когда следующий случай представится.

По науке нужно было, пользуясь неведением врага о приближающейся угрозе, зайти снизу с тыла на полном газу, догнать и расстрелять с расстояния пятьдесят-сто метров. Но вчерашний пехотинец боялся, что вражеский летчик его заметит и начнет маневрировать, тогда просто не хватит летного опыта и техники пилотирования. Выйдя в хвост японцу, штабс-капитан решился на слепой маневр. Такое случается лишь у новичков — им везет, и они не ведают запретов. Станислав предположил, что враг его не засек — иначе бы давно спрятался в облако и сбежал к своим по компасу. Полный газ, горка, пространство вокруг затопило мутным маревом. Стараясь не менять направления и полагая, что «Моран» точно по курсу, Дорожинский слегка разогнался в горизонтали, потом бросил машину вниз, рассчитывая выйти чуть сзади самурая и с приличным запасом скорости. Он промахнулся! Моноплан оказался над ним и чуть сбоку, через несколько секунд «Руссо-Балт» вывалится прямо ему под пулемет. Штабс-капитан в отчаянии убрал газ, опустил нос, затем резко вырвал машину на себя, ставя ее чуть ли не вертикально. Нажал на спуск. Фюзеляж «Морана» мелькнул в каких-то сорока или тридцати метрах, из револьвера бы штабс-капитан точно попал. Очередь «максима» полоснула по крылу, а «Руссо-Балт», став на свечку, потерял скорость и свалился в штопор.

«Спокойно. Все как учили. Ручку на себя не тянуть. Зажигание выключено. Педаль. Потом аккуратно элеронами. Не крутись! Стой же, я тебе сказал!»

Земля приближалась с трагической неумолимостью, поворачиваясь перед капотом. Вращение замедлялось, но высота падала еще быстрее, а скорость росла. Лишь в считанных метрах от земли пикирование перешло в горизонтальный полет, внутри живота екнуло, будто мерзлый маньчжурский песок промелькнул в миллиметре от обнаженной кожи. Свинцовой рукой штабс-капитан крутнул магнето, «звезда» ожила, наполняя машину уверенным гулом. Падение, казалось, длилось немыслимо долго, хотя из часов вечности утекло всего несколько секунд. Дорожинский, набирая высоту в вираже, оглядел небо и — о

радость! — заметил снижающегося вдалеке японца. Он кинулся вдогонку, на минуту потерял врага из виду, затем обнаружил лежащий «Моран» с перебитым крылом. К нему бежали пехотинцы. С трудом найдя сравнительно ровный кусок на перекопанной траншеями поверхности, военлет приземлился и тоже почапал к месту аварии.

Пехота с унтером во главе потом едва отпустила штабс-капитана: в их глазах он был героем, которого нужно всенепременно показать своим. Станиславу хотелось глянуть на японца.

Пилот был мертв. Пущенная наугад очередь что-то перебила в левой плоскости. Перед столкновением с землей самурай, очевидно, решил, что его «Моран» идет полого, не обеспечивая гарантированной смерти от удара оземь. В шлеме маленькая дырочка, а когда покойника извлекли из кабины, там оказался револьвер с одной стреляной гильзой.

Объяснив унтеру, что японский шлем нужен для подтверждения победы, штабс-капитан стянул его с мертвой головы. На коротко стриженном черепе оказалась белая повязка с алым кругом на лбу, простреленная и запачканная кровью. Забрав и повязку, военлет вернулся к «Руссо-Балту».

Заминка с посадкой у останков «Морана» заняла добрых полчаса. Когда Дорожинский на последних литрах топлива притарахтел на родной аэродром, его уже наполовину списали в покойники. Несмотря на шлем и налобную повязку самурая, Леман долго не хотел верить, что зеленый новичок открыл счет своих воздушных побед. До этого сбитый самолет числился лишь за Крутенем, завалившим его под Порт-Артуром в составе другого подразделения, и Казаковым.

Марсель Пля, лучше кого бы то ни было осведомленный об устройстве японских машин, рассказал, что в островной модификации ослаблены лонжероны для облегчения и удешевления конструкции. Вероятно, из-за этого крыло сложилось. Работа на авиазаводе, где родились враждебные русским «Мораны», породила странные чувства в душе полинезийца. Он считал себя обязанным России, потому уволился от госпожи Самохваловой и с приключениями добрался до действующий в Маньчжурии армии.

Одна беда — снова закровоточила рана от вылета на «Дуксе». Отрядный врач зубоскалил, что вблизи от «Морана» у штабс-капитана слишком сжалось очко — вот дырка и открылась. Снова замазав и залепив ее, он отправил военлета на сутки ночевать в лазарете, чем спас от бурной попойки по поводу сбитого японца, хотя совсем всухую не обошлось.

Глубокой ночью к Дорожинскому пришла Александра.

После невероятного взрыва эмоций, которым не помешала бы не то что пустяковая рана, но и оторванная нога, они лежали во тьме, прижавшись друг к другу и дышали в такт.

— Спасибо тебе, милая. Но почему ты здесь?

— У тебя в койке или в армии?

— Расскажи. Хочу знать о тебе все.

Беспроигрышный вариант, когда мужчина не просто распускает павлиний хвост, вещая о том, что важно ему одному, а спрашивает у женщины, пытаясь понять ее. Тем более в постели, когда, кажется, уже получил что хотел.

— Когда была гимназисткой, переболела тифом с осложнениями. Доктор сказал, что у меня по-женски ничего не получится, я осталась бесплодной. Что ж, Бог дал хотя бы выжить, нельзя его гневить — надо радоваться существу и не грезить о несбыточном. Жили мы под Питером, тогда и узнала о конкурсе летнабов. Слишком хилый для беременности и весьма мелкий мой организм для армии подошел идеально. Кстати, моя прабабка, по

преданиям, была первой в России женщиной-воздухоплавателем. Вот и причина, по которой я пошла не в медицину, а в авиашколу. — Александра улыбнулась своим воспоминаниям и продолжила: — Знаешь, в Гатчине я в тебя заочно влюбилась. У нас было фото первого вашего набора на фоне самохваловской «четверки». Ты там такой герой, высокий, усатый, задорный. Плюс репутация бретера и бабника.

— С бабником преувеличение. Всего одна интрижка с замужней дамой, из-за дуэли ее раздули до Александрийского столба.

— Не разочаровывай меня. Вот, стала я фельдфебелем и отправилась в Киев. Стояли мы не в городе, а на восточном выезде, в Борисполе. Знаешь, когда куча молодых офицеров, а женщин в отряде лишь три, и на кривую-косую принц найдется. Но я точно решила, что замуж не пойду — не хочу своей бездетностью кому-то жизнь портить. Но и романы крутить опасно, если хоть какой слушок по части поползет, от клейма распутной девки не отмазаться. За время службы было у меня двое избранников, исключительно неженатых. Один погиб по нелепости, другой ушел из армии. Оба замуж звали и оба наш секрет сберегли. Так что и ты молчи, ладно?

— Конечно! — он осторожно погладил ее грудь, слишком маленькую для зрелой женщины, которой за тридцать, но из-за низкого роста кажущейся совсем ребенком. Соски напряглись, и минут на двадцать им вдруг стало совсем не до разговоров.

— Я на твои вопросы ответила? А, на второй не совсем. Слушай. Когда ты у нас появился, постаревший по сравнению с фото, стесняющийся забавной раны, ты показался мне до того милым, что... Не знаю, как это сказать. А потом, когда ты прервал обычный полет и куда-то умчался, я стояла у кромки поля, ждала... Время вышло, вдруг почувствовала, что ты можешь не вернуться. Если пилот не приземлился в срок, мы знаем — в двух случаях из трех он уже не прилетит никогда. Так жалела, что не поцеловала тебя хоть раз. Ты знаешь, сколько мне лет, а вот такая сентиментальная дура. Ты вернулся! Бог дал нам еще один день вместе на этом свете, и я не могла упустить его. Никогда не буду матерью и ничьей женой, но хочу урвать маленький кусочек счастья.

Дорожинский недоумевал, как в маленьком коллективе что-то можно скрывать. В частности, пришлось поговорить по душам с эскулапом, который давал иногда ключ от палаты, а буде она занята, пускал в свою комнату, уходя к офицерам раскинуть картишки. Но вряд ли он их выдал, парочка настолько светилась своими чувствами, что их разглядел бы даже пилот с борта «Морана».

Эрнст Леман вызвал героя-любовника и сделал ему внушение. Во-первых, обругал за внебрачную связь. Во-вторых, поздравил: почти половина офицеров штурмовала сию твердыню, некоторые — годами, а тут! И кто, позвольте спросить? Пехота! В-третьих, предупредил, что за Александру можно нажать врагов в пол-отряда, кто-то начнет конфликт из ревности, а кто-то из лучших побуждений, «защищая честь» единственной дамы, не считая христовой невесты — пожилой монашки в лазарете. В-четвертых, объявил приказ: отныне ни при каких условиях Дорожинский не летает совместно с «Дуксом», где в экипаже летнабом фельдфебель Турчанинова. Чтобы не было незрелых решений, подсказанных чувствами, а не умом.

Потом началась Мукденская наступательная операция. Естественно, наступали не русские. Князь Куропаткин, гениально осмысливший опыт франко-прусской войны, четко знал, что единственная опасность для армии — коварный охват вражескими войсками,

окружение и плен. О том, что окружающая армия должна быть хотя бы вровень со своей жертвой по численности и боеспособности, он не думал. Командующий не принимал во внимание, что враг прет на одном кураже, почти без боеприпасов, фуража и продовольствия, усвоив, что Русскую императорскую армию не гоняет только ленивый.

В результате в огневой контакт с японцами вступали отдельные обороняющиеся части, стоявшие насмерть, или арьергарды, прикрывающие любимый маневр Куропаткина — организованное отступление. Пожалуй, не менее половины солдат, прошедших Маньчжурию, не сделали ни единого выстрела по врагу. Они умирали в окопах пачками от ужасной кормежки, мороза, болезней, надрывались от непосильного труда на фортификационных работах, прогрызая бесчисленные километры траншей, затем без боя отданных армии микадо.

В оба авиационных отряда навезли, наконец, бензин, и военлеты начали бороздить небо Маньчжурии с небывалой интенсивностью. Смешно сказать — авиация, самая передовая техника, а подвоз ГСМ и другой расходки исключительно гужевым транспортом. Каждый вылет «Дукса» — три бочки бензина, пару ведер масла, каждые десять полетов — новые моторы. Потом винты, приводные ремни, шины, свечи, подшипники, тысяча и одна мелочь. В авиаотряде лошадей куда больше, чем самолетов.

Уходя на задание в среднем раз в два дня, Станислав и Александра по очереди ждали друг друга на летном поле, радуясь заходящим на посадку машинам, словно новому рождению. Удачное приземление — значит, будет день и будет ночь, разбавленные обязанностями военной службы, которые оставляют влюбленным достаточно времени, если жертвовать второстепенными нуждами — едой, сном и отдыхом.

Тем временем истребителей пересаживали на «Садко-12». Многие невзлюбили его, и было отчего. Спортивный самолет, на котором в 1902-1903 годах были поставлены рекорды скорости, скороподъемности и высоты, был лишен многих важных черт, присущих «Руссо-Балту». Князь Александр уговорил Самохвалова построить новый истребитель именно на базе рекордсмена. Машина действительно получилась уникальная. Пулемет стоял за редуктором в развале цилиндров V-образного двигателя жидкостного охлаждения и стрелял через полый вал пропеллера, имея на треть большую скорострельность, чем синхронный. Взлетная скорость чудо-птицы получилась около ста десяти километров в час, близко к рабочей скорости «Дукса». Никакой мачты с расчалками, как на «Моране» и других монопланах, — только пара подкосов плоской аэродинамической формы. Вместо противокапотных лыж — обтекатели шасси. На малых скоростях «Садко» был неуклюж, для устойчивости на взлете-посадке на задней стороне крыла опускались закрылки. Впервые киевские авиаторы увидели воздушный винт с регулируемым в полете шагом. Даже потеряв километров сорок от максимальной скорости за счет установки пулемета и дополнительных баков, «Садко» оставался исключительно скоростным аппаратом, сложным в управлении и строгим при посадке.

Не удивительно, что уже в первую неделю освоения один из самолетов скапотировал, похоронив летчика под обломками. Из пяти оставшихся машин одна впала в спячку без запчастей, три летали на задания, и одна из красавиц стояла бесхозной — остальные авиаторы отказывались пересаживаться на нее даже под страхом трибунала за неисполнение приказа.

Несмотря на ужас в глазах подруги, Дорожинский взлетел на «Садко» и ощутил, что между этим аппаратом и «Балтом» разница больше, чем между его прежним истребителем и

учебной гатчинской «четверкой». Не просто новая модель, качественно иной уровень. Да, «Садко» строже в управлении, нежели предшественник. Да, приходилось примиряться, что его скорость на пятьдесят—сто километров в час быстрее, чем у мишени, на открытие огня секунда-две и сразу резкий уход, чтобы самому не подставить хвост под пулемет недобитого врага.

Наследник самохваловских традиций оказался идеальным загонщиком для японских «Моранов». Четверо русских охотников рыскали вдоль линии фронта, зная, что догонят любой вражеский моноплан. Проблема лишь в том, что японцы не часто летали, а линия фронта растянулась до неприличия. Троим из пилотов «Садко» удалось подстрелить по одному неприятелю. Дорожинский, имевший уже две победы, был представлен к награде, чему сильно сопротивлялся, ибо нигде не хотел о себе заявлять: исконный враг могущественных князей Оболенских и дезертир пехотной бригады предпочитал тихое существование без чинов и наград.

В день, когда орден нашел героя, в отряде царил траур — накануне двое не вернулись с задания. В том числе один «Садко». Пилот дотянул до своих и умер на руках у казаков. Леман перед строем зачитал рапорт есаула о последних словах военлета: Черный самурай атаковал сверху со стороны солнца.

Следующая потеря оказалась весьма странной. Молодой летчик из пополнения психовал перед каждым полетом. Его подозревали в элементарном страхе, но подпоручик постоянно просился в бой. Однажды, остановив «Балт» в конце полосы и даже не зарулив на стоянку, он выпрыгнул из кабины и побежал в сопки, сбрасывая на ходу шлем, маску, очки, перчатки и даже летную куртку.

Догнали его с трудом, оседлав коней. Связанный и стреноженный, пилот орал, что у него на крыле поселился демон, который постоянно подглядывает и корчит рожи, но прячется, если на него смотреть в упор. На верхнем крыле машины оторвался замысловатый кусок обшивки, на резких эволюциях заворачивающийся назад, выглядывая из-за задней кромки. Подпоручика отправили в тыл.

До передислокации на север за новую линию обороны отступающих войск оставались считанные дни, когда ставка Куропаткина разродилась новым откровением. Уфимцы, переброшенные севернее, теперь вели войсковую разведку, а в отряд Лемана свезли остатки авиационных гранат и бомб. У Дорожинского немного отлегло на душе: на бомбометание «Дуксы» ходили без летнабов, увеличивая тем самым бомбовую нагрузку. Теперь лишь он рисковал, уходя на задание по прикрытию бомбовозов, Александре оставалось только ждать.

За четыре дня полетов Киевский авиаотряд потерял почти все «Дуксы», большинство из них — вместе с пилотами. Попасть в движущуюся змею японской колонны можно лишь с малых высот. Самолеты падали, превращенные в решето винтовочным огнем.

Каждый вечер поминали невернувшихся с задания. Галерея фотографий с молодыми лицами, подчеркнутыми наискось черной лентой, стремительно росла, заполняя стену в штабе отряда. На фоне этого истребители выглядели странно: за целую неделю потеряли всего один самолет, летчик остался невредим. Дорожинскому и другим пилотам «Садко» и «Балтов» было уже стыдно смотреть в глаза товарищам — пока истребители кружились на недоступной зениткам высоте, бомбардировщики шли вниз на верную смерть.

Сравнительная безопасность истребительных вылетов радовала Александру. Конечно, она от души скорбела по пилотам, ушедшим в последний полет. Многих из них она знала на протяжении нескольких лет. Но Станислав вдруг оказался важнее, чем весь авиаотряд. В ней

произошли перемены, странно, что штабс-капитан ничего не заметил. Они были близки с января, кавалер так и не обратил внимания, что у его подруги не наступили дни, когда от интимных нежностей лучше воздерживаться.

Бесцельно болтаясь по расположению и летному полю в ожидании любимого, она боролась с тошнотой и мучилась мыслью, когда объявить о беременности. В Русской армии не существовало правила отправлять беременных бойцов в тыл, так как военнослужащих женского пола просто не было. Но Александра не сомневалась, что Леман непременно поступит именно так. Значит, Станислав останется без нее, будет один-одинешенек болтаться в кабине «Садко» под облаками и японскими пулями, а у ВПП его не встретят родные объятия.

Второго марта, когда фронтовая канонада доносилась, чуть ли не из-за ближайших сопок, отряд, наконец, получил приказ перелететь на заранее подготовленную полосу за Сьпингаем. Аэродромные службы срочно паковались, сворачивались, грузились на десятки подвод. То есть не менее десяти дней перелетевшие на север машины останутся безо всякого обслуживания, авиаотряд потеряет боеспособность. Семь ремонтпригодных машин, но не способных к взлету из-за повреждений или износа узлов, приказано сжечь.

На рассвете третьего марта примчался взъерошенный поручик из штаба армии с приказом сделать разведывлет на юго-восток от Мукдена — штабные стратеги разрабатывали правильную дату отступления войск из города. Леман с тоской осмотрел разоренное расположение авиаотряда. Два последних «Дукса», заправленных к перегону на Сьпингай, два «Садко» и один «Балт». Большая часть летного и наземного состава убыла вчера.

Мешая немецкие и русские ругательства, командир отряда побежал искать, кого отправить летнабом. Взгляд упал на единственную женщину-летнаба, которая задержалась, помогая сворачивать лазарет. Леман скороговоркой выстрелил пачку распоряжений по организации последнего рейда с этой авиабазы.

— Фельдфебель Турчанинова, готовьтесь к вылету за Мукден с подполковником Лойко. Казаков и Кокорин — прикрываете. Собрать все топливо, чтобы хватило после возвращения на перегон к новому аэродрому.

Откровенно говоря, Александру уже давно не тянуло в полет, как раньше. Ее посетило настоящее женское счастье. Как же здорово, что тот доктор ошибся. Просто на жизненном пути не попадалось мужчины, который хотел ее по-настоящему и мог подарить праздник материнства. О том, что Турчанинова в интересном положении, догадалась лишь монашка, уловившая явные признаки недомогания, но она не сообщила об этом даже начальнику лазарета — тот моментально отстранил бы Александру от службы и поставил вопрос о ее эвакуации в Россию.

«Садко» Кокорина и «Дукс» не вернулись с задания.

Глава 3

марта — 12 мая 1905 года. Маньчжурия

— Эрнст, дай разрешение на вылет. Не дашь — угоню самолет и полечу на ее поиски.

— Сядьте, господин штабс-капитан. Во-первых, вы не трезвы. Во-вторых, это даже не иголка в стоге сена. В-третьих, они живы и в лагере для военнопленных. Никто из нас не знает, какой именно лагерь. После «организованного» куропаткинского отступления у японцев многие тысячи наших пленных, — с остатками немецкой пунктуальности, не до конца растворенной в русской анархии, командир отряда раскладывал ситуацию по полочкам.

— Так делай что-нибудь!! Черт бы тебя побрал! Ты же сам, мать твою, послал ее в этот идиотский, никому не нужный вылет! Отвечай за свой поступок!

— Станислав, если не успокоишься, отправлю под арест. Понимаю и разделяю твои чувства, но она — в первую очередь фельдфебель Русской императорской армии, только во вторую женщина и чья-то возлюбленная. Не забывай, с ней в плен попали Лойко и Кокорин. Как бы не было печально от их пленения, надеюсь, они за ней присмотрят.

— Есть мысль, — подал голос Казаков.

— Не томи, Александр, — взмолился Дорожинский.

— Не по уставу, да ладно, вся война наша здесь такая. Давайте обменяем самураев на наших.

— Безумие! — отрезал Леман.

Во время того рокового полета три русских аэроплана благополучно прошли Мукден и миновали скопление японских войск к юго-западу. Не надо быть летнабом, чтобы понять — сухопутные силы врага в количестве не менее чем двадцать тысяч штыков в суточном переходе от города. Учитывая растянутость их колонн, одна бригада на заранее подготовленных позициях способна прикрыть город на несколько дней, дивизия остановит врага и заставит врыться в землю. Но лишь в случае, если будет повеление военного министра и верховного главнокомандующего. Ясно, что военное светило, дабы чего не вышло, прикажет отступать на север. Вопрос лишь — когда, сразу бежать или на день задержаться, чтобы смазать пятки салом.

Минув японский авангард, русская троица легла на обратный курс. И тут произошла глупая случайность, из-за которой дело пошло наперекосяк. У Кокорина задымил мотор, и он, теряя высоту, кое-как совершил вынужденную посадку меж невысокими сопками. Два оставшихся самолета сделали круг. Александр Казаков сразу отказался от приземления: упрямо «Садко» там не взлететь. Лойко примерился и двинул вниз.

Сверху было отлично видно, как из кабин «Дукса» на песок упали пулеметы, ленты, парашюты, облегчив машину насколько возможно. Кокорин забрался в кабину летнаба, посадил Турчанинову на колени, как ребенка. Двухмоторный биплан, подпрыгивая на кочках и прочих неровностях, каким-то чудом взлетел.

Километров через десять на них со стороны солнца свалился черно-белый «Моран», всадил очередь в «Дукс» и взмыл к облакам. Пока Казаков разгонял свою машину и цеплялся за японский хвост, Черный самурай нырнул в облачность. Штабс-капитан стрельнул вслед наугад и вернулся к подранку.

Русский аппарат понемногу терял высоту, явно не дотягивая до территории, пока

занятой нашими. Пехота начала палить по нему из всего имеющегося оружия. Лойко не стал искушать судьбу, а может — уже был ранен. В общем, биплан тяжело сел, явно повредил шасси, винты и нижнее крыло. Казаков не мог сказать, сделал ли это подполковник нарочно, не желая оставлять врагу, сравнительно целую машину, факт, что после посадки все три авиатора покинули самолет, когда к ним неслись японские всадники.

На обратном пути Александр у Мукдена обнаружил второго «Морана» редкой модификации — спарку. Стрельнув и попав в крыло, штабс-капитан развернулся, норовя зайти в хвост повторно и добить. Но японец неожиданно покачал крылом и покорно проследовал к аэродрому, направляемый короткими очередями «Садко» с правого и левого борта.

Единственный раз за всю войну вражеский летчик и сидящий во второй кабине крупный чин сдались живыми. Поверхностно допросив обоих, насколько позволяло знание французского у пленных офицеров, Леман приказал снять ручку управления с последнего «Дукса», впихнул их в переднюю кабину и перелетел к новому месту дислокации. «Моран» пришлось сжечь.

— Даже если я соглашусь, как ты себе это представляешь?

Казаков недоуменно пожал широкими плечами. Его стихия — воздух, на земле действовать стократ сложнее.

— Эрнст, давай я слетаю за Мукден и сброшу вымпел на японское расположение с предложением обменять двух пленных на Турчанинову, — предложил Дорожинский сравнительно спокойным тоном.

— Как командир отряда, заявляю — любая авантюра только в интересах всех троих. Не говоря о том, что и другие наши военлеты, сбитые на прошлой неделе, могут оказаться в плену. Станислав, сиди дома и просыхай. Летит Казаков. Александр Александрович, наземные службы в пути, обслужи и заправь машину сам.

— Я помогу, — откликнулся Станислав.

Вымпел представлял собой суконный шар, в нем — летные шлемы двух плененных пилотов, письмо от них на японском языке, предложение Лемана про обмен пленными на нейтралке, длинные цветные ленты для приметности. Его сбросили на японскую позицию южнее Мукдена.

Пятое марта прошло в тревожном ожидании. Наивно было предполагать мгновенную реакцию — сообщение должно попасть из пехотных окопов к командованию. Откровенно говоря, Леман и Казаков не очень-то рассчитывали на быстрое освобождение попавшей в беду тройцы, но пытались ухватиться за любую возможность.

Шестого марта подтянулись последние подводы. Дикость, конечно, но в авиации ни одного автомобиля. Все наземные перемещения — гужевым транспортом.

Сестра Анна, монашка из лазарета, нашла мрачного как смерть Дорожинского.

— Станислав Фаддеевич, мой это грех. До конца жизни перед Господом не отмолю его.

— О чем вы?

— Ребеночка, стало быть, Александра ждала, токмо сказать не сказала, уповала дольше с вами побыть.

Штабс-капитан сжал лицо руками.

— А коли б я нашему дохтуру шепнула, он бы ее, голубушку, в тыл спровадил. Грех, ибо смолчала я. Как ей сейчас, родимой, в плену да в положении.

К вечеру Дорожинский таки угодил под арест. Он был пьян и буен. Он сходил с ума от

мысли, что его беременная любимая в полной власти грубых, похотливых и жестоких врагов. Он грозил угнать самолет и лететь к японцам. Пытался вызвать Казакова на дуэль: тот вернулся из рокового вылета, а Александра — нет. Он сотворил множество глупостей, на какие может сподвигнуть напившегося и отчаявшегося офицера буйная голова во хмелю.

Над Маньчжурией началась настоящая буря. Ветер поднимал горы песка и пыли, снижая видимость до десятка метров. Принайтованные к земле аэропланы трепетали своим перкалевым телом, получали повреждения и никуда, естественно, не летали.

Девятого марта штабисты прознали о пленных, отсиживающихся в авиаотряде, устроили разнос командиру и уволокли японцев к себе. Леман, наплевательски восприняв выговор, ломал голову, как обставить блеф, чтобы обменять тройку летчиков на двух пленников, которых у него уже не было.

Десятого марта Русская армия оставила Мукден. Несмотря на богатый опыт Куропаткина по организации масштабных отступлений, русские части попадали в окружение и прорывались через японскую пехоту, покидали позиции через узкие коридоры, с двух сторон простреливаемые артиллерийским огнем — несли потери, не причиняя противнику ни малейшего вреда.

В историю вошла грустная запись Николая II в своем дневнике: «Опять скверные известия с Дальнего Востока: Куропаткин дал себя обойти и уже под напором противника с трех сторон принужден отступить к Телину. Господи, что за неудачи. Имел большой прием. Вечером упаковывали подарки офицерам и солдатам санитарного поезда Алекс на Пасху». Вместо того чтобы давно сместить бездарного командующего со всех постов, царь метался, не зная, что предпринять, и, как обиженный ребенок в подушку, зарывался мыслями в свою ненаглядную Алекс, вспоминая жену по поводу и без оного.

11 марта 1905 года, когда стих шторм, русские части продолжили движение от Телина к позициям у Сыпингая, а укрепившиеся в Мукдене японцы успели перебазировать туда остатки авиации, над расположением объединенного Уфимского и Киевского авиаотрядов пронесся «Моран» с черным корпусом и белым крылом, сбросив вымпел, подобный тому, что Казаков отправил японцам. Мешок с цветными лентами занесли в штабную хижину. В нем оказался резиновый мешок поменьше и письмо на русском языке, где с небольшими ошибками было написано следующее:

«Считаем позором для авиаторов микадо сдачу в плен и трусливое вымаливание жизни. Для придания вам решимости казнить их и чтобы впредь вы не унижали Японскую императорскую армию подобными предложениями, посылаю подарок». Пока Леман пытался разобрать заковыристую подпись под посланием, Казаков развернул мешок. В комнатухе повеяло тленом и страхом. Летчики, не раз смотревшие смерти в глаза, на этот раз не выдержали. Кто-то побледнел, кто-то опрометью бросился прочь.

Командир, первый пришедший в относительное равновесие духа, прикрыл бумагой самурайский презент. Затем приказал доставить Дорожинского.

Штабс-капитан, исхудавший за эти дни, всклокоченный и болезненно трезвый, приподнял бумагу и увидел ЕЁ. Но только голову. На лице выражение дикого, невыносимого, нечеловеческого ужаса. Мертвые мускулы не расслабились, сохранив посмертную судорогу. Головы Кокорина и Лойко выглядели не лучше.

Три дня за Дорожинским ходили как тень два унтера и подпоручик. Военлет не буйнил и даже не пытался напиться. Один раз, усыпив бдительность конвоира, вытащил его

револьвер и пытался выстрелить в Казакова. Унтер ударил штабс-капитана по руке, пуля ушла в небо, тогда Станислав поднес ствол к голове и снова не успел. Неудавшегося убийцу и самоубийцу опять посадили под арест, затем Леман написал рапорт в штаб армии, и Дорожинского куда-то увезли. По слухам, признали психически больным и отправили в больницу. С тех пор следы офицера затерялись.

Как на грех, в расположении авиаотряда оказался журналист и фотограф. Их, как падальщиков, тянуло на мертвечину. Как только запахло кровавой сенсацией, фотограф запечатлел три головы вместе и по одной, а также страшную записку самурая. Чувствуя, что военлеты готовы растерзать проходимцев, Леман срочно отправил их в тыл.

Перед погребением командир отряда заставил каждого летчика осмотреть отрезанные головы, после чего отдал приказ непременно добивать самураев, приземлившихся на своей территории. Можно было и в воздухе парашюты расстреливать, но те летали без них.

Глядя на искаженные мукой мертвые лица своих товарищей, пилоты озверели. Они были готовы умереть на этой войне, вести ее до конца, до последнего живого японца, пока трехгранный штык с хрустом не войдет в череп последнего младенца, из которого может вырасти такой же нелюдь, что отрезал головы Турчаниновой, Кокорину и Лойко.

Иногда маленькие события приводят к большим последствиям. На фоне десятков тысяч погибших смерть тройки летчиков — лишь частный эпизод. Но реакция русского общества на эту газетную публикацию была просто невероятной. Сухие цифры — десять тысяч, сто тысяч, миллион погибших — остаются лишь цифрами на бумаге. А отрезанная женская голова с застывшим выражением нечеловеческого ужаса наглядно и недвусмысленно показала, с чем Россия столкнулась на своих восточных рубежах.

В течение недели мало кто в европейской части страны не видел этой картины. Не осталось ни одной церкви, костела, мечети или синагоги, где бы паства не услышала проклятий в адрес супостата. Призывные пункты ломились от добровольцев.

Революционные брожения, начатые с варварского расстрела январской демонстрации в день Кровавого воскресенья, сошли на нет как по мановению руки. Россия на время сплотилась против внешнего врага. Революционных агитаторов тщательно лупили и сдавали охранке.

На фоне патриотического порыва как-то действовать пришлось даже самому слабому звену государственной машины — государю императору. Вместо того чтобы приказать публично расстрелять Куропаткина перед строем за трусость, Николай II слегка понизил любителя организованных отступлений. Царь сделал его вторым лицом после нового командующего — шестидесятилетнего генерал-адъютанта Линевица, бывшего подчиненного Куропаткина и соавтора позора. На новых должностях они запросили у государя удвоить количество войск в Маньчжурии и тогда уж непременно добыть победу.

Подкреплений они не получили. Но раздражение от нерешительности командования было настолько велико, что даже Линевиц не осмеливался более откладывать наступление.

У японской армии не было сил хотя бы обозначить непрерывную линию фронта. Тем более обороняться, имея пяток снарядов на орудие и десяток патронов на винтовку. Русские солдаты, распаленные агитацией по поводу Турчаниновой, да и сами не имевшие причин любить японцев, навалились, как паровой каток. Командование опасалось расправы над пленными, но зря: исхудавших до невозможности вражеских солдат добивать не поднималась рука. Более десяти тысяч из них погибли в лагерях от голода из-за обычного

русского головоуятия и отсутствия снабжения продуктами.

Тринадцатого мая штабс-капитан Александр Александрович Казаков, спрятав как обычно в летной куртке иконку Николая-угодника, сел на привычный, хоть уже изрядно потрепанный истребитель «Садко» и повел его над территорией, условно контролируемой врагом. Внизу проплывала Корея. Завидев что-нибудь интересное, летчик закладывал вираж или даже переворачивался вверх шасси на полубочке — широкий овал низкорасположенного крыла здорово затруднял обзор.

Армия микадо была, наверное, единственной в мире, не имевшей лошадей. Четвероногие друзья человека пали от бескормицы или давно отправились в солдатские котлы. Посему некому и не на чем было тащить орудия. Под крылом змеились бесконечные пехотные колонны.

Японские разрозненные части в беспорядке покидали Маньчжурию и в максимально возможном темпе двигались на юг Корейского полуострова. Их было очень много. Если бы командование восстановило хваленую японскую дисциплину, наступающим русским войскам пришлось бы крайне сложно, особенно под командованием таких стратегов, как Линевиц и Куропаткин.

Самураи прекратили полеты. По всей видимости, их последние уцелевшие аэропланы замерли на земле из-за отсутствия топлива и запчастей.

Много дней не встречая в воздухе врага, военлеты расслабились. Штабс-капитан поглядывал на небо, но не с той интенсивностью, что полгода назад, когда голова крутилась во все стороны на триста шестьдесят градусов, соревнуясь с пропеллером. За что и поплатился.

Когда на обратном пути по курсу показались русские колонны, откуда-то с высоты спикировал черно-белый «Моран», классически зашел в хвост снизу-сзади и вlepил очередь метров с пятидесяти. Казаков услышал барабанную дробь по корпусу, ощутив жгучую боль в ноге и в спине. Тут же рванул ручку на себя, выводя машину из-под огня. Мотор задрожал, на прозрачный козырек кабины брызнуло масло. Японец проскочил вперед и вправо. Стремясь сохранить управление, штабс-капитан даже не пытался обстрелять врага и вернулся на северный курс, ближе к своим.

«Моран» пошел на второй заход. Русский летчик был начеку и заложил вираж, когда японец подобрался на дистанцию открытия огня. Очередь прошла крыло, отвалился правый элерон.

Казаков почувствовал, что двигатель умирает. Его предсмертные конвульсии он воспринимал почти так же физически отчетливо, как и собственную простреленную ногу. Температура масла резко выросла, до заклинивания коленвала оставались секунды, может — десятки секунд.

Выбирая внизу место поровнее, летчик оглянулся и обомлел. Черный самурай снова заходил в хвост. Это шло вразрез со всеми легендами о нем. Обычно хладнокровный убийца наносил неожиданный удар и уходил невредимым, никогда не лез на рожон. Сейчас, желая во что бы то ни стало добить русского, он пер на малой высоте на русскую территорию, где в него стреляла каждая винтовка.

Зная, что горизонтальный маневр у «Садко» лучше, чем у «Морана», военлет заложил самый крутой левый вираж, на который был способен его израненный воздушный конь, и сразу правый. Завершив змейку, Казаков увидел японца прямо перед заляпанным маслом

козырьком и не жалея патронов вклепил длинную очередь метров с сорока. Когда пулемет смолк, наступила тишина, нарушаемая лишь свистом ветра — двигатель стал. Не рискнув выпустить закрылки, так как механизация правой плоскости явно пострадала, штабс-капитан начал снижение на условно ровном участке, тревожно вглядываясь в приближающуюся полосу чахлых посадок.

Срывая обтекатели и ломая шасси, «Садко» кое-как погасил скорость, высоко поднял хвост и грузно грохнулся на хвостовой крюк. Прямо по курсу в редкой смеси кустарников и низких деревьев застрял «Моран».

Но сбитый враг — еще не убитый враг.

Иногда человек умирает от пустячного толчка, чепуховой инфлюэнцы и даже общего расстройства чувств. Штабс-капитан, изрядно потрепанный жизнью человек, серьезно раненый и потерявший много крови, не хотел умирать. Но не стал дожидаться помощи и не пополз к своим. Подобрал какой-то обломок, он приспособил его наподобие клюки и, ежесекундно рискуя потерять сознание от боли и кровотечения, заковылял к «Морану», преодолевая самую трудную в жизни дистанцию.

Самурай стоял, опираясь спиной на разбитый черный фюзеляж аэроплана, молча, гладил его по рваному перкалю, словно прощаясь. Второй рукой он опирался на длинную искривленную саблю наподобие кавалерийской пашки, только с рукоятью под двуручный хват. Если бы штабс-капитан не изнемогал от потери крови и боли, он, верно, вспомнил бы, что свое традиционное оружие японцы именуют катаной. Странно, в обломках сбитых «Моранов» клинки не находили ни разу.

Увидев русского, японец повернулся к нему, стянул с головы шлем. Вокруг лба и черного с проседью ежика волос белела хатимаки с алым кругом впереди. Он вытащил катану из ножен, уронив их, принял стойку, отведя клинок в сторону, затем закашлялся кровью.

Казаков поднял револьвер. От слабости его качало так, что с тридцати шагов не попасть. Он собрал остатки сил на последний рывок и снова захромал к Черному самураю.

Штабс-капитан не соображал, что тяжело раненый враг до сих пор может быть опасен. Если бы военлет рассуждал логически, то вообще бы остался у «Садко». Им двигал единственный порыв, заглушавший и боль, и разум, — уничтожить проклятого вражеского пилота, унесшего жизни множества товарищей по отряду. Но японец не думал нападать — гордо выставив оружие предков, он приготовился к смерти. Самурай даже не смотрел на Казакова, демонстрируя пренебрежение к своему убийце. Губы зашевелились, что-то зашептав на родном языке.

Русский офицер поднял револьвер. С невольным уважением к врагу он подумал, что, будь у наших генералов хоть десятая часть несгибаемого духа, который проявил умирающий Черный самурай, наши войска бы не откатывались к Сыпингаю, а штурмовали Токио. Быть может, преследуя «Садко» над русскими войсками, пилот не только добивал подранка, но и сам искал достойной смерти в бою.

Через двадцать минут Казакова подобрал казачий разъезд. Есаул поразился, когда летчик отдал честь мертвому японцу.

Затем передовые части окончательно очистили Маньчжурию и заняли полуразрушенный Порт-Артур. Наступил последний акт драмы.

Глава 4

13 мая — 1 июня 1905 года. Китай, Шаньдунский полуостров. Юго-западное побережье Кореи

Война на суше близилась к концу. Но основные ударные силы японского флота, избегавшие активных действий в Желтом море, были по-прежнему сильны. Можно было их просто проигнорировать и подписать мир после капитуляции японского контингента в Корее. Но в направлении Владивостока двигалась 2-я Тихоокеанская эскадра вице-адмирала Рождественского.

Великий князь Александр Михайлович, не новичок на море, понимал, что эскадра сильна лишь номинально. После длительного и сложного перехода кораблям требуется ремонт, а экипажам отдых. Потери от столкновения с японским флотом наверняка ослабят русские позиции на переговорах о прекращении огня и мире.

После начала суматошного бегства японских войск из Маньчжурии в Корею князь отправил донесение государю, в котором просил эскадру Рождественского хотя бы на две недели задержаться в нейтральном порту. К концу мая он рассчитывал на освобожденной корейской земле оборудовать новую авиабазу, с которой север Японии окажется в радиусе действия. Император посоветовался с генерал-адмиралом и отклонил ходатайство командующего ВВС.

Утром 13 мая 1905 года великий князь собрал в своей китайской штаб-квартире командиров обоих отрядов «Русских Витязей», отряда «Морских Витязей» и командиров эскадрилий. Тяжелой авиации России предстояло самое суровое испытание за ее короткую историю.

Дом в традиционном стиле, с четырехскатной крышей и причудливо загнутыми ее концами, выглядел как игрушечный и совершенно не подходил по внешнему виду для полевого штаба ВВС. Несмотря на близость театра военных действий и обилие чужеземцев в военной форме, Восточный Китай казался идиллически мирным. Вблизи базы грозных воздушных миноносцев не рисковал показаться ни один транспортный и тем более десантный японский корабль. Шаньдунский полуостров, как острый клык, впился в море, а его острие, так удачно приблизившее русскую базу к оккупированной японцами Корее, приютило самое грозное воздушное оружие в мире.

— Господа, мы ожидаем возвращение разведывательного самолета и радиограммы с флагмана эскадры, — начал совещание князь. — Владимир Семенович, доложите состояние дел, исходя из имеющихся сведений.

Начальник разведки приблизился к большой карте Желтого моря и прилегающих земель, на которой уместилось множество мелких, словно игрушечных корабликов.

— По состоянию на исходе вчерашнего светового дня основные силы адмирала Того, включая эскадренные броненосцы, находятся на базе Мозампо под парами и готовы к выходу в море по первой команде. Вторая Тихоокеанская эскадра войдет в Цусимский пролив, по нашим расчетам, завтра на рассвете, — указка воткнулась в узкое горло между Японией и Кореей. — Здесь наиболее вероятное место атаки японского флота.

— Предполагаемые действия адмирала Рождественского? — спросил Александр Михайлович.

— Кильватерная колонна, движущаяся со скоростью не более девяти узлов. Корабли

весьма разные, и они совершили переход из Балтики в тридцать три тысячи километров. Избрана оборонительная тактика прорыва к Владивостоку всеми кораблями, кто уцелеет. Несмотря на преимущество тяжелых линейных броненосцев типа «Бородино», нападение на японскую эскадру не планируется.

Лица авиационных командиров помрачнели. Царь во главе соединения поставил идейного родственника Куропаткина и компании. Но море — не суша. Отступая чуть ли не до российской границы, сухопутные горе-стратеги сохранили большую часть личного состава, спасибо им хоть за это. Японские потери гораздо больше и в наступлении, и во время драпа. Трусливая тактика на море приведет к гибели кораблей и экипажей 2-й Тихоокеанской эскадры.

— Значит, основная надежда на нас, — заключил князь. — Как и в других операциях данной войны.

Следующими докладывали зампотехи отрядов. После потерь и пополнений на полуострове осталось сорок восемь исправных «Русских Витязей» и двадцать шесть «Морских Витязей», подготовленных к операции против главных военно-морских сил Японии. В рейд на такое значительное расстояние «Русские Витязи» впервые отправятся с полутонными минами Уайтхеда и значительным перегрузом от дополнительных топливных баков. Вероятно, это будет неприятным сюрпризом для Того, не ожидающего ударов «пятисотками» вдали от китайских берегов. Неприятность в том, что по прибытии в район атаки у русских миноносцев не остается времени на поиск противника и маневрирование. То есть топлива гарантированно хватит лишь при условии, что траектория от базы до японских кораблей и обратно будет прямой, как стрела. Теоретический резерв бензина — не более семи процентов.

— Авантюра, — прокомментировал командир летающих лодок. — Отлично!

Его отряду придется еще труднее. Для дозаправки им придется искать немецкий танкер в беспокойном Желтом море и пытаться закачать топливо на воде, не повредив самолет. Фантастически сложная задача. Хорошо, если хотя бы пяток «Морских Витязей» благополучно вернется в Китай.

Вошел офицер связи.

— Ваше императорское высочество! Радиограмма от адмирала Рождественского.

Князь пробежал глазами расшифрованный текст. Его суровое лицо просветлело.

— Отличная новость, господа. Адмирал отказался от прорыва через Цусимский пролив и повернул на северо-запад, огибая остров Чеджудо. Технически Того может настичь его и в Восточно-Китайском, и в Желтом море. Но нам не придется экономить каждый стакан топлива. Вторая хорошая новость в отказе от единого кильватерного построения. Транспорты и наиболее устаревшие и поврежденные суда пойдут западнее. Вот только японцы уже знают об изменении маршрута. С «Князя Суворова» видели «Моран», — командующий поднял глаза на авиаторов. — Значит, операция начнется в ближайшие часы. По прибытии разведчика вам, Владимир Семенович, и штурманам рассчитать наиболее вероятное место и время пересечения кораблей Того с нашей эскадрой. Как и прежде наша задача — вмешаться в самом начале боя. Не топить японцев, а как можно больше вывести из строя, чтобы они не рискнули лезть под главный калибр «Бородино».

Армада «Витязей» начала покидать базу утром 14 мая, когда на небе растворялись последние звезды. Хуже всего, что эскадрильям пришлось лететь практически вслепую.

Вечером разведка засекала три вражеских броненосных отряда и несколько групп крейсеров и эсминцев на входе в пролив Чеджу. Проблема в том, что в чернильной тьме тропической ночи ни самолеты не летают, ни броненосцы не воюют. Даже если вектор и скорость японских кораблей определены верно, с учетом их изменения враг может находиться где угодно в пятне размером в сотню морских миль.

Более того, после взлета потеряна связь со своими. Радиостанция столь велика и тяжела, что даже «Витязь» ее не унесет.

Александр Михайлович нарушил старый совет Самохвалова, совпадавший со строгим наказом императора — не летать самому на рискованные задания. К сожалению, командовать воздушным соединением в такой ответственной операции он не мог доверить никому.

Четыре мощных мотора гудели на повышенных тонах, справляясь с перегрузкой. Взлетели вообще едва-едва. Ничего, подумал князь и мысленно провел ладонью по капотам двигателей, как по спине уставших породистых лошадей. Скоро бензин выработается, мина улетит к японской матери, и задышим легче.

Он отстегнул привязной ремень и присмотрелся к работе штурмана. Тот постоянно поглядывал на компас, сверял скорость, что-то быстро считал, шевеля губами, и ставил очередную отметку на карте.

— Сколько до точки встречи с Рождественским, Савелий?

— Час семнадцать, командор, — откликнулся поручик.

— Хорошо.

Александр отправился в хвост и забрался на место стрелка, согнав механика. Поверх пулемета хорошо просматривался строй и такая же линия тяжелых миноносцев слева по борту — второй отряд под командованием полковника графа Левченко. Сравнительно тихоходные гидросамолеты добираются самостоятельно.

Не ожидая сюрпризов от останков японской авиации, на «Витязях» оставили лишь один пулемет для защиты задней полусферы, посадив за них механиков. Каждая сэкономленная сотня килограмм превращена в центнер дополнительного топлива.

Александр вернулся на свое место. При кажущейся романтике воздушной службы полеты на миноносце страдают изрядным однообразием. Час или два в сторону цели, три минуты на сближение и получение дырок в крыле, столб огня над кораблем или жесткая горечь промаха. Затем скучный путь домой, когда внизу только волны, вверху облака, а уровень топлива неуклонно валится к нулю. Возможны и более острые ощущения при падении «Витязя» в море, только рассказать о них некому.

А пока главный человек в отряде — Савелий, штурман от Бога. Второй отряд тоже равняется на машину командора. Это звание командующий российскими ВВС придумал себе сам, дабы сократить до минимума обращение к титулованной персоне в боевой обстановке.

Война учит многому. В том числе — ценить минуты покоя, когда тобой сделано все возможное и от тебя больше ничего не зависит. Понимая, что скоро миноносец пойдет в атаку на эскадру, ошестинившуюся десятками зенитных пушек и пулеметов, как Давид на Голиафа, и шансы на благополучное возвращение неизмеримо меньше, чем при охоте на транспорты, князь пытался думать о вещах, которым слишком мало уделял внимания в суе наземной службы. Всплыли лица жены и детей. Независимо от исхода сегодняшней операции и войны в целом им не придется стыдиться мужем и отцом. Хотя они, наверное, предпочтут его живого, а не прославленного.

Потом неожиданно вспомнился Самохвалов. Не нынешний человек-завод, который в далеком тылу обеспечивает поставку «Витязей» всех марок до десятка в месяц и целые составы запчастей, а наперсник, с которым они строили первый рекордный аппарат. И его жестокий упрек после возвращения из Атлантики, слишком справедливый, из-за чего они полгода почти не разговаривали.

Обидно, что правота Петра Андреевича проявлялась и дальше. Ни один из Романовых на ключевых государственных должностях не справлялся так, как это виделось Александру согласно наставлениям, усвоенным в детстве. Наоборот, офицеры из простых дворянских семей, а то и разночинцы, порой поступали так, что правящей семье стоило поучиться. Тот же Самохвалов, купеческий сын, сделал первый самолет впереди всей планеты, его старший брат Василий вывел Россию в центр европейского автомобилестроения. Чем прославился Никки? Разве что Ходынским воцареньем, Кровавым воскресеньем и привычкой закусывать коньяк лимоном. Ах да, при нем будет одержана великая победа над Японией, и никто не задумается, что мы побеждаем вопреки, а не благодаря его руководству.

— Приближаемся, командор, — выдержнул его из размышлений штурман.

Князь взял бинокль и протиснулся между пилотами.

— Не увидим корабли Рождественского, прапорщик, пеняй на себя.

— Виноват, командор. Мы вышли в расчетную точку. Через двадцать пять-тридцать минут, в зависимости от высоты, вы прямо по курсу увидите острова вдоль корейского берега.

— Слева, командор! — что-то заметил первый пилот.

— Надо же, остроглазый. Дома тебя и штурмана поощрю, — князь увидел в бинокль дымы. — Плавно влево, чтобы второй отряд понял наш маневр.

Пока радиостанции не станут малого веса, вмещаясь в самолет, единственный способ управления группой — «делай как я». Увидев маневр командирской машины, обе цепочки миноносцев заложили вираж, и пошли в тысяче метров над западной колонной кораблей. Уже без бинокля различались транспорты, вспомогательные суда, эсминцы, устаревшие крейсера и броненосцы.

Наступило самое нервное время полета. В расчетную зону вышли, резерв топлива сжигается, враг не обнаружен. Хоть здесь гораздо ближе до базы по сравнению с Цусимой, через минут сорок придется возвращаться назад.

Правый разворот. Внизу цвет эскадры — тяжелые эскадренные броненосцы и крейсера. Японцев не видно. Не может же Того щемиться между нашими и берегом — там полно рифов, мелей и скалистых островов. Либо он нагоняет, либо заранее ушел вперед, чтобы развернуться и зажать Рождественского между собой и прибрежными скалами.

Летим на юг до пятидесяти километров, возвращаемся назад, проходим по курсу нашей эскадры. Если и там никого, идем на базу.

Как бывший моряк командор представил состояние судовых экипажей, увидавших, как грозные миноносцы покачали крыльями, и ушли, а навстречу им или сбоку выходят на дистанцию огня японские плавучие крепости.

— Море чистое.

— Вижу. Снова на север. Штурман, резерв топлива после прохождения вперед двадцать километров после нашего флота?

— Не более девяти процентов, командор, — ответил Савелий после минутных расчетов.

Наверное, это подсчитывают все штурманы. Значит, последний шанс. Того не мог уйти

далеко вперед. Или до него не более двадцати — тридцати километров, или самураи вообще отказались от решительной схватки из-за близости осинового гнезда русской авиации.

Снова под крылом остался «Князь Суворов» с флагом Рождественского, а перед миноносцами раскинулась пустая водная гладь.

Пустая? То же сомнение посетило второго пилота.

— Командор, рыбаков не вижу. Ни одного паруса. Как увидели что и сховались.

Сердце сжалось предчувствием, что японцы здесь. Князь до боли всмотрелся в горизонт и воскликнул:

— Господи! Впереди идет бой! Снижаемся до пятисот.

По мере того, как дымы вражеских отрядов становились отчетливее, русские летчики с ужасом осознали, что японцев не просто много — их кошмарно много. Возможно, целая сотня. Гораздо больше, чем доложил разведчик, не осмелившийся подойти к ним поближе.

Александр убедился, что второй отряд тоже пошел на снижение перед атакой, а самолеты начали разрывать дистанцию и выстраиваться попарно, чтобы в момент захода огонь ПВО разделялся на две цели. Приближался момент, когда каждый миноносец сбросит груз, и управление боем практически прекратится. Машина с командором сделает круг, ожидая остальных после пуска мин, и двинется на базу в Шидао.

Японские корабли следовали четыремя колоннами. Головной броненосный крейсер самой западной группы уходил под воду, четверо пылали с разной степенью повреждений. В сторону моря уходили «Морские Витязи», освободившись от мин. Не менее пяти из гидросамолетов горели на воде.

Не время считать потери, одернул себя князь и указал первому пилоту на третий с запада японский строй. Второй с запада достается Левченко. С четвертым, ближайшим к берегу, пусть Рождественский разбирается сам.

Атака — момент истины для экипажа миноносца. Когда-то в Архангельске князь понял, что в современных условиях самолеты, группой свыше четырех машин атакующие один боевой корабль с пулеметами и орудиями ПВО, имеют шанс возвращения на базу не более пятидесяти процентов. Но на борту миноносца семь человек, а на кораблях сотни и тысячи. «Витязь» несравнимо дешевле, чем эскадренный броненосец или броненосный крейсер, минный удар неизбежно выведет его из строя или затопит. В числе семерых отчаянных — сам, поставивший на карту собственную жизнь.

Моторы взвыли на максимальных оборотах. Огромный самолет выровнялся метрах в тридцати над водой, стремительно приближаясь к головному кораблю под флагом Того, словно пытаясь его таранить.

Когда массивная туша броненосца, испещренная огоньками выстрелов, заслонила, чуть ли не половину горизонта, в воду упала длинная стальная сигара мины Уайтхеда. Пилот рванул штурвал на себя и заложил вираж, проскочив над самыми мачтами броненосца. Кабину заполнил грохот, треск, дым, что-то сильно ударило снизу и встряхнуло корпус. «Витязь» взмыл в высоту, а механик с места заднего стрелка радостно заорал. Столб огня и рваного металла пробил палубу, взлетев над мачтами корабля.

Князь перевел дух. По машине стебанули последние пули, обстрел стих.

— Осмотреться. Механикам доложить о повреждениях. Экипажу доложить о ранениях.

Пилот повел машину по пологой дуге, давая возможность пристроиться другим уцелевшим «Витязям».

— Панкратьев убит.

Александр прошел в нос. Голова второго пилота бессильно склонилась. Командир был бледен, но спокоен. Он летал с Панкратьевым год. Горевать будем на земле.

— Сам цел?

— Никак нет, командор. Ног не чувствую.

— Твою ж мать...

С трудом вытащив мертвого летчика к штурманскому месту, князь увидел кровь и на комбинезоне Савелия.

— Поручик, серьезно ранен?

— Чепуха, в руку. Базу найду.

Александр уселся в липкое от крови пилотское кресло и принял управление. Бортинженер помог выбраться первому пилоту, разрезал штаны и пережгутовал бедра выше пулевых ран. Затем помог штурману. Механики доложили, что поврежден всего один двигатель, большой утечки топлива не наблюдается — протестированные баки справились с пробоинами.

— За нами много пристроилось?

— Вижу шесть... Нет, семь. Не знаю, командор, наши то или отряд Левченко.

По-хорошему, надо заложить вираж и осмотреться. Но «Витязь» подбит. Незачем подвергать верный экипаж и себя ненужной опасности. Домой!

В это время последние миноносцы сбросили в воду смертельные подарки.

Самоходная мина Уайтхеда, которую в некоторых странах именуют непонятным словом «Торпедо», бьет корабль под дых, если сравнивать морской бой с кулачным. Она врезается в борт у ватерлинии ниже брони и проламывает его. Многослойная сталь, угольные тендеры по бортам и другие конструкторские хитрости не могут уберечь броненосец от повреждений. Мощный взрыв убивает или оглушает людей, осколки борта сокрушают внутренности, как картечь. Пробитый отсек быстро набирает воду, корпус дает крен. Вырванные от удара заклепки соседних секций обшивки означают поступление воды в другие части корабля.

Кулачный боец держит сильные удары в голову, встряхивает ею и снова машет кулаками. От тычка в «солнышко» складывается пополам. Эскадренные броненосцы выдерживают двадцать и более попаданий крупным калибром, не выходя из боя. Единственная мина гораздо страшнее, чем долгий артиллерийский обстрел.

На земле князь помог выбраться раненым, когда механик крикнул:

— Гляньте, отчего мотор стал!

У мотогондолы, пробив передний лонжерон крыла и, скорей всего, трубопровод, торчал кусок корабельной радиоантенны.

В течение четверти часа на аэродром прилетели, приползли и доковыляли на честном слове еще двадцать семь машин разной степени избитости. Вернулись на базу двенадцать гидросамолетов, и к вечеру три, подлатавших неисправности на плаву. Кого-то из военлетов выловили из воды русские вспомогательные корабли, сбежавшие от японцев в сторону Циндао. Выдающееся авиационное соединение, обеспечившее русской армии победу в войне, минимум на неделю оказалось полностью небоеспособным. Погиб цвет русской миноносной авиации.

Японцы под шумок попытались отправить десант на Сахалин, попав на свою беду в поле зрения разведчика Владивостокского авиаотряда «Морских Витязей». Десантная операция превратилась в спасательную, причем часть судов, переполненных подобранными с менее удачливых посудин, добровольно сдалась в плен. Авиаторы потеряли лишь две

машины.

На этом активные действия кончились. Англия бросилась на защиту Японии, не дав добить остатки ее армии в Корее. Репарации по мирному договору погасили большую часть внешнего долга.

Рождественский приписал себе потопленные авиацией корабли, пытаясь этим прикрыть позор, что до Порт-Артура добралась едва ли треть 2-й Тихоокеанской эскадры. Его, естественно, поддержал великий князь Алексей Александрович, примазываясь к победе в японской войне.

Когда Александр Михайлович узнал, что император высочайше навесил Андрея Первозванного не только ему и сомнительному герою Линевичу, но и генерал-адмиральскому ничтожеству, то публично отказался носить орден. Никки расстроился, попенял зятю за неуважение и принялся дальше править державой, насколько у него это выходило.

— Александр! Вы окончательно с ума сошли! Извольте объяснить немедленно свой демарш!

Помазанник Божий рвал и метал. Да, племянник, если бы ты столько злости выливал на врагов России, за пределами империи уже б и народу не осталось, думал генерал-командор ВВС, от скуки разглядывая золоченую лепнину царского кабинета на потолке.

Причиной монаршьего гнева явилась пачка фотографий и пояснительных диаграмм, которые якобы случайно попались кайзеровской разведке после злосчастного выстрела в Сараево. Из них даже неспециалисту было ясно, что в окружении хорошо укрепленного армейского корпуса живет себе на западе Королевства Польского еще один корпус, на этот раз авиационный. Ровными рядами красовались «Витязи» третьего поколения с двухтонными бочками под брюхом, а на карте Германии и Восточной Пруссии аккуратными кружками и стрелками были разрисованы боевые радиусы действия и стрелки заранее рассчитанных маршрутов.

— Кайзер в бешенстве! — продолжал распрягаться император. — Он в любую минуту готов объявить войну и требует прекращения мобилизации. А вы со своими идиотскими угрозами. Да у них самая мощная ПВО в городах, пять сотен отличных истребителей. Вь никуда не довозете свои отравляющие вещества!

Дождавшись, когда организм государя утомится изрыгать вопли, князь спокойно заметил:

— Их летчики не умеют летать по ночам, а могучая ПВО — стрелять. Щелчок пальцами — и одним прекрасным утром Германия не проснется.

Император от неожиданности на миг утратил полемический запал.

— Одумайся, Александр! Ты собираешься варварски истребить всю немецкую нацию?

— Возможно, я перестарался. Для примера хватит Берлина. И даже простой угрозы газовой атаки.

Николай подошел вплотную к родственнику и попытался грозно глянуть. Получилось неубедительно.

— Кайзер — мой кузен. Мы сами, в конце концов, германцы. Как ты можешь?

— Знаешь, Никки, я — русский, и мне плевать, какой нации мои родители.

Император махнул руками. Мол — ты безнадежен.

— Вильгельм знает, что он у меня на ладони. Хлопок — и только улицы от трупов очистить. Это знает их генералитет. Потому немцы и бесятся. Один ты пребываешь в неведении.

— Ты решительно невозможен. Я десятилетиями строю альянсы, балансирую между врагами и друзьями России. А ты, как татарин какой-то. Саблей раз — и все порушил.

— Тем, что перепугал немцев до колик? Никки, одумайся. У тебя развязаны руки, делай с Австро-Венгрией что хочешь. Кайзер пусть развлекается с Францией и Англией. Без Австро-Венгрии он и полгода не сдюжит. Или я не прав?

Николай сел за стол и принял строгую позу.

— Как вы все меня утомили. Каждый знает, как управлять Россией лучше меня. Не понимаешь, как это сложно. Ты, небось, откажешься на себя такую ношу взвалить.

— Отчего же? — спросил Александр. — А ты пока разберись с домашними

проблемами, с больным сыном, с императрицей, которая не может родить тебе здорового наследника и пляшет под дудку полоумного Распутина...

— Хватит! — воскликнул Николай, которого упрек о наследнике со стороны Александра, имевшего шестерых крепких сыновей, ударил ниже пояса. — Ты мне зять, дядя, друг, но всему есть предел. Я отстраняю тебя от командования воздушными силами и удаляю из русской армии. Ступай.

— Вам виднее, ваше императорское величество. Только самолеты с ядами из Польши не убирайте, а то любезный кузен Вилли задавит вас, как котенка.

— Убирайся! — император был готов швырнуть в Александра чем-то тяжелым или отправить под арест.

Бывший командующий ВВС часто вспоминал эту встречу и пророческий намек на то, что он сам может стать во главе России. После Февральского переворота 1917 года, отречения и ареста Николая великий князь Александр Михайлович Романов стал первым императором новой конституционной монархии. До парламентских выборов он отменил два рескрипта своих предшественников: Петра III об отчуждении Восточной Пруссии и Николая II о выводе русских войск из Австрии. Осталось разобраться с Аляской, но не все сразу. По крайней мере, с революциями покончено.

За решительными действиями нового царя с интересом и одобрением наблюдал пожилой человек, давно отошедший от дел. Возможно, российская история пошла бы по иному пути, если бы в снежный февральский день 1892 года он не смог поднять в воздух маленький кургузый биплан, заботливо сохраненный для потомков с надписью «Александр Можайский» на фюзеляже.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Глоссарий

Бочка— фигура высшего пилотажа, при выполнении которой самолет вращается вокруг продольной оси; при полубочке самолет переворачивается вверх шасси либо из такого положения возвращается в исходное.

Вертикальный разворот (прямой или обратный)— фигура высшего пилотажа, при выполнении которой самолет выписывает восходящую петлю и полубочку, теряя скорость, но наращивая высоту. Иногда именуется «боевой разворот», в Европе принято называть эту фигуру «иммельман». Возможен обратный разворот с наращиванием скорости — полубочка и полупетля вниз.

Глиссада— траектория полета летательного аппарата, по которой он снижается непосредственно перед посадкой.

Кабрирование— движение с положительным углом тангажа, то есть с набором высоты.

Капотирование— переворот через нос при неудачном приземлении.

Киль— горизонтальный элемент хвостового оперения.

Козление— на авиационном сленге: нежелательные прыжки самолета на упругих элементах шасси при жестком касании земли на приземлении.

Крыло— в отличие от описания птиц, у которых два крыла, в авиации крыло считается единым конструктивным элементом. Можно сказать «верхнее крыло», но некорректно «правое крыло», в последнем случае говорят «правая плоскость».

Лонжерон— основной продольный силовой элемент каркаса крыла, брус или алюминиевая труба.

Магнето— генератор. На заре авиации запуск двигателя осуществлялся вдвоем — один с силой проворачивает пропеллер, второй вручную крутит магнето для создания достаточного напряжения в системе зажигания.

Мина Уайтхеда— торпеда.

Пикирование— движение с отрицательным углом тангажа, то есть с потерей высоты. В отличие от бытового применения этого термина не обязательно означает отвесное падение. У большинства самолетов допустимый угол пикирования (снижения) весьма ограничен. Крутое пикирование совершают боевые и пилотажные машины.

Подкос— здесь: наклонный элемент конструкции, обычно алюминиевая труба между плоскостями либо между крылом и фюзеляжем для увеличения жесткости.

Расчалка— трос, обычно соединяющий крыло и иные элементы для увеличения жесткости конструкции.

Серворуль— небольшая плоскость, устанавливаемая на элеронах, рулях высоты и направления, служит для уменьшения усилий на органы управления.

Стабилизатор— горизонтальный элемент хвостового оперения.

Стрингер— здесь: продольный элемент конструкции крыла, поддерживающий обшивку.

Тангаж— угловое движение летательного аппарата относительно главной поперечной оси. Угол тангажа — угол между продольной осью летательного аппарата и горизонтальной плоскостью.

Угол атаки— угол между направлением набегающего на крыло воздушного потока и хордой крыла. Отличается от угла тангажа тем, что направление воздушного потока может

сильно отклоняться от горизонтали.

Хорда— отрезок прямой, соединяющей две наиболее удаленные друг от друга точки профиля. На заре авиации, когда применялись сравнительно простые аэродинамические профили крыла (плоский низ, выпуклый верх), совпадала с линией обшивки нижней части крыла.

Шасси— система опор летательного аппарата, обеспечивающая его стоянку, передвижение по аэродрому или воде при взлете и посадке.

Элероны— аэродинамические органы управления, симметрично расположенные на задней кромке консолей крыла. Служат для управления креном. В ранних моделях иногда выполнялись как независимые поворотные плоскости.